

Шоколад для ценителей...

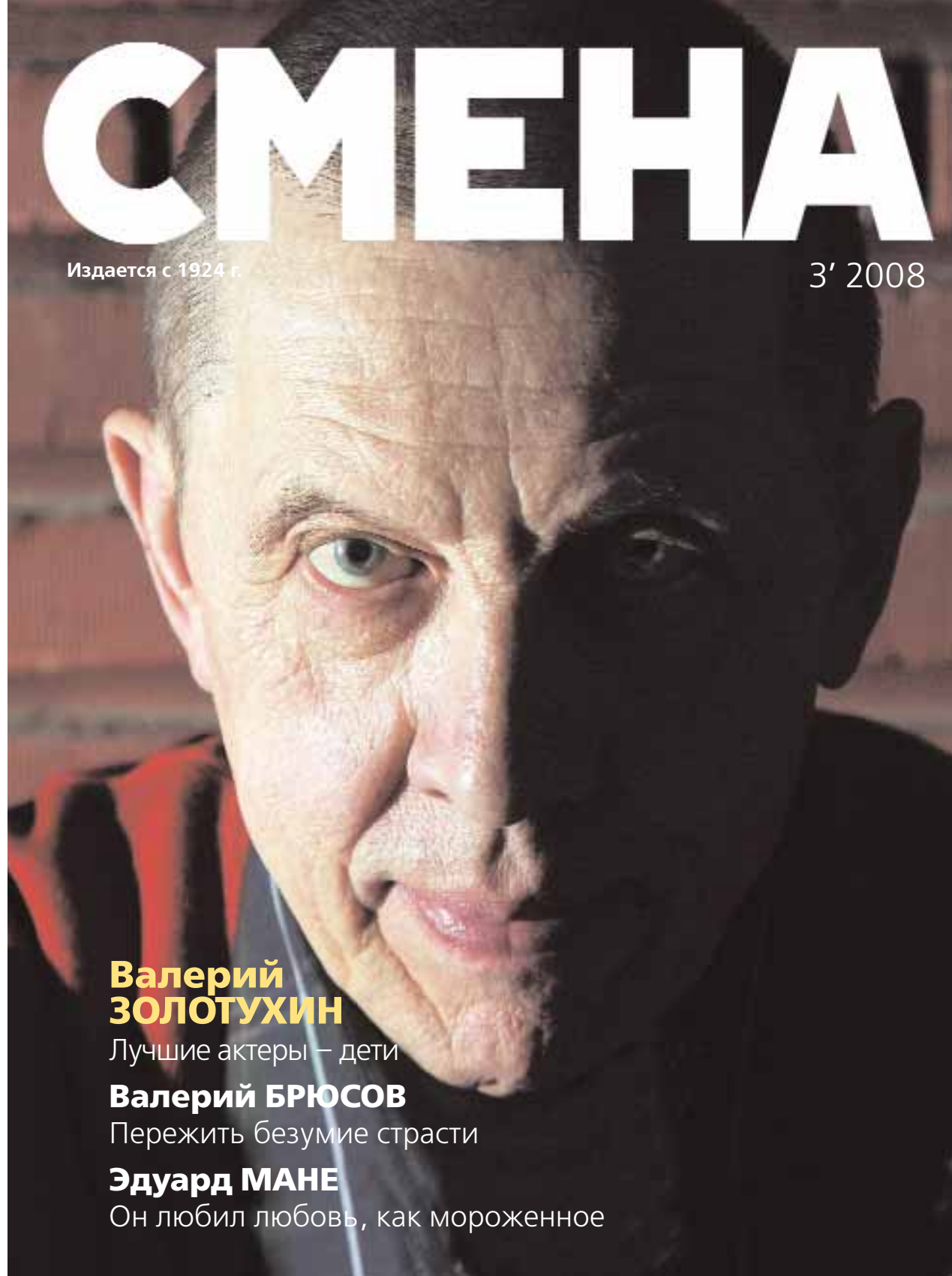
www.vk.ru

СМЕНА МАРТ 2008

СМЕНА

Издается с 1924 г.

3' 2008

Валерий ЗОЛОТУХИН

Лучшие актеры – дети

Валерий БРЮСОВ

Пережить безумие страсти

Эдуард МАНЕ

Он любил любовь, как мороженное

№ 1721
издается с января 1924 года

Главный редактор:
Михаил Кизилов

Отдел журналистики:
**Нина Чугунова,
Евгений Стецко,
Надежда Болгова,
Мария Жукова, Сона Тамамян**

Литературный отдел:
**Тамара Чичина,
Светлана Подорванова**

Корректор: **Марина Силакова**

Использованы фотографии:
ИТАР-ТАСС

Оформление, верстка,
предпечатная подготовка:

ООО «Издательский дом
журнала «Смена»

Генеральный директор:
Джемир Дегтяренко

Редакционный директор:
Нина Чугунова

Креативный директор:
Евгений Стецко

Издательский директор:
Дмитрий Мережко

Реклама: adv@smena-id.ru
Тел. (495) 257-3337

Распространение: sales@smena-id.ru
Тел. (495) 257-3137

Редакция: **127994, Москва,
Бумажный пр-д, 19, стр. 2.**
www.smena-id.ru

E-mail: jurnal@smena-id.ru
Тел. (495) 612-1507, факс 250-5928.

Печать: ООО «ИД «Медиа-Пресса».
127137, Москва, ул. Правды, д. 24.
Тираж – 87 000 экз. Зак. № 80440.

Учредитель – ООО «Издательский
дом журнала «Смена»

Журнал зарегистрирован
в Комитете Российской Федерации
по печати (Рег. № 014832).

Подписные индексы:
каталог «Роспечати» **70820**
каталог «Объединенный» **88998**
каталог «Почта России» **99406**

© ООО «Издательский
дом журнала «Смена»

О чем нынче спорим, по какому поводу беспокоимся?
Главное в новостях: события в Косово, Ираке, Афганистане, цены на нефть и газ, выборы президентов и парламентов, загрязнение атмосферы, милитаризация космоса...

Конечно, все это, как и многое другое, важно.
Между тем, во многих странах, и с каждым годом их все больше и больше, остро встает проблема питьевой воды. Два миллиарда жителей Земли страдают, а тысячи человек ежедневно умирают от ее недостатка.

Сегодня питьевая вода уже дороже нефти.
Только России и Бразилии не грозит ее дефицит. Остальным — сложнее.

Правда, жители многих малых городов России пьют, к сожалению, неочищенную речную, «добитую» хлоркой, воду, а в крупных городах состояние водопроводных систем требует замены, но это можно со временем исправить.

А вот общий недостаток воды — уже проблема планетарного масштаба.

Есть ли выход?
Разумеется. Но только в том случае, если ученые достучатся до властей предрержащих, и если человечество поймет: для того, чтобы выжить завтра, надо кое-что сделать сегодня.

Этим и еще многим другим — интересным и неожиданным — делятся наши авторы с уважаемыми читателями.

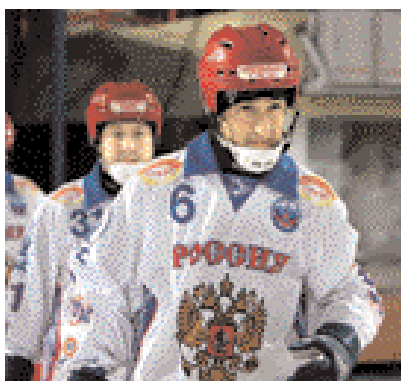
Михаил Кизилов

РАПОРТ «СМЕНЫ»

- 4. Лицо с обложки.**
Валерий Золотухин

- 14. Игры взрослых.**
Размышления о бенди

- 18. Частное мнение.**
Бойтесь мужчин без воображения, или Что мы празднуем 8 марта?

- 49. Диалог.**

НАТУРА ЧЕЛОВЕКА

- 22. Фотопроект «Просто люди».**
Весна священная

- 30. Практика относительности.**
Что мешает и всем ли это необходимо?

- 38. Стиль жизни.**
Меняю скульптуру на шарф от Версаче

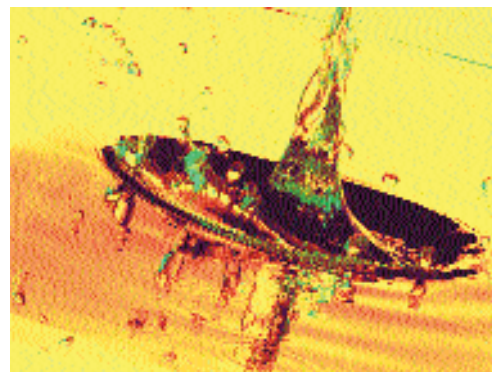

- 44. Смена представлений.** *Русский язык в формате*

- 50. Постоянство разума.**
Остаться нормальным человеком, чтобы не сойти с ума

МИРА ЗДАНИЕ

- 56. Свобода от известного.** *Её величество вода*

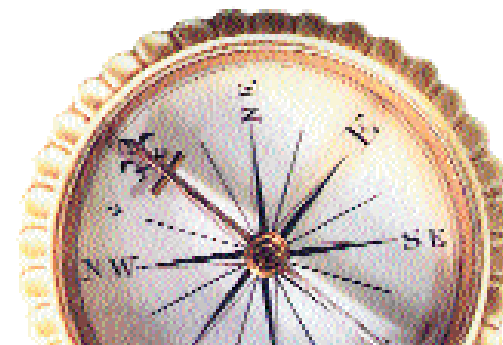

- 66. Суть вещей.** *Матрешка и matrioshka*

- 72. Неизвестное об известном.**
Пей, да дело разумеи

- 78. Странные вещи.**
Потерянное прошлое... Гипотеза или факт?

ВЕЧЕРНЕЕ ЧТЕНИЕ

- 88. Новое имя.**
Есть кто живой?

- 98. Наши публикации.**
Валерий Брюсов

- 114. Издалека.**
Небесная покровительница

- 124. История шедевра.**
Олимпия

- 134. Рассказ.**
Маленький Генри Ирвинг

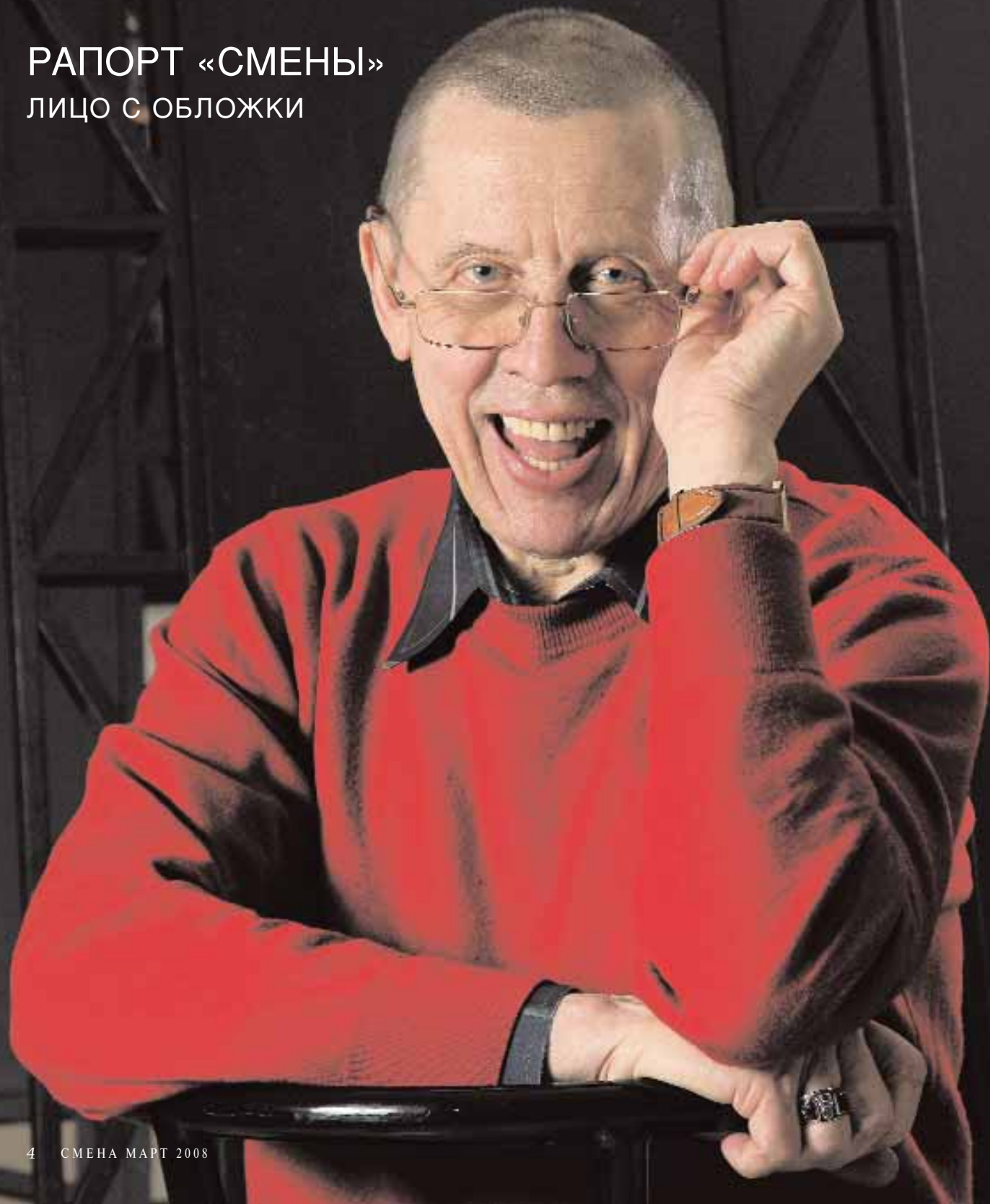
- 140. Душа и судьба.**
Человек подаривший мечту

- 148. Детектив.**
«Клуб первых жен» по-русски

- 188. Кроссворды**

РАПОРТ «СМЕНЫ» ЛИЦО С ОБЛОЖКИ

Валерий ЗОЛОТУХИН – народный артист России, писатель.

Закончил ГИТИС, вокальное отделение оперетты, работал в театре имени Моссовета, один из яркой плеяды артистов, создавших легендарную Таганку,

Служит Искусству 40 лет, не мысля себя без «Таганки», по сей день ей верен.

В арсенале – более 50 фильмов, среди них: «Интервенция», «Бумбараш», «Маленькие трагедии», «Остров сокровищ», «Ночной дозор», «Дневной дозор», сериал «Мастер и Маргарита».

Участвует в спектаклях : «Живаго», «Медея», «Марат и маркиз де Сад», «Владимир Высоцкий», «Театральный роман».

Актер редкого и яркого дарования.

Валерий Золотухин:

*«Неизвестно,
где успех
подстерегает.»*

■ Что для вас выход на публику?

— Ожидание: или слава, или бесчестье. Каждый спектакль, и сегодня, уже пятый десяток лет на сцене, всегда перед выходом испытываешь волнение, учащается пульс, понимается мера ответственности.

■ Актер, по мироощущению, должен быть близок к ребенку?

— Лучшие актеры — дети. Сохраняйте и развивайте в себе детское мироощущение, так педагоги говорят в творческих вузах. Одно из необходимейших качеств — непосредственность, детский взгляд на мир, на обстоятельства, и чем больше в себе это сохраняешь, тем лучше. Под детским мироощущением подразумеваем ранимость, чистоту, а не наив, граничащий с неведением, с глупостью. Жизнь порой преподносит такие обстоятельства, что сохранить в себе ребенка очень сложно. Но! Стараться надо.

■ Что значит взрослеть?

— Взрослеть — субстанция физиологическая, психофизическая. Все мы взрослеем, но хотелось бы, чтобы под этим глаголом не подразумевалась черствость, практицизм, пофигизм, алчность, эгоизм. Человек живет, женится, обрывает детьми, внуками, но в любом возрасте, даже в преклонном, сохранять в себе ребенка необходимо каждому, не только артисту. Под ребенком, в хорошем смысле, подразумеваем самое лучшее —

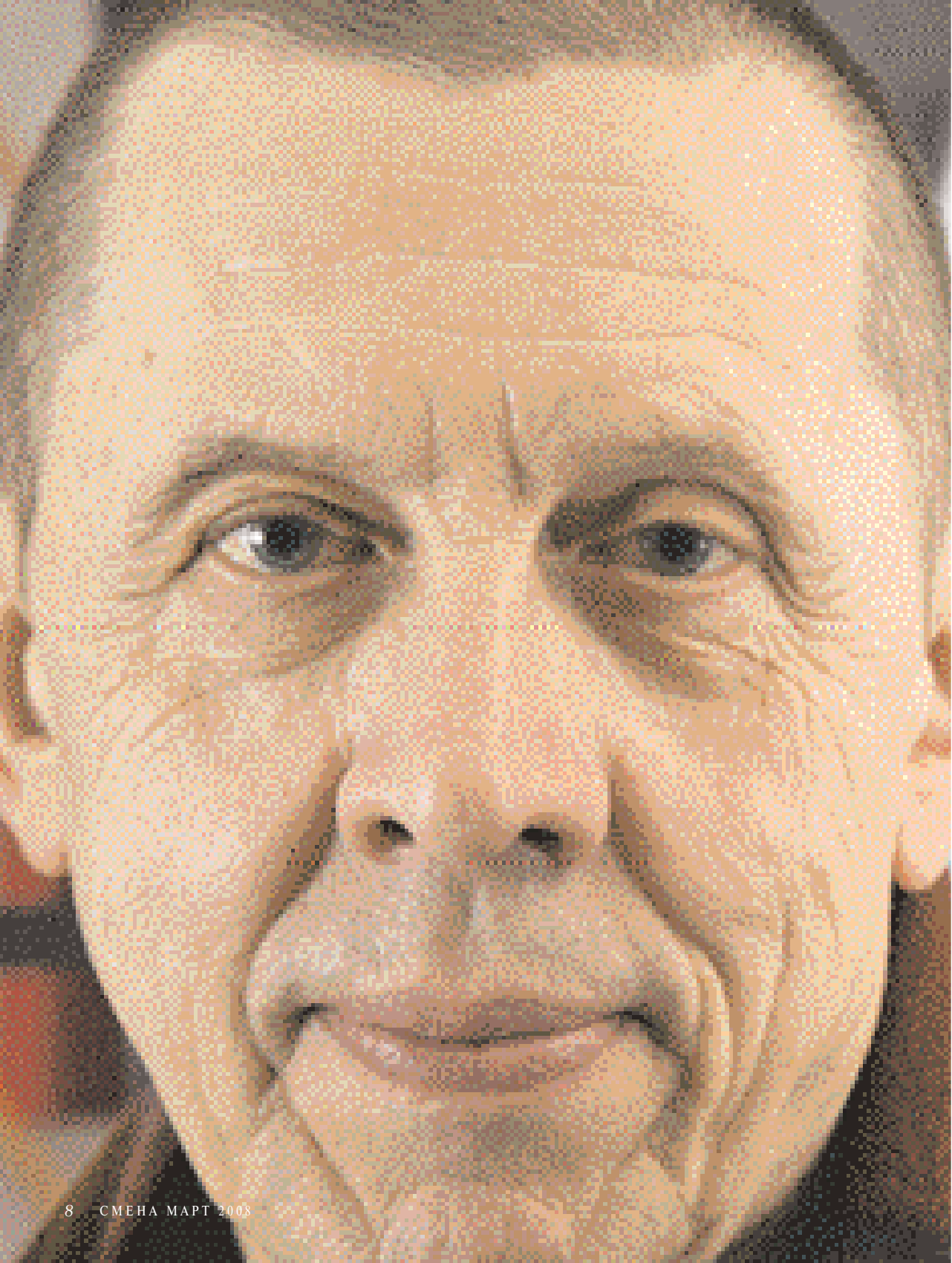
доброту, милосердие, чистоту, те качества, с которыми мы, люди, рождаемся. Приходим в этот мир ангелами, а уходим, обрстая плохими привычками, пороками. Берегите в себе ребенка!

■ Должен ли актер в действительности испытать чувства, которые ему предстоит выразить на сцене?

— Опасное занятие. Я воспитан Любимовым, он этого не любит в подходе к ремеслу. Воображение, наблюдение — актеру необходимы, но человек так устроен, что все старается «подсмотреть», как ребенок, разламывающий игрушку. Нужно себя развивать, фантазировать, но если предстоит сыграть Раскольникова, то не надо пробовать убивать старуху. В эту сторону «идти» вообще очень опасно, можно заиграться — психика пострадает. В спектакле «Дом на Набережной» я играл Глеба, персонажа, который невольно предает своего учителя. Он не является на собрание, где мог бы его защитить. У него умерла бабушка, и он находит возможность — не прийти и оправдывает данным обстоятельством свой поступок. Глеб понимает, что поступил плохо. У меня была сложная ситуация, когда ко мне обратились за помощью, а я не помог именно в тот момент, потому что тяжело заболел мой родственник. Нашел в себе оправдание. Человек с совестью всегда знает, что он поступает не по-божески.

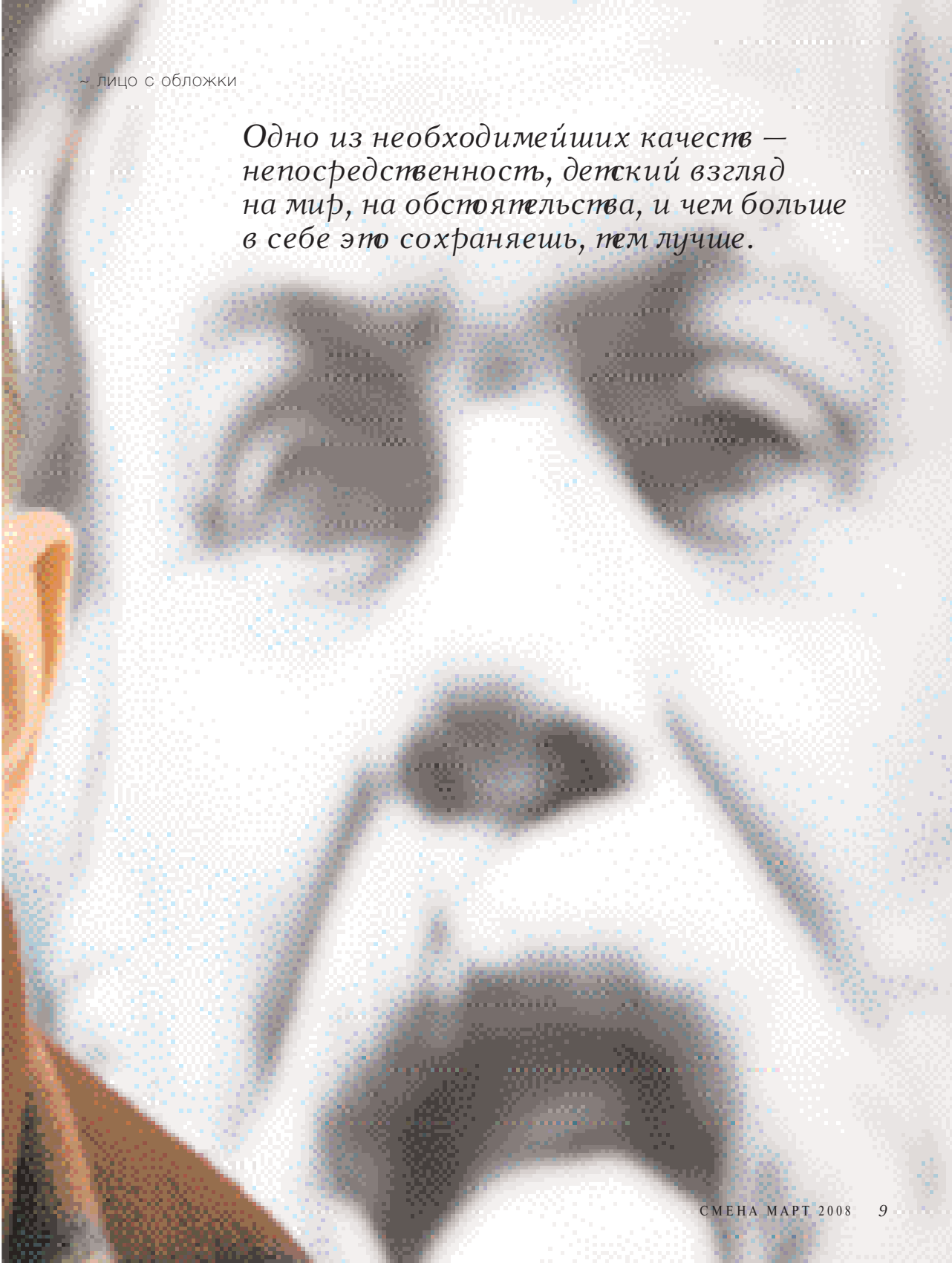
Когда-то моя профессия была проклята. Была отлучена от церкви. Но без нас, видимо, ни один строй, ни одно государство, ни одна власть обойтись не могла и не может

~ лицо с обложки

Одно из необходимейших качеств — непосредственность, детский взгляд на мир, на обстоятельства, и чем больше в себе это сохраняешь, тем лучше.

Мама рассказывала о моем деду — Федосее, похож я на него. Однажды разгневанный кум плюнул деду Федосею в лицо и ушел. Дед ему ничего не сказал. А кума совесть замучила. Пришел к деду прощения просить. Сила человека в высшем смирении, в смирении духа, в умении сдерживать свой нрав. Не отвечать ни плевком, ни ударом на другие действия. На Алтае, где я родился, умер татарин, человек иной веры. Никто из жителей, староверов, не хотел его хоронить — нельзя переступить ворота татарина. А мой дед верующий, тоже старовер, пришел в дом умершего. Снял с печи покойного. Все сделал по христианскому обычаю. Похоронил татарина. Все село наблюдало, как Федосей Харитонович идет против своей веры — нарушает обычаи староверов. Дед поступил по-своему. В высшей степени по-христиански.

■ Может ли человек зарекаться?

— Не клянитесь. Так сказано в Евангелии. Зарок — это клятва. Само существительное «зарок» несет в себе что-то неправославное. Есть понятие — слово чести, свое обещание надо выполнять всегда. Дать слово — это одно, а зарок... Не знаю. Зарок — это, наверное, значит через какую-то грань переступая... Не зарекайся! Жизнь преподносит разные обстоятельства.

■ Успешные артисты — сериальные?

— Есть артисты узнаваемые, а есть — успешные. Я на это смотрю,

в хорошем смысле, трезво. В нашем деле не известно, где успех тебя подстерегает. Кто-то скажет, что всеядность его погубила. Допустим, актер отказывается от неинтересных ролей. От плохих ролей можно отказываться, если тебе предлагают хорошие. А когда твое ремесло тебя кормит? Мы же с вами не на Олимпе живем! Ни удачу, ни везение ты не считаешь. Повседневно нужно хорошо трудиться, тогда придешь к Искусству. Хороший сапожник тачает сапоги не только лаковые, из лайки, но и кирзовые тоже, в зависимости от заказчика. Все дело в том, как человек сам к этому относится.

Грымов хорошо сказал: «Они думают, что их любят, а их узнают». Если ты, артист, это понимаешь, то ты еще не совсем пропащий человек. Не мешай узнаваемость с успехом, с популярностью, с любовью зрителя — это другое. Надо относиться к себе с юмором, со знанием.

Каждый сверчок знает свой шесток, но бывает, что и прыгнет на другой шесток!

Узнаваемость — это как ложные грибы, которые могут привести к смертельному исходу.

Любимов нам не дает преувеличивать свою роль в искусстве. Нам повезло, что сорок с лишним лет работаем с таким Мастером, который осаживает нас, сердится на наши проделки на экране. Те, кто не работает с таким маэстро, тот и путает успех с узнаваемостью. Свое ремесло люблю и ценю. Но я не сторонник, когда актеры умирают

... Часто мне снится и снится Владимир Семенович Высоцкий, снится в хорошем дорогом костюме, снится как будто он куда-то уезжает а я его провожаю в дальнюю дорогу, один на один с ним.

в нищете. У меня — дети, внуки. Если нет предложений в кино, пойду давать концерты. Если ты артист — работай. Не всякий роман и у писателя бывает удачным, а он пишет, трудится. Публичная профессия таит в себе ямы, проруби, капканы. Слава, искушение, деньги, узнаваемость, принимаемая за любовь... Тут бы не спутать!

■ А как не угодить в капкан?

— У каждого — свои спасительные вещи. С долей трезвости надо на это смотреть. Нужно уметь учиться. В студенчестве попал на семинар к великому педагогу Борису Александровичу Покровскому. С пятикурсниками он ставил «Порги и Бесс». Он сказал тогда: «Учитесь делать карьеру со студенческой скамьи». Он проповедовал — учитесь здесь. В театре, может быть, поздно. Театр отработает и выбросит, если ты не готов быть Артистом. Учитесь учиться!

■ Есть ли у вас ностальгия по старой «Таганке»?

— Нет! Ностальгия есть по молодости, тогда Таганка была в своем времени и мы были молоды! Мы говорим Любимов и подразумеваем Таганку, говорим Таганка и подразумеваем Любимов... Это данность, и это счастье. Когда Любимов на семь месяцев закрыл театр, я семь месяцев не выходил на подмостки. Это был тот случай, когда можно было сказать: «Не дай мне Бог сойти с ума! Нет, легче посох и сума...» Сцена на Таганке! Здесь творил Высоцкий, здесь кое-что сыграл и я. Дай Бог мне еще сыграть на этих подмостках. ...Ча-

сто мне снился и снится Владимир Семенович Высоцкий, снится в хорошем дорогом костюме, снится, как будто он куда-то уезжает, а я его провожаю в дальнюю дорогу, один на один с ним. Один раз спросил его: «Володя, ты поездом вернешься или самолетом?» Ничего не ответил. «Проекты у тебя есть, где работаешь?» Он сказал: «Нигде я сейчас не занят...»

■ Вы — редкий Артист, поющий и танцующий, как держите форму?

— Есть такой глагол — режимить! Великая Любовь Петровна Орлова всю жизнь прожила в черном режиме! Для меня важен режим, самодисциплина. Семь минут, с двадцати шести лет, я каждое утро стою на голове, два раза в сутки встаю на весы, и если колебания в 300 или 400 грамм, тогда целый день сижу на воде. Я люблю себя и свою профессию, мне хочется сыграть, что-то сделать и дать пример другим.

■ Вы участвуете в концертах?

— Занимаюсь эстрадой давно, у меня есть выступления, ведь в одно время это была одна из главных форм заработка — театр никогда доходов не приносил.

Мы с Ириной Линдт работаем над программой, что-то вносим новое, что-то придумываем, чтобы все было прилично.

Не обязательно выпустить диск, чтобы получить доход. Важно, чтобы голос сохранился! Я имею записи, когда мне 25 лет, 30 лет, я пел семь минут вокала а капелла в фильме «Жизнь и смерть дворянина Чертопханова». Так уже никогда не повторю и не спою! Учился я на во-

кальном отделении, закончил отделение оперетты и знаю, что такое Голос, как его надо беречь. Голос, увы, стареет, как и все в нашем организме. Уменьшается его диапазон, эластичность. Однажды звукорежиссеры показали на компьютере «графику» моего голоса и сказали, что среди актеров у вас был уникальный голос, не голос, а симфония! Приятно было услышать от незнакомых людей такое, не скрою.

■ Какой человек вам может понравиться?

— Незлобивые, добрые люди, простодушные, с чувством юмора. Пушкин полагал, что «гений простодушный», так написал Моцарта...

Все проходит, все накопленное с собой не унесешь, а Доброта остается. Доброта помогает в общении с людьми, ее ничем не заменить: во взгляде, в повороте головы, как ты прошел мимо, как поздоровался. От того, как ты поздоровался, у человека может измениться настроение, да и тебе стало теплее на свете! Милосердие, доброта — простые качества, но их нужно прививать с детства.

Человек не должен быть злопаятным. Надо иметь мужество прощать, уметь первому попросить прощения, а особенно в отношениях двоих — Он и Она ...

Перечитываешь «Отцов и детей» Тургенева, и в который раз поражаешься его современности. Нам, в молодости, казалось, что мы усовершенствованы более, чем родители. Я с серебряной медалью закончил школу, а у отца — три класса образования. Возможно, что в научно-техническом прогрессе, в знаниях люди сегодня более усовершенствованы, а вот в плане Души? В человеческом плане? Не думаю. Сколько веков проходит, а проблема отцов и детей остается.

■ Вы переиграли людей столько профессий! Какая самая интересная?

— Я — актер и лучшей профессии не знаю! Какое счастье, что у меня есть мое ремесло. Слава Богу, что у меня к моему актерскому ремеслу есть еще и ремесло писательское!

Когда-то моя профессия была проклята. Была отлучена от церкви. Но без нас, видимо, ни один строй, ни одно государство, ни одна власть обойтись не могла и не может, ибо, как говорил Шекспир в «Гамлете»: «Осторожнее с актерами. Когда приезжают к вам актеры, повнимательнее будьте с ними. Да лучше иметь дурную надпись на гробнице, чем дурной отзыв при жизни». Я считаю, что если профессия строит Добро, она Богу угодна.

■ Каким видите окружающий мир?

— Мне противны люди, брюзжащие на обстоятельства, на жизнь. Я ответственен за людей, которые меня окружают! По жизни я не гурман, у меня нет замков, потрясающих машин... У меня никогда не было мысли стать миллионером... Сыграть роль, завоевать женщину, сняться в кино — вот мои цели. Для меня удачная роль в театре или кино была по ценности выше, гораздо больше, чем роскошный особняк. «Кроме свежеевымытой сорочки мне ничего не надо». В материальном плане мне мало нужно.

У меня нет претензий к миру. Я его принимаю таким, каков он есть. У меня нет ложного знания о себе и ложной цели.

Что очень важно — я не обозлился, не разочаровался. Никому не завидую, и этого достаточно.

*Беседовала Елена Воробьева.
Фотографии Евгения Стецко*

Узнаваемость — это как ложные грибы, которые могут привести к смертельному исходу.

«Сегодня мы, наконец-то, почувствовали, что чемпионат мира пришел в Москву!» – сказал игрок сборной России Дмитрий Савельев сразу же после окончания финального матча мирового первенства по хоккею с мячом.

Согласитесь, странновато слышать эти слова от одного из участников турнира, проходившего в российской столице больше недели. К тому же турнир этот – по виду спорта, одно из названий которого – «русский хоккей»! То есть в столице России этот самый русский хоккей, а иными словами – национальный вид спорта! – практически не был замечен широкими массами болельщиков до самого финального матча. И хотя не все так уж и плохо, и болельщиков на финале было много, призадуматься есть о чем.

Финал: Россия – Швеция – 6:1. Результат, конечно, отменный, не зря устроили овацию в честь российской сборной, выигравшей титул лучшей команды планеты уже в 19-й раз. Всего, напомним, проводилось 28 чемпионатов мира, из них 14 выигрывала сборная СССР, 5 – сборная России, нынешняя победа которой оказалась уже третьей подряд. И тем не менее, о всенародном, так сказать, успехе говорить не приходится. «На местах», в российских городах, культивирующих этот вид спорта, публика еще ходит на матчи, болеет, поддерживает своих в Архангельске, Красноярске, Кемерове. Но это происходит лишь там, где существует сильный клуб, достижения которого помнят еще с советских времен. Есть такой клуб и в Москве – «Динамо», и в подмосковном Красногорске – «Зоркий». Однако традиции хоккея с мячом в стране постепенно забываются, телевидение к нему особого интереса не проявляет, а международные успехи существуют словно сами по себе.

Отчего так происходит? Первая и главная причина бросается в глаза сразу – «русский хоккей» или «бенди», как называется эта игра

на Западе, не имеет олимпийского статуса. Некоторые виды спорта прекрасно без него обходятся – регби, например, гольф или американский футбол, ошеломляющая финансовая прибыль которого для Америки – привычное дело. Вокруг этих видов спорта создана потрясающая спортивная и околоспортивная индустрия, интерес к ним сознательно культивируется, а гигантские финансовые вложения окупаются с отдачей, которая бенди и не снилась. Что уж говорить об автоспорте, чья популярность во всем мире зашкаливает все мыслимые и немыслимые олимпийские пределы!

Есть и другие примеры. Теннис долгое время отлично чувствовал себя и без олимпийского статуса, а получив таковой в 1988 году, до сих пор относится к олимпийским медалям, как к чему-то экзотическому, и стоимость их в теннисном мире невысока. Куда престижнее и денежнее выиграть, например, один из турниров серии «Большого Шлема», что в январе удалось сделать в Австралии россиянке Марии Шараповой. Футбол в последнее время от участия в олимпийских турнирах старательно отрешивается, ввиду занятости основных игроков в крупных турнирах, а на Олимпиадах играют, по сути, молодежные сборные. В боксе олимпийская золотая медаль, как правило, становится лишь первым шагом на пути к профессиональной карьере.

Одним словом, примеров много – надо лишь понять, что сам по себе олимпийский статус того или иного вида спорта не дает ему никаких привилегий в профессиональном мире.

Однако руководство Международной федерации бенди (FIB) и Российской федерации хоккея с мячом говорит о возможном олимпийском будущем бенди как о манне небесной, как о волшебной палочке, по мановению которой все проблемы этого вида спорта решатся в одну секунду. По правилам Международного олимпийского комитета, в состав международной федерации по виду, претендующему на включение в олимпийскую программу, должно входить не менее 25 национальных федераций. К тому же они должны быть признаны национальными олимпийскими комитетами. Сейчас в FIB входят представители 20-ти стран, в том числе Латвия, Эстония, Монголия,

ранее не отличавшиеся большой любовью к бенди. Более того, стремясь приблизиться к заветному олимпийскому нормативу, FIB ведет переговоры с такими отнюдь не «бендийными» странами, как Китай и Армения! Некоторый прогресс есть: FIB впервые была представлена на заседаниях МОК в Пекине, и ее руководство надеется, что в 2009-2011 годах будет принято решение о введении бенди в олимпийскую программу.

И все же стоит усомниться в больших олимпийских возможностях русского хоккея – хотя бы потому, что серьезно развит он в пяти-шести странах. Россия и Швеция – признанные фавориты, Норвегия и Финляндия – вечные «середняки», Казахстан и Белоруссия – «отпочковавшиеся» от СССР команды, где играют, в основном, российские легионеры. Говорить о широком распространении бенди по всему миру как-то странно.

Очень красноречивой в этом смысле выгладела организация московского чемпионата мира. В нем впервые в истории участвовало 13 команд – больше, чем когда-либо. «Чертова дюжина» объясняется просто: мастеровитых команд не набралось, из 20-ти федераций, членствующих в FIB, семеро, как видим, на чемпионат мира не приехали. Оставшиеся 13 разделили по спортивному принципу: более классные – в группу «А», менее – в «Б». Так что, фактически в Москве были представлены 6 сильнейших команд (выше они перечислены), а из остальных семерых получился чемпионат «второй лиги». Косвенно это подтверждается тем, что регламент у двух групп был разным. В группе «А» команды играли, как полагается по международным правилам, два тайма по 45 минут. А слабейшие из группы «Б» «сражались» в течение двух тай-

Размышления о бенди

Алексей
Кузнецов

ров. С билетами в Москве тоже были проблемы – они толком не продавались, хотя цены были смехотворными, в среднем, порядка 300 рублей. Зрителей было мало: лишь в день финала к кассам выстроилась очередь, а перекупщики делали свой маленький гешефт, продавая билеты номиналом по 100 рублей за «две цены» – то есть за 200... Это, между прочим, показатель экономического провала чемпионата мира. Ведь и с правами на теле трансляции никакой коммерции не получилось – телеканал «Спорт» показал всего девять матчей, практически ничего за них не заплатив.

Возможно, аншлаг мог быть как раз в тех российских городах, где ранее проводились чемпионаты мира – в Кемерове, Красноярске или Архангельске. Но тут организаторы попались в свою собственную «западню» – массовость участников сделала невозможным проведение турнира в городах, где нет хотя бы двух больших ледовых полей высокого класса.

Более того, с этой проблемой столкнулась и Москва! Напомню, что в Москве уже проводился чемпионат мира по русскому хоккею: в 1989 году играли только в спорткомплексе «Олимпийский». Сейчас же пришлось искать две равноценные площадки – и вначале казалось, что все получается. «Олимпийский», хоть ему уже более 25 лет, выглядел готовым. А в качестве второй арены планировали Ледовый дворец, совсем недавно с большой помпой открытый в Крылатском. Однако там произошла серьезная авария – разрушилась часть несущих конструкций, и крыша не рухнула лишь благодаря Господу Богу. Дворец мирового, как говорили, уровня, к приему спортсменов оказался не готов...

Между тем, совсем рядом с МКАД, в Красногорске прекрасно работает арена, на которой «домашние матчи» проводит клуб «Зоркий» – один из старейших в стране, бывший и чемпионом СССР, и обладателем Кубка европейских чемпионов. Арена эта была реконструирована в 2002 году, вместимость ее – 10000 человек, трибуны с козырьками, поле оборудовано установками для создания искусственного льда, благодаря чему возможно проводить матчи и тренировки при температуре до +10°.

Ну, чего же еще – приезжай да играй, а что это область – неважно, ведь прошлой весной чемпионат мира по хоккею с шайбой проходил в Мытищах! Однако между руководством «Зоркого» и Федерацией хоккея с мячом России есть некие «противоречия», и в результате, отличная арена с гарантированными зрителями, понимающими толк к этому виде спорта, пустовала.

Организаторы чемпионата срочно подрядили фирму, занимающуюся строительством катков по всей стране, и она на пустом месте, на тренировочном поле Южного ядра Лужников, оборудовала каток, где и играли аутсайдеры из группы «Б». Но и там дело чуть-чуть не сорвалось по традиционной русской причине: накануне начала чемпионата мира некий рабочий глубокой ночью наехал трактором на коллектор, в котором были скрыты коммуникации и трубы, ведущие к ледовой площадке... Аврал, усугубленный внезапным московским потеплением, – и матчи чемпионата мира проводились в срок лишь благодаря самоотверженности ремонтников той самой фирмы «Новые спортивные технологии». Тем временем, даже по телевизору было видно, что искусственный лед в «Олимпийском» выдерживает от силы 60 минут игры. В оставшиеся полчаса там проглядывают «весенние проталины», как пел когда-то ВИА «Песняры», и играть на такой мягкой ледовой каше никому уже не в радость...

Право же, не знаю, известны ли эти перипетии руководству ФИБ или Олимпийскому комитету России, не говоря уже про МОК. Но все, вместе взятое, говорит о том, что, по большому счету, олимпийских перспектив у бенди пока маловато. Правда, российские чиновники говорят, что все не так. В России в качестве легионеров играют лучшие хоккеисты мира. В городах народ действительно ходит на бенди – стадионы переполнены. Однако ситуация примерно такая же, какая была в ЦСКА (в хоккее с шайбой) времен Виктора Тихонова: клуб владел большинством сильнейших игроков, а в результате – наш хоккей как международная сила вскоре развалился. Сейчас в российском бенди московское «Динамо» скупил звезд со всей России. При этом происходит

«пир во время чумы» – денег у «Динамо» много, а в нынешнем сезоне несколько недавно благополучных клубов снялись с чемпионата России из-за безденежья, и они – явно не последние. Богатые богатеют, бедные беднеют... помните, что это за признаки? На этом фоне чемпионат мира в центре Москвы выглядел как-то сомнительно...

Возможно, дело лишь в том, что у нас, как говорится, перепутали причину со следствием. Предположим, бенди получил желанную олимпийскую прописку. И что – спонсоры гурьбой бросятся вкладывать деньги в весьма дорогостоящий вид спорта? Хоккейные стадионы для бенди строить и содержать куда сложнее, чем те, где играют в хоккей с шайбой. Размер поля, напомню, – с футбольное, а технология искусственного льда не так уж дешева. Ну хорошо вложат спонсоры деньги в новые дворцы, а играть в них будет некому – не так много сегодня сильных команд и тренеров. Да и публика не пойдет на невысокого класса зрелище, и рейтинга у телетрансляций не будет. Одним словом, прогорят спонсоры, несмотря на все олимпийские надежды. Ведь многие виды спорта, имеющие олимпийский статус, особого финансового успеха не имеют – а ведь живут как-то. Вот бы и попросить коллег поделиться опытом. Или другим путем пойти: старательно создать шведско-финско-российскую лигу, наподобие той же НХЛ, и культивировать в ней самый лучший бенди в мире, причем в тех краях, где он действительно интересен. И тогда лет через 20, когда качественный бенди станет повсеместным явлением, когда сильных команд в лиге будет не одна-две, а 10-15, тогда уже сам Международный Олимпийский комитет придет и попросит: «Пойдемте к нам на Олимпиаду!»

Майя Орлова

Бойтесь мужчин без воображения, или Что мы празднуем 8 марта?

В 2010 году грядет столетие первого «празднования» Дня 8 Марта. С подачи весьма политизированной дамы Клары Цеткин, в 1910 году разрозненные женские движения разных стран выбрали этот день, чтобы путем стачек и демонстраций обратить внимание общественности на свои экономические и политические требования.

Заметьте, путем стачек и демонстраций. То есть предполагалось отнюдь никакой не праздник весны и любви, а сугубо политический день борьбы женщин за свои права.

А, собственно, за что могут бороться наши женщины, пусть даже и в солидарности со своими международными сестрами, если абсолютно все права россиянки получили чуть ли не в 1917 году? Что они могли требовать после этого года у государства? Относиться к ним так же, как к мужчинам? Так наше тогдашнее государство ко всем относилось одинаково, не будем уточнять — как.

Были попытки некоторых женщин прорваться к рулю и тем самым увенчать зафиксированное на бумаге равноправие. Комиссар Лариса Рейснер, незабвенная красотка Инесса Арманд, дипломат Александра Коллонтай. Ну, пожалуй, еще Надежда Крупская — вдова первого вождя и учителя. Вот и все, что было. Так что, праздника опять не получалось.

Почему его вообще не отменили — загадка. Во всем мире он тихо и безболезненно скончался довольно быстро, а у нас стал одним из любимых. О, загадочная русская душа! О, изворотливость русских мужчин! Они просто превратили этот праздник в Женский День. Точнее, в День Женщины.

Прославляют женскую нежность, доброту, красоту... Хотя мало кто бывает полностью удовлетворен своей внешностью, да и беспорные красавицы — явление довольно редкое. Тем не менее...

Представьте себе совершенную красавицу, которой никто и никогда не говорил о том, как она хороша. Даже не показывал этого

восхищенным взглядом. Вряд ли она сама себя будет воспринимать как красавицу, скорее всего просто не будет думать о своей внешности.

«Так не бывает!» — скажете вы и будете правы. Красота всегда вызывает восхищение.

Но вот наоборот случается, к сожалению, слишком часто. И речь не о каких-то физических отклонениях от нормы или явном уродстве. Речь о мелких недостатках и дефектах внешности, которые, по воле или даже помимо воли окружающих, становятся для обладаю-

...мало кто бывает полностью удовлетворен своей внешностью, да и беспорные красавицы — явление довольно редкое

щих ими людей источником многих неприятностей, а иногда и причиной несложившейся личной жизни.

У милой, умной девочки длинноват нос. За это ее дразнили в детском саду, продолжают дразнить в школе. В довершение ко всему, она случайно услышала, как мама говорит по телефону близкой подруге: «Так жалко, что у Танюши такой носик, не помешало бы это ей в будущем...»

Все. Танюша с этого дня и неизвестно до какого времени постоянно будет думать только о том, что она «уродина» и что на любви и счастье можно поставить крест. И уже не имеет никакого значения ни прелестная фигурка, ни красивые глаза, ни мягкий характер, ни ум. Ей все время кажется, что окружающие обращают внимание только на это ее проклятие — длинный нос,

а таким своим поведением она сама невольно подталкивает окружающих заметить этот недостаток. И они это делают. Круг замкнулся, выбраться из него необычайно трудно.

А ведь многие физические недостатки, которые так портят жизнь, могут не иметь абсолютно никакого значения, если к ним правильно относиться. Можно с ходу назвать несколько по-настоящему знаменитых актрис и актеров, которых не то что красавицами и красавицами не назовешь, а скорее наоборот...

А ведь многие физические недостатки, которые так портят жизнь, могут не иметь абсолютно никакого значения, если к ним правильно относиться

Никогда не забуду сценку в электричке. На скамейке напротив меня сидели две девушки. От лица одной невозможно было оторвать взгляда: точеные черты, большие глаза, красивые губы... Вторая на ее фоне решительно «не смотрелась». Но вот они встали и направились к выходу. Куда делась красавица?! По проходу шла сутулая, неловко загибающая ногами девица с обиженно-усталой миной. А рядом с ней упругим спортивным шагом шла стройная девушка. Хорошенькая или нет — неважно, так приятно было на нее смотреть, такой заряд положительной энергии от нее исходил.

Так что, если и в ваших глазах окружающие могут прочесть только одну навязчивую мысль: «Пожалейте меня, страшенькую, по-

любите меня, убогонькую», то можете быть уверенными: несчастная личная жизнь вам гарантирована на сто пятьдесят процентов. Чем больше вы будете думать о своей внешней непривлекательности, тем тверже будет уверенность в этом окружающих.

Кстати, говорят, что у Клеопатры был очень длинный нос. А прекрасная маркиза Помпадур всю жизнь носила только закрытые платья из-за очень костлявых плеч и рук. А не менее прекрасная Маргарита Наваррская вынуждена была тщательно прятать короткие кривые ноги. И вообще, загадочная улыбка Джоконды объясняется очень просто: на редкость скверными зубами.

По-видимому, у всех этих дам было что-то, кроме внешности, что позволило им остаться в истории, да еще с неперменным эпитетом: «прекрасная». А главное, запомните замечательный совет французов — больших знатоков и любителей прекрасного пола:

«Не бывает некрасивых женщин, бывают мужчины без воображения».

Да, женщин прославляют, и вполне серьезно отмечают, каких успехов и высот они достигли. Редко, правда, речь идет о конкретных фактах, чаще всего пишутся и произносятся общие фразы типа: «С развитием нашего общества женщине предоставляются все более широкие возможности для участия в производственной и общественной жизни, для воспитания детей в семье, учебы и повышения квалификации, отдыха и приобщения к благам культуры».

Как говорится, убедительно, но бездоказательно. Вышеперечисленные возможности у нас предоставляются всем, независимо

от пола, возраста и материального положения. Давайте будем поздравлять друг друга с тем, что мы все грамотные, имеем возможность работать, что нам не запрещают воспитывать детей в семье и позволяют приобщаться к благам культуры.

Давайте официально отведем для этого один день в году, назовем его «Днем благодарности» и будем благодарить общество за все по принципу: «Прошла зима, настало лето, спасибо обществу за это».

Правда, никто почему-то не сообщает, что мужчины, наконец-то, получили возможность реализовываться одновременно в качестве производителя материальных благ и хозяина дома, в качестве творческой личности и отца семейства. Посмотреть бы на корреспондента, который задаст любому академику вопрос: «Как вы совмещаете занятия наукой с личной жизнью?» А если женщина занимает мало-мальски высокий пост, всех тут же жгуче начинает интересовать вопрос: как она на кухне — справляется?

Что же мы все-таки празднуем 8 Марта? А празднуем мы освобождение женщин от ига мужа или отца и попадание ее в еще более жесткое иго — иго общественно-производства со всеми протекающими отсюда прекрасными последствиями в виде вредного производства, ночных смен и фактически беспризорных детей. Да, коллективизация, индустриализация, да, война, да, последствия войны. Но ведь уже три поколения не представляют себе, что женщина может не работать — или отбывать где-то часы, — а просто заниматься домом.

Такая «роскошь» стала доступной сейчас очень немногим, в ос-

новном, женам «новых русских». Трудно представить себе, чтобы все молодые девушки (при нашей-то унифицированной системе бесполого образования) пределом мечтаний считали домашнее хозяйство (технически оснащенное в девяносто процентов семей на уровне начала века) и рождение детей, которое, кроме «святой материнской любви», приносит теперь еще какой-то полумифический «материнский капитал». Заботы материнства по сравнению с производственной необходимостью давно стали вто-

...глупо один раз в году вспоминать, что ты не только человек, но еще и женщина, а потом каждодневно доказывать, что женщина тоже человек

ростепенными. Они у нас не копируются.

Все это, конечно, звучит не слишком празднично. Но, согласитесь, глупо один раз в году вспоминать, что ты не только человек, но еще и женщина, а потом каждодневно доказывать (кому? зачем?), что женщина тоже человек. Таких женщин у нас по пальцам можно пересчитать: Татьяна Голикова, Оксана Дмитриева, Екатерина Лахова, Валентина Матвиенко, Любовь Слизка, Ирина Хакамада, Людмила Швецова. Они доказали. Ну, и что?

А ничего. Просто есть у нас такой праздник: женский день. Один-единственный в году. А в остальные дни мы кто?

Я лично не готова ответить на этот вопрос.

Иллюстрация Леонида Борисова

НАТУРА ЧЕЛОВЕКА

ФОТОПРОЕКТ «ПРОСТО ЛЮДИ»

Что? Да.
Что? Нет.
В Сокольниках.
Как для кого?
В театр? Иногда с подругой.
Нет, ничего.
Что? Да.
Что? Нет.
Мама, два брата-студента.
Угадайте.
Не секрет.
Не люблю комплименты!
Не говорите такие слова,
я ведь могу рассердиться.
Ох, как кружится голова.
Как голова кружится...
Что? Да.
Что? Нет.
Спасибо, родной.
Лучше всех.
Ты всегда... правда,
поверь, всей душой...
Что? Да.
А? Ну, что ты, какие года.
Печень? А, ерунда, мне вальс
был полезен всегда.
Что? Нет.
Что? Да.
Профессор, ты вовсе не старый!
Ты молод в семьдесят лет,
а я... чем мы не пара?
Помнишь ли юности нашей слова?
Им никогда не забыть...
Ах, как кружится голова,
как голова кружится...

*«Три вальса». А. Цфасман —
Л. Давидович, В. Драгунский.
Из репертуара Клавдии Шульженко.
24 марта — день рождения певицы.*

Благотворительная
круглогодичная дискотека.
Парк «Сокольники».
Москва, февраль 2008 г.

Весна священная

НАТУРА ЧЕЛОВЕКА

— просто люди

НАТУРА ЧЕЛОВЕКА

~ просто люди

Что мешает и всем ли это необходимо?

Страх перед переменами. Явление не новое, но и не исчезающее: человек согласен жить в стесняющих, зато привычных ему обстоятельствах. В том же ряду – неосознанное уклонение от деятельности. «Я хочу, чтобы моя работа не была связана с ее результатом». Эта фраза произнесена девушкой 19 лет во время собеседования в крупной компании два года назад. Она – не абсурдна. Просто девушка высказалась предельно честно. Многие рассказывают о стремлении «коммуницировать» и о «нацеленности на результат», имея в виду то же самое. Разумеется, есть и другие, но это – другая тема.

Почему стабильное, пусть пресное существование для некоторых остается предпочтительным, несмотря на провозглашаемое ими недовольство?

Откуда берется страх перед всем большим, новым, другим: возможностями, результатами, жизненным пространством?

Простого ответа: нас останавливают извечный инстинкт самосохранения и похвальная тяга к надежности, – сегодня уже недостаточно.

Современные исследователи утверждают: преодолев страх перед новыми обстоятельствами, человек достигает наибольшего роста именно в области «преодоленного страха». Не означает ли это, что на самом деле страх указывает нам на наши скрытые возможности, является проводником к тому, чего мы больше всего хотим, на что способны?

Итак, почему медлим перед поступком, способным жизнь переменить?

Поздравляю тебя, неудача!..

Приведенная строчка Александра Блока продолжается так: «И, удача, тебе мой привет». Только очень сильный, развитый умственно и нравственно, человек способен так распределить роли в судьбе: неудача важнее, она – твой воспитатель, твой повод к труду и терпению. Замечание, что «работать следует в ситуации поражения» принадлежит театральному режиссеру, народному артисту России Юрию Погребничко и адресовано, конечно, творческой личности, артисту, деятелю. Обычно же человек держится в присутствии своей судьбы проще. Пусть будет удача, какая-никакая. Пусть остается, как есть. Не хочу рисковать. Неудача – это стыдно, осуждаемо, высмеиваемо. Понятно, что это все другая удача и другая неудача, и что выбор совершается в связи с простым действием, а не поступком, так же, как человек все

чаще ждет именно удачи — случайности, пренебрегает успехом — достижением. Речевой этикет всегда отражал ценностный ряд языкового сознания нации.

Психолог, исследователь психологических мотивов поведения человека Витис Вилюнас: «Функциональное назначение эмоций успеха-неуспеха в общих чертах подсказывается попыткой осмыслить их... необходимость. Дея-

зывается бессмысленной». Добавим: или «переключал» на другую деятельность ради все того же результата. Но так действуют покорители вершин. Вернемся к простому человеку. Не потому ли страх поощряется общественным мнением, что он позволяет манипулировать человеком при помощи самых простых способов, как, например, угроза административного ущемления? Ученые используют выражение «опережающая информация о безысходности действий в одном направлении и о вероятном успехе в другом».

Откуда приходит эта информация? Что «выключает» фактор действия раньше, чем мы осмыслим и, тем более, предпочтем возможные результаты?

Ничего не получится

В конце девяностых в России вышел перевод книги американского психолога, основателя соб-

ственной школы в Лос-Анджелесе Чампиона Тойча «Второе рождение». К этому времени доктор Тойч уже несколько раз побывал в России, организуя консультации и семинары. Вывод, который он сделал, не удивил только самого ученого: люди в России инстинктивно избегают возможности улучшить свою жизнь и не хотят зарабатывать больше, но при этом готовы много рассуждать о том, как задавила их судьба, и как хорошо было в прежние времена. Тойч увидел в этом подтверждение своей теории «наследования паттернов» (моделей поведения). Приобретенный с поколениями опыт «запоминается» на уровне генов — кодируется в ДНК и РНК хромосомы. У нас многие поколения выросли в квартирах с потолками не более 220 см, отчего, как предположил Тойч, в человека была внедрена не теория, а практика стесненных обстоятельств как единственно

надежных: «замуж за нелюбимого надежнее», «поступай не в университет, а в техникум», «ничего не получится», «зачем тебе это», «от добра добра не ищут».

«Страх и опаска, долго считавшиеся проявлением ответа человека на влияние окружающей среды, могут быть частично унаследованной чертой характера, запрограммированной в наши гены». — К таким выводам

Люди в России инстинктивно избегают возможности улучшить свою жизнь и не хотят зарабатывать больше, но при этом готовы много рассуждать о том, как задавила их судьба, и как хорошо было в прежние времена.

пришли ученые из университета Содружества Вирджинии в Ричмонде. Их результаты исследования опубликованы в последнем выпуске журнала Archives of General Psychiatry. Их цитирует

посуду», а вы этого не делаете, внутри разгорается война: «Я сделаю это позже. Нет, я должна вымыть ее сейчас. Моя соседка по комнате была сделать это давно. Сегодня — не моя очередь. Это нечестно. Люди будут хуже думать обо мне, если я не сделаю это сейчас». Стресс и усталость, которые вы испытываете при этом, в действительности являются усталостью от душевной битвы. То, что я называю «мытьем тарелок», есть практическое умение любить задачу, стоящую непосредственно перед вами».

Наша жизнь состоит из бесконечной череды заблуждений, которые нас терзают, потому что идут вразрез с тем, чего мы хотели бы, и часто не соответствуют тому, что происходит на самом деле. Наши отношения с людьми и с миром строятся на тех убеждениях, которые есть в нас. Наше восприятие окружающего мира и людей основывается исключительно на нашем внутреннем представлении, которое далеко не всегда соответствует объективной реальности.

— **Какие наиболее типичные убеждения ведут человека к не-свободе?**

— Я оказался не в том месте и не в то время. Можно сделать ошибку. Жизнь несправедлива. Необходимо знать, что делать. Можно пропустить что-нибудь. Если я не страдаю, значит, я не люблю. Бог накажет меня, если я не буду хорошим. Дети должны любить своих родителей. Со мной может случиться что-то ужасное. Родители ответственны за выбор, который делают их дети и так далее. ▶

Человек должен находиться в состоянии успеха постоянно, независимо от того, есть у него этот успех в настоящий момент или нет.

тельность, побуждаемая выражающей потребностью ведущей эмоцией, при столкновении с непреодолимым препятствием, продолжалась бы до полной потери сил. Живому существу необходим механизм, который «выключал» бы фактор, побуждающий деятельность, как только она ока-

Поверьте в светлое «сейчас»

Анатолий НАМИНАЧ,

кандидат психологических наук, руководитель Учебно-консультативного психологического центра факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, президент Международного исследовательского центра человека «Сан Рэй»

Обнаружить, что не реальная действительность, а наши убеждения, с которыми мы жили годами, приносят нам боль, и понять, что они нам не нужны — в этом невероятное чувство освобождения.

— **Как научиться не бояться перемен?**

— Страх перед пространством больших возможностей и перспектив жидется не на всепоглощающей тревоге перед будущим, а на нелюбви настоящего момента и себя сегодняшнего. На пути к успеху важно не думать о светлом завтра, а любить не менее светлое сейчас. Любить то, что есть: и немытую посуду, и детскую возню, и ревнивого супруга. Не притворяться, а любить. Как бы это абсурдно ни звучало в момент прочтения этих строк. Важно быть честным перед собой: если действительно не любишь, то измени ситуацию, не откладывая на завтра. Если не можешь или не хочешь изменить ситуацию, измени свое отношение к ней.

Кэти Байрон, автор уникальной и невероятно популярной в США методики по преодолению депрессии, недовольства собой и собственной жизнью в своей книге «Любить то, что есть» вспоминает, с чем ей самой приходилось сталкиваться, когда она была обращена мысленно в будущее или в прошлое, забывая о настоящем: «Когда появляется такая мысль, как «Вымой

в наших заметках психолог и психиатр из Таллинна Владимир Кукк, продолжая: «Особенность людей, у которых часто развиваются страхи и тревоги: они все «не живут» в настоящем. Они «убивают время», ожидая будущего или вспоминая прошлое. Всю свою жизнь они ждут чего-то, ограничивают инициативу, свободный выбор, активность поиска, бездействуют — это по-

осознавать, что он своей пассивностью («не трогайте меня», «ничего менять не буду», «лучше перетерплю, подожду»), немотивированной агрессией, интригами разрушает свое Я, свою Душу. Наконец, достигается состояние Поворотной Точки и выбор: либо я продолжаю саморазрушение и передаю эту модель существования своим следующим поколениям, либо я должен найти выход и строить Жизнь, достойную звания Человека.

«Следы прошлых успехов» и инстинкт целесообразности

Эмоция неуспеха, предвосхищение неудачи воздействуют на человека разрушающе, потому что он отказывается от поступка, не действуя. А если получилось, если успех? Вот что считает Витис Вилюнас: «В противоположность предвосхищению неуспеха, лишь суживающему зону проб, ограни-

рождает тревогу. Возникает «порочный круг», символ которого — «змея, кусающая свой хвост». «Восстановить природный инстинкт целесообразности — это не процесс, а событие! Как только человек начинает

Страх и опаска, долго считавшиеся проявлением ответа человека на влияние окружающей среды, могут быть частично унаследованной чертой характера, запрограммированной в наши гены.

Человек основную часть своей жизни проживает автоматически, начиная со школы. «Распорядок дня» — во всем. Когда будущее известно, бояться нечего. Тревога рождается из неопределенности. В отличие от страха, который является реакцией избегания в условиях опасности, тревога указывает на страх перед неизвестностью. Источник или причину страха человек, как правило, осознает, источник тревоги — нет. Тем она и опасна. Наши мысли — фундаментальные представления о жизни, основополагающие убеждения, подобны религии, по канонам которой мы неосознанно живем. Они — наш Рай и наш Ад. Обнаружить, что именно убеждения, с которыми мы жили годами, приносят нам боль, а не сама реальность, и понять, что они нам не нужны — в этом невероятное чувство освобождения.

— Почему человек согласен жить скорее в неприятных, стесняющих его обстоятельствах, чем решиться на покорение новых вершин?

— Тревога рождается из неопределенности. Прежде все было структурировано. Известно: чем более структурирована ситуация, тем меньше вариантов для поведенческих реакций и причин для страхов. Если многие годы жить в ситуации выбора обоев в цветочек или в полоску, потому что других расцветок попросту нет, то сделать выбор в ситуации большего и разнообразного будет сложно из-за отсутствия опыта принятия решений. О наследовании моделей поведения говорил доктор Тойч. Люди, жившие многие поколения в ситуации несвободы и не имея опыта иного существования (что говорить о Советском Союзе, если крепостное право в России — фактическое рабство, отменили менее полутора веков назад), сталкиваясь с миром многоцветным и разнообразным, когда всего много, оказываются в растерянности.

чивающему поведение, следы прошлых успехов открывают конструктивные решения». Как это похоже на творческую личность! Но ведь творцы часто именно и погружены в «неудачи», их не понимает общество, и ситуация поражения предлагает им полный набор пораженческих эмоций... но нет, они творят с вдохновением, пусть и с гневом, пусть с отчаянием («Толпа кричит: смотрите, он так же прост и низок, как мы. Оставьте: не так!» — Пушкин)

Что же это — «следы прошлых успехов»?

Академик Людвиг Фаддеев, известнейший математик, директор Института имени Стеклова в Санкт-Петербурге однажды дал интервью на тему успеха одному из авторов настоящих заметок. Он сделал поразительное замечание: человек должен находиться в состоянии успеха постоянно, независимо от того, есть у него этот успех в настоящий момент или нет.

И даже независимо от того, насколько безоблачно складывается его частная человеческая жизнь...

Состояние постоянного успеха — это эмоциональное творческое состояние счастья от движения вперед. Он же предупредил, что этому следует учить человека с детства. Учить добиваться намеченной цели? Отнюдь! Учить эмоциям победного движения.

Активная, неровная, эмоциональная деятельность, эмоциональное переживание разнообразных обстоятельств жизни препятствуют ослаблению работы ГОЛОВНОГО МОЗГА

«Обязательно устройте ребенку какой-то успех как можно раньше! Захвалите его, заставьте ощутить себя творцом», — говорил академик. Как это не похоже на стандартные приемы воспитания...

Модель подчинения, она же модель избегания принятия решений, была свойственна именно русскому человеку, жизнь которого в течение многих веков основывалась на подчинении, жесткой дисциплине. Чем жестче дисциплина, тем проще принимать решение — меньше вариантов выбора и никакой ответственности. Со временем, возникает ситуация привыкания и тогда человек уже не хочет принимать никаких решений. Желание жизнь переменить, как правило, сводится к бесконечным умозрительным прожекам о светлом завтра. На создание светлого сейчас времени не остается. В 90-х годах прошлого века мы захлебнулись свободой. Но еще более мы в ней нуждались. Сейчас мы учимся жить с любовью и уважением к себе, не только руководствуясь установленными правилами, но и прислушиваясь к себе.

Надо жить настоящим. Нас беспокоит не то, что произошло или произойдет, а наши мысли об этом. Не жить прошлым, сожалеть о том, что не сделано, не проектировать в будущее, а ценить то, что есть, потому что ЗАВТРА БЕСКОНЕЧНО. Это не означает, что не следует строить планы на будущее, нет, не стоит жить только лишь завтрашним днем. Люди, все откладывающие «на завтра», мучаются, как алкоголики, которые каждый раз дают себе слово, что больше пить не будут, что это в последний раз, а завтра происходит все то же. День сурка. Человек оказывается в западне уже известных событий, в тисках разрушительной ситуации постоянного недовольства собой и жизнью, в то время как есть только то, что есть. В осознании этого — свобода.

Беседовала Надежда Болгова.

Это похоже на любовь: к человеку, к любимому делу, идее, мечте, — которая часто становится первой жертвой пассивного человека, после проводящего жизнь в размышлениях сослагательного наклонения: ах, если бы... Отвергнутая, она мстит («неверностями жен мстит, и горящей Тройей». Марина Цветаева).

Другими словами, в правильно организованной последовательно-

ловия «поиск решения» может вестись интеллектом вне участия собственно человека. Он привел в качестве примера эпизод, когда математическое решение пришло ему в голову, когда он в ранней молодости ехал в трамвае и «совсем не думал о математике».

В конце 2007 года у нас состоялся телефонный разговор с ученым и наркологом Яковом Маршаком. Он сообщил, что последние исследования американских ученых, связанные с работой головного мозга человека, привели к выпуску нового учебника в этой области: в нем безапелляционно утверждается: активная, неровная, в хорошем смысле нестабильная, эмоциональная деятельность, эмоциональное, в том числе бурное, переживание разнообразных обстоятельств жизни препятствуют ослаблению работы головного мозга, его дистрофии и развитию таких болезней века, как болезнь Альцгеймера и дру-

гие когнитивные расстройства, выбрасывающие сегодня на обочину жизни людей вполне цветущей жизненной поры.

Итак, перемены, целеустремленные действия, деятельность без прямых гарантий «успеха», «мурашки» волнения могут быть признаны важнейшим условием сохранения жизни в ее нерастительной форме.

Похоже на утреннюю пробежку по морозу в шортах?

Поднимите свой потолок своими руками

«Нерастительный» человек не замечает неудач бытового, низкого плана, а просто перешагивает через них. Не факт, что они его не задевают. Но он не подравнивается под них. Потолок в квартире должен быть выше, стекла окон чисты, работа в радость. Это простые вещи. Чемпион Тойч в связи с этим в своей книге (в главе

«Проверьте вес вашего бифштекса») советовал: «Живите не по средствам! Повышайте уровень своих потребностей!» Вы можете сказать, что это о другом. Нет, об этом. К парадоксальному предположению о том, что страх перед переменами не предупреждает о неудаче, а скорее всего, советует действовать, добавим открытие, автором которого является не только Чемпион Тойч: наши воз-

«Нерастительный» человек не замечает неудач бытового, низкого плана, а просто перешагивает через них. Не факт, что они его не задевают. Но он не подравнивается под них.

можности следуют за нашими потребностями, а не наоборот. Другими словами, или всю жизнь есть примятые помидоры...

Надежда Болгова, Нина Чугунова.

Рисунок Леонида Борисова

Эмоция неуспеха, предвосхищение неудачи воздействует на человека разрушающе, потому что он отказывается от поступка, не действуя.

сти факторов сначала действует эмоция предвосхищения успеха и блаженное чувство наслаждения движением, потом включается фактор поиска конструктивных решений. Удивительно, но Людвиг Фаддеев утверждал в том разговоре, что при соблюдении этого ус-

Прыжок через пропасть. о потоке творческой воли

Юрий ШОР,
доктор философских наук,
профессор СПГАТИ и Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов

Любой страх обеспечивается страхом встречи с хаосом жизни. Бегство от страха есть не что иное, как бегство от свободы. От страха человек бежит туда же, куда он бежит от свободы: в знакомое, привычное, непроблемное, в подчинение, авторитаризм, в несвободу.

«Массовый человек» (имеем в виду не кого-то, а «массовое», безличное в нас) хочет, чтобы все совершалось без труда, без мук, без страданий (мало их ему в жизни!). Он хочет отдохнуть, расслабиться, хочет, чтобы ему «сделали красиво». Он заплатил за это деньги. Тогда возникает (давно возникло и всегда будет возобновляться) искусство обслуживающее, «глядящее по шерстке», уютное. И страх там «не страшный» (хотя ох как пугают!), и смех необязательный, и слезы приятные. Псевдоискусство направляет душу, психику по ложному пути, в том числе и в области страхов.

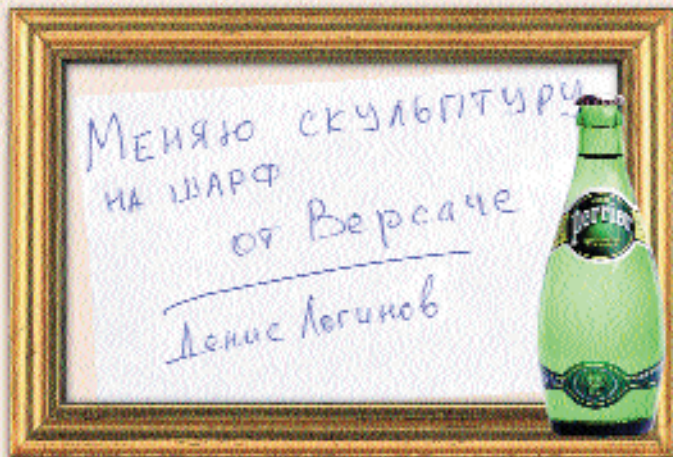
Большевики думали, что ничего не боятся, потому что все были погружены в атмосферу всеобщего страха, которая называлась «бдительностью» и воспринималась как нечто само собой разумеющееся.

Страх амбивалентен: он уродует и лечит. Еще Аристотель в определении трагедии писал, что это действие, «совершающееся посредством сострадания и страха очищение подобных страстей».

В отличие от пестрого многообразия ситуативных страхов, страх-ужас — фундаментальное экзистенциальное переживание. Он — не просто боязнь мира, он — его своеобразное открытие, разверзание, верный знак того, что я добрался до сути, до корней, до спрятанного, потаенного. Экзистенциальный трепет — это и осознание человеком своей малости, ничтожности, хрупкости, и в то же время победа над ними. Победа самим фактом осознания.

Преодоление страха возможно лишь через упорядочение хаоса жизни. Страхом сопровождается, например, начало творческого акта, предчувствие открытия. И это вовсе не случайность! Д. С. Лихачев в «Заметках об истоках искусства» писал, что первобытный человек не просто так стал изображать на стенах пещеры бизона или медведя. Почему, отмечает Лихачев, изображался бизон, а не утки, гуси или выращиваемая репа? — Потому что нарисовать хотелось то, чего человек боялся, хотел победить, задобрить, упрямить о даровании удачной охоты. Искусство вносит в мир упорядоченность, структурирует, укладывает, упаковывает. Оно перерабатывает негативную информацию. Через художественное сознание все как бы становится «на свои места». И особенно страх. Надо отворить внутренние шлюзы, затопить все застывшее, наличное потоком творческой воли. Нужно резко оторваться от земли, от повседневного, от обстоятельств, от всего того, что делает меня Гулливером, колышками страха лилипутов пригвожденного к земле.

Это прыжок через пропасть, но игра стоит свеч.

Ежегодно – в январе – в Брюсселе огромная очередь осаждает вход Центра изящных искусств. Это желающие попасть на весьма любопытное мероприятие – уникальную в своем роде выставку «Трис Трос», где работы представляют молодые художники.

Здесь можно не только любоваться произведениями искусства, но и попробовать приобрести любое из них. Но не за деньги. Только путем обмена.

Так было и в январе 2008-го. Когда выставка «Трюк-Трок-2008» закрылась, у дверей выставочного зала с самого утра вновь бурлила внушительная толпа. Это были художники, которые буквально ломались в приемную комиссию, чтобы заявить о своем желании через год показать свои работы. А потом, естественно, обменять их на всякие житейские радости.

«Трюк» по-французски – вещь, предмет, упаковка, «Трок» – обмен или, что более привычно для русского уха, – «бартер». Короче, «Трюк-Трок», применительно к данному культурно-художественному событию, – это вульгарно просто: «Ты мне зрелищ, а я тебе – хлеба!»

Все началось в бельгийской столице более 35 лет назад – в 1971 году.

Молодой скульптор Мон Де Рийк собрал группу таких же молодых, конечно же, необыкновенно талантливых и столь же необыкновенно бедных художников, предложив им необычный способ донести их произведения до народа. Если вдохновение не продается, то его, по крайней мере, можно обменять на что-то полезное. Главное – найти форму обмена: демократическую, по сути и разнообразную по существу. И так, на выставке ничего не продается, художники на свои шедевры никакой цены не объявляют. Напротив, это посетители предлагают им все, что у них есть. Все, кроме денег.

Через год на выставке с веселым названием «Трюк-Трок» были представлены произведения 200 художников. Успех был грандиозным! Первая работа ушла через полчаса после открытия: «сломався» автор большого многофигурного полотна. Он с радостью отдал его всего за 2 сеанса у известного зубного врача! Тут-то все и началось! Записками с предложениями были оклеены картины, скульптуры, композиции и инсталляции.

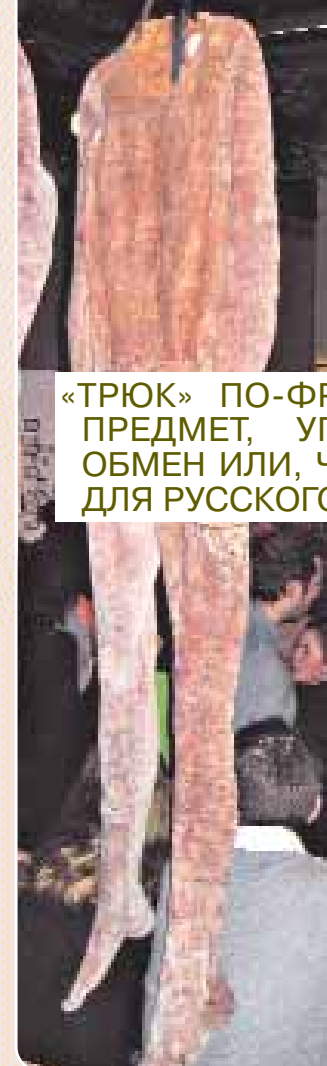
«За ваш эстамп предлагаю хрустальный стакан с портретом Мадонны и неделю тренировок в футбольном клубе»

«Мне очень нравится ваша картина! Отдайте ее за романтическую ночь со мной и моей мамой!»

А первая скульптура была увезена в эльзасский городок Обернэ. Гигантскую фигуру терракотовой купальщицы «выцганили» в обмен на 2 дня использования в личных целях городской курильни, попросту говоря, самогоноварки. Есть такое замечательное место на свете! Точнее, на границе Франции и Люксембурга. Знакомая с этим необычным «пунктом алкогольных услуг», я узнал, что традиции этой – уже лет триста. И она – абсолютно легальна!

Добропорядочный горожанин к празднику, по случаю, скажем, дня рождения, своего или кого-то из близких, запаривает алычу или еще какую ягоду, фрукт или сладкий овощ и идет в свой городской совет, где излагает проблему. Мол, торжества, гости, а гостеприимство предполагает застолье... Ну, короче, хотел бы угостить не только своей едой, но и тем, чем ее запивать.

Чиновник записывает в журнал фамилию, адрес, предполагаемое количество «перва-

«ТРЮК» ПО-ФРАНЦУЗСКИ – ВЕЩЬ, ПРЕДМЕТ, УПАКОВКА, «ТРОК» – ОБМЕН ИЛИ, ЧТО БОЛЕЕ ПРИВЫЧНО ДЛЯ РУССКОГО УХА, – «БАРТЕР».

ча» (но не более 20 литров) и берет десять евро как гарантию за возможный ремонт аппаратуры. Затем достает из шкафа так называемый «мост» – кривую железную

трубу с двумя гайками. Без этого несложного штуцера аппаратура не «заводится». И вперед! В сарайчике все исправно гудит, капает. «Обрат» стекает в ближайший ручей – целительный напиток в ведро.

После чего «мост» – в горсовет, «десятку» – назад. А пару ведер экологически чистого самогона – в дом, на праздник. Один раз в год житель города имеет право передать рычаги и вентили доверенному лицу.

Так случилось, что глиняная бабица приглянулась горожанину из Обернэ, ко-

гда он со своим брюссельским дружком заглянул на «Трюк-Трок». Так как деньги на выставке не брали, в качестве разменной монеты пошло самое святое, и художник, сваявший «музу текучих вод», не смог отказаться от столь заманчивого предложения. Комиссия нашла, что бартер был сделан согласно правилам выстав-

~ СТИЛЬ ЖИЗНИ

бывает не всегда. Во-вторых, вот оно — бесценное творение, о котором можно с удовольствием перебраться с посетителями. А через годик снова поторговаться и увеличить стоимость аренды еще и на регулярные обеды. Искусство и жизнь насущная идут рука об руку!

Очень пестрая публика ходит на «Трюк-Трок»!

«За ваш эстамп предлагаю 3 бутылки великолепного «Бордо» 2003 года»

«Хочу иметь вашу композицию-фантазию «Земля в 3000-м году». Предлагаю одну бесплатную откачку канализации и одну за полцены. Адрес... Телефон...»

Посмотреть и поучаствовать в необычном художественном шоу приезжали и приезжают из многих стран мира.

«Урок бадминтона с чемпионкой Бельгии за ваш рисунок!»

«Оплачу поездку в Ригу с экскурсией и органным концертом. Могу добавить чашечку кофе с рижским бальзамом».

«За вашу скульптуру предлагаю организацию барбекю с тремя очаровательными девушками!»

«Массаж раз в неделю в течение месяца».

«Очень вкусный вьетнамский обед!»

Неутомимые устроители подбрасывали новые идеи в костер желаний. В 2000 году впервые можно было подобным бартером получить произведения в аренду. От одного месяца до нескольких лет. Выгоднейшее предложение! Особенно для начинающих художников. Вы только представьте: договариваетесь с владельцем ресторана о сдаче своей картины внаем, и за это, согласно условиям аренды, целый год плотно завтракаешь «на халяву», любуясь заветным полотном на стене. Во-первых, каждое утро — сыт, что у молодых живописцев

«ЗА ВАШУ СКУЛЬПТУРУ ПРЕДЛАГАЮ ОРГАНИЗАЦИЮ БАРБЕКЮ С ТРЕМЯ ОЧАРОВАТЕЛЬНЫМИ ДЕВУШКАМИ!»

«Работа мне очень нравится! Предлагаю 10 банок домашних огурцов. Тел. ...»

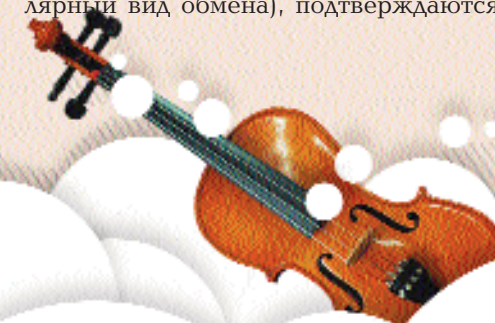
«За ваш чудесный рисунок можете несколько раз поцеловать меня (в присутствии мамы). Тел. (мамы)»

Может показаться, что это не просто озорство или своеобразная игра, а на самом деле все равно все сводится к всеобщему эквиваленту, то есть деньгам. Ничего плодотворного! Согласились обменять свое нетленное произведение на набор тормозных колодок фирмы «Чемпион»? Будьте любезны показать и то, и другое представителю выставочного комитета. Услуги, к примеру, массаж или уборка квартиры (самый популярный вид обмена), подтверждают фо-

Решено было привлечь к эстетическому процессу известных деятелей искусств. Строгая комиссия из 7 уважаемых мэтров академии художеств Бельгии оценивала произведения и стояла на страже высокого вкуса, правда, при этом не возбранялось некоторое творческое вольнодумство. Количество авторов сократилось до 100. Каждый автор мог представить два любимых полотна или скульптуры. В день открытия у входа возникла километровая очередь. Жажущие духовной пищи пришли не только с карандашами и блокнотиками. Обливаясь потом от невыносимой жары, в толпе стоял человек с небольшим холодильником на плече. Через четверть часа он обменял свой «исправно работающий агрегат» на удивительную по нежности акварель «Обнаженная за дождливым стеклом». Это было в 1975 году. А через пять лет эта картина была приобретена знаменитым испанским музеем за десятки тысяч долларов!

ки, и могучую женскую статую с дикорастущей грудью повезли в Альзас на стареньком «ситроене». Кортёж, учитывая поломки в пути и необыкновенный энтузиазм населения, приветствующего, в буквальном смысле, очень высокое искусство, добирался до места почти полдня.

Следующего вернисажа уже ждали с нетерпением! Ввиду повышенного спроса на духовный товар, отбор стал гораздо строже.

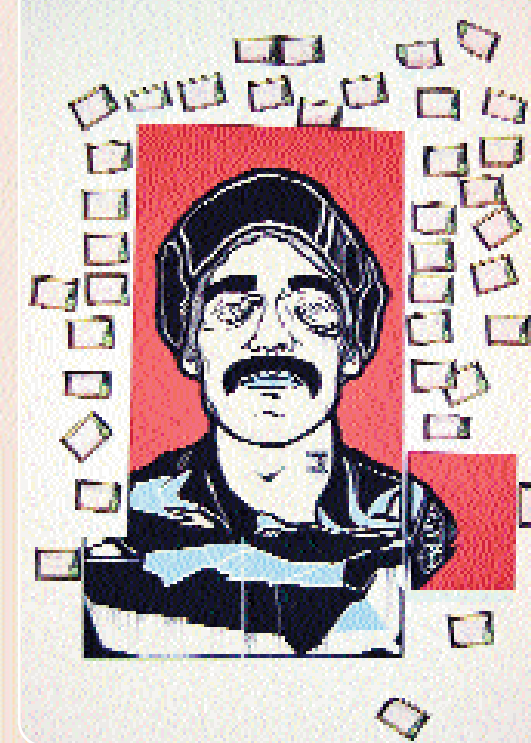

тографиями или показаниями свидетелей. Иногда доказательства — дело хлопотное, но желание попасть на следующую выставку зовет к борьбе с такими трудностями.

За три дня (а именно столько работает выставка) ее посещают не менее 10 тысяч человек. И практически каждый приходит с надеждой, что именно ему достанется приглянувшийся шедевр. Часто записки у картин подобны крику отчаяния.

«Или вы отдаете мне этот портрет за то, что я буду мыть вашу машину в течение года, или я брошусь под колеса вашей машины и вас посадят в тюрьму! Тел.....»

нежный обмен, — говорит арт-директор «Трюк-Трока» Серж Вандерхейден. — Это позволяет сохранять интерес к экспозиции вот уже более 35 лет. Нередки случаи, когда произведение искусства обменивали на какую-нибудь идею или художественный проект. Особенно ценен наш салон тем, что можно приобрести очень приличный экземпляр, не имея никаких свободных денег. Можете предложить готовить художнику еду неделю и больше. Можно поработать у него в саду, покосить траву, посадить цветы, покрасить забор. Конечно, трудно проверить, точно ли и всегда ли это соответ-

ние праздника, коллективного дружеского увеселения. Три дня продолжается эта удивительная веселая ярмарка, на которой никто не говорит о деньгах!

Практически не было ни одной газеты, которая не давала бы комментариев по поводу неослабевающего успеха «Трюк-Трока», тем самым существенно увеличивая свой тираж. А уж от спонсоров просто нет отбоя!

Популярные среди молодежи новенькие автомашины «мини», в большом количестве и бесплатно, сновали от Королевского Дворца искусств к трем самым крупным брюссельским вокзалам. В залах не успевали доставать из холодильников бутылки с минералкой, соками и даже (на радость

наиболее отвязанной публике) с необыкновенно вкусным безалкогольным пивом.

Правительство брюссельского региона вот уже 30 лет (!) берет на себя немалые расходы по подготовке залов (а это лучшие выставочные помещения Королевского Музея искусств), страхованию картин и композиций, обеспечивает охрану и оплачивает работу обслуживающего персонала. Это при том, что вход на выставку — бесплатный, и работала она (так уж заведено) до 3-х часов утра. И вам сразу станет понятно — организаторы смогли убедить спонсоров в том, что их внушительные денежки в песок добродетельного забвения не уйдут, а даже для начинающих художников, видимо, счастье — вовсе не в деньгах ...

«Меняю вашу скульптуру на новый шарф от Версаче. Очень-очень красивый, теплый и дорогой! Тел...»

«За этот пейзаж в течение года буду рассказывать самые свежие еврейские анекдоты. Лея Левинсон. Тел. ...»

— Самая главная идея этого салона искусств — абсолютно безде-

вует нашей идее поддержки молодых и начинающих художников. Но люди принимают правила этой, в общем-то, благородной игры и включаются в нее. И потом — это же здорово, когда вроде бы обычное дело превращается в настоящий праздник!

Действительно, бельгийцы — большие мастера любому событию придавать настро-

Формат создает вкус времени и господствует над умами.

Формат элитарен: он создает принадлежность.

Формат всемогущ: он задает стандарты потребления, культуры и самой жизни.

Формат демократичен: он упаковывает действительность в явления, доступные людям.

В формате так много смысла, что за ним и смысла-то нет.

Формат хитер: потому что непонятно, как устроен.

И еще он беспощаден: он отвергает все, что в него не попадает.

Русский язык [в формате]

ТВЕРГНУТОЕ попадает в неформат: простодушный или бунтующий, слишком умный или слишком примитивный, слишком рафинированный или грубый — просто не такой, как принято. Со временем или при умелом подходе он тоже становится форматом и расходуется тысячами тиражами.

То же и в отношении языка.

Современный русский язык переживает потрясение: чрезмер-

ные англоязычные заимствования, влияние «антиграмотной» интернет-культуры, перенасыщение «мертвыми словами» языка зоны... Ни государственные законы, ни многотомные словари не в силах влиять на ситуацию: она вышла из-под контроля: отныне языком правит Word и интернет, а не человек и культура.

Кто виноват и что делать? Одни отказываются бить тревогу, апеллируя к фактам истории языка: бы-

ли же пейджеры и тамагочи, но не прижились, так и медведы и крошечки не станут нормой. Другие, не отрицая способности языка просеивать через сито времени все лишнее, оставляя лишь стоящее, упрекают ученых и государственные законы в бездействии.

Но все сходятся во мнении: как думаем, так и говорим.

Думай, что говоришь! — Я и говорю то, что думаю.

Мы не замечаем, что главные изменения — не те, которые режут слух в тот момент, когда вице-премьер говорит «пафосный» в значении «хороший», а которые входят исподволь. Кто любит работу, которую вы терпеть не можете? — чистящее средство. Как пахнут мечты? — как освежитель воздуха. Отныне Снежная королева — это в первую очередь магазин меха и кожи, и только потом (если вспомним) — героиня сказки Андерсена. Сегодня слова утрачивают свое первичное значение, сводя все богатство, накопленное не одним поколением, всю гамму вкуса (это кулинарное определение здесь весьма кстати) к бездушному минимуму новояза. Разрушаются культурные ассоциации, распадается связь времен. Специалисты констатируют: нарушена преемственность поколений, сегодня не молодые учатся у старших, а старшие вынуждены мимикрировать под младших.

Почему и откуда в 1990-е годы стало неслыханно популярным слово «немереный»? По мнению Сергея Аркадьевича Иванова, доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника РАН, профессора МГУ и СПбГУ, это было связано с некоторым ощущением раздвижения горизонтов, с ощущением, что всего много и во всю сторону, степь

да гладь кругом, свобода, граничащая с беспределом. Сейчас слово «немереный» выходит из языка. И причины этого понятны: нас учат новоязу, тому языку, что ярко и образно описан у Оруэла.

Новояз, официальный язык Океании, был разработан для того, чтобы обслуживать идеологию англо-американского или английского социализма. В 1984 году им еще никто не пользовался как единственным средством общения — ни устно, ни письменно. Предполагали, что старояз (т. е. современный литературный язык) будет окончательно вытеснен новоязом к 2050 году. Новояз должен был не только обеспечить знаковыми средствами мировоззрение и мыслительную деятельность приверженцев англо-американского и сделать невозможными любые иные течения мысли. Слово «свободный» в новоязе осталось, но его можно было использовать лишь в таких высказываниях, как «свободные сапоги», «туалет свободен». Оно не употреблялось в старом значении «политически свободный», «интеллектуально свободный», поскольку свобода мысли и политическая свобода не существовали даже как понятия. Новояз был призван не расширить, а сузить горизонты мысли, и косвенно этой цели служило то, что выбор слов сводили к минимуму.

«Сегодня «мертвыми словами» — языком зоны, заполнен радиозфир, телеэфир, на нем говорят политики, деятели искусства, культуры. Язык зоны становится фактически нормой языка». — Таково мнение Михаила Викторовича Горбаневского, доктора филологических наук, профессора, члена-корреспондента РАЕН, председателя правления Гильдии лингвистов-экспертов по доку-

СЛОВО ГОДА

Уже не первый год в США, Германии и Японии проводятся выборы самого популярного в году слова. В 2007 подвести кратчайший итог минувшему решили и в России.

Выборы проводились в номинациях «Слово» и «Антислово».

Номинация БЛОГ «Слово»

(1 место) – слово, понимаемое как отсутствие какой бы то ни было правды и наличие одной лишь глянцево-золоченой видимости.

(3 место) – слово, возникшее в 1999 году, после появления на просторах интернет-портала livejournal.com (ЖЖ).

НАНО ТЕХНОЛОГИИ

(2 место) – понятие, появившееся в далеком 1974 году, употребление этого слова долгое время не выходило за рамки профессионального анализа.

ментационным и информационным спорам. Он продолжает: «Современная ситуация мне все чаще напоминает времена Брежнева и Андропова, когда слово перестает употребляться в своем живом, настоящем значении, когда оно вообще перестает что-либо значить». Что и говорить, если словом 2007 года названо слово «гламур» — олицетворение отсутствия какой бы то ни было правды (и мысли), а наличие одной лишь глянцево-золоченой видимости.

Психолог Анатолий Наминач объясняет сложившуюся ситуацию так: русские люди, жившие многие поколения в ситуации несвободы и не имея опыта иного существования, сейчас оказались в растерянности. И продолжает: мы только учимся жить, не руководствуясь известными правилами, а прислушиваясь к себе.

В 90-х годах прошлого века мы захлебнулись свободой, и книж-

ной — тоже. Но еще более мы нуждались в ней. Но это тогда. Сейчас, спустя почти 20 лет, очевидна все та же потребность в ином: в литературе умственной и духопотребной. Недоброе предчувствие: отпущенное время на излете.

Язык зоны как пространство личной свободы

«Я хочу жить в элитной квартире со стильной мебелью, носить эксклюзивные часы и актуальную прическу, читать реальную рекламу и смотреть исключительно культовые фильмы. Вот тогда я буду правильным пацаном, тьфу на вас... продвинутым менеджером». — Из книги Максима Кронгауза «Русский язык на грани нервного срыва».

Сейчас так говорят и так думают, зачастую не понимая или недопонимая произнесенное. Это явление в современном речевом

КРЕАТИВ

(1 место) – слово, сосредоточившее в своем значении жгучую смесь претензии и пародии на творчество и творение.

ПРЕЕМНИК

(3 место) – показатель, подразумевающий иной способ передачи власти, чем тот, что предусмотрен демократическим законодательством.

поведении русских людей Максим Кронгауз называет стратегией неполного понимания.

Специалисты констатируют: мы стали иначе здороваться, прощаться и обращаться друг к другу. Невооруженным взглядом видно, как происходит вытеснение отчеств из некоторых сфер общения, прежде всего из бизнес-общения. Владимира Владимировича Путина все чаще называют просто Владимиром, а в европейской компании и вовсе могут уволить с формулировкой, если на русский манер будешь величать руководителя, к примеру, Михаилом Анатольевичем, а не Михаилом. В отличие от европейской традиции, в России отчество — исконная форма проявления уважения, подчеркивающая преемственность поколений. Вместо них — воплощения социальных амбиций многих поколений, сегодня в оборот активно входят полные имена, которые раньше почти не использовались. Свойственная русскому человеку эмоциональность, прежде активно проявлявшаяся в языке в многочисленных Катечках, Наденьках,

«АНТИСЛОВО»

ПОЛИТ КОНКРЕТНОСТЬ

(2 место) – слово, номинированное лингвистом Ольгой Глазуновой, в отличие от пресловутой американской политкорректности, понимает сугубо российское явление, когда в политике все заранее predetermined, как с выборами в Думу и выборами Президента.

Машеньках, нынче, из уст не близких и не дорогих, может быть воспринята как принуждение к психологическому сожительству.

Прежде бывшие при прощании пожелания здоровья, счастливого пути, скорого свидания сегодня заменились пожеланием удачи. Под влиянием английского языка появились «пока-пока» и «берегите себя». Последнее для русского человека звучит чудовищно, ибо беречь себя надо в случае опасности.

Еще недавно здоровался русский человек нечасто — при встрече. Если в течение дня люди встречались по нескольку раз, никому и в голову не приходило вновь здороваться: ведь уже виделись! Мы и не подразумевали, что будем, как это происходит сейчас, здороваться и прощаться с продавцами в магазине.

Жизнь предлагает тотальное омоложение населения, и язык это впитывает: языковая норма старшего поколения перестает восприниматься как норма для поколения следующего: не младшие учатся у старших, а старшие вынуждены мимикрировать под младших.

Язык вне правил

Вот две истории. В середине 1980-х во всех студиях и аппаратных Гостелерадио висело распоряжение о категорическом запрете использования нецензурной лексики. Дело в том, что один из дикторов, прочитав вечером «Новости», не выключил микрофон, вернее, ему показалось, что выключил, а оказалось, что кнопку до конца не отжал. Он и сказал, что думает по поводу новостей и всего прочего. После этого появился известный указ.

А вот история из наших дней: на вручении престижной кинематографической премии Евгений Миронов, известный и уважаемый актер, вдруг говорит: «Ой, блин!»... Раньше мы четко «переключали регистры»: были литературный язык, разговорный, просторечный, сегодня это «переключение» практически отсутствует.

Марина Леонтьевна Ремнёва, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка, декан филологического факультета МГУ, так объясняет сложившуюся, по ее мнению, неблагоприятную ситуацию в языке: «Нарочитая игра в неграмотность («превед медвед», «кросавчег» и др.) имеет под собой серьезные социальные и коммуникативные угрозы: это влияет на массовое представление о том, что можно, а чего нельзя и как правильно».

Если раньше мы искали слово в словаре и проверяли, как оно пишется, то сегодня мы набираем, скажем, в Яндекс, или в другом поисковике в интернете, и смотрим, какое написание чаще встречается, и верим этому. Мы сами ленимся протянуть руку за словарем, припомнить самые элементарные правила русского языка

навроде тех, что проверяются ударной гласной. Неужели технический прогресс виноват?

Максим Кронгауз приводит другой пример, который он включил в свою книгу: с некоторых пор программа проверки орфографии в Word стала подчеркивать как неправильные слова «жид», «негр», «голубой» и «розовый». Понятно, что слова нехорошие, во всяком случае, часть из них, но «розовому» и «голубому» за что досталось? Первое значение у них — вполне приличное. «Внедрение в сознание понимания нормы и ненормы, правильного и неправильного происходит не только через законы о государственном языке, но и через компьютер, поисковые программы, программу проверки орфографии. Так правят язык без нашего ведома», — делает вывод Максим Кронгауз.

Как бы неправдоподобно, а для многих и вовсе кощунственно, ни звучало, но современный русский язык попал в обойму формата.

Исконно художественное и публицистическое слово в России всегда были взаимопроникаемы, всегда питали друг друга. Активная журналистика нередко вызывала появление новых жанров в литературе, а само художественное слово всегда было и публицистичным. Не от того ли у нас в крови, подчас слепая, вера в слово произнесенное? Мы верим (и не верим) всему, что говорят по радио, телевидению, о чем пишут в газетах. Все принимаем, но бдим: так развивается паранойя. «Профессия репортер» звучит так же абсурдно как и «Православное образование». Смутное предчувствие: с тех пор, как Слово стало уделом многих, святая миссия Пророка утрачена навсегда.

Надежда Болгова

Возвращаясь к напечатанному

... КОГДА ПОЛУЧАЮ НОВЫЙ НОМЕР «СМЕНЫ», с радостным волнением листаю его быстро-быстро, а потом медленно, чтобы продлить удовольствие, читаю каждую публикацию. Прочитав, еще раз перечитываю самое понравившееся, отдаю его в библиотеку, чтоб не лежал на полке, а видел читателя. Поэтому у меня и не сохраняются журналы, но я всегда их помню, им радуюсь. Спасибо, что вы есть!

Давно люблю рубрику «Издалика», о художниках, «Наши публикации», голоса молодых...

Жаль, что сейчас у вас нет странички поэзии, ведь даже у известных поэтов есть такое, что не издавалось или издавалось, но давно и редко. Да и молодые пишут неплохо.

Вот в 12 номере о Леонардо. Так пусть бы и далее — о физиках, об ученых других, ведь в мире столько интересного! А о музыкантах... О людях большой полити-

ки... О путешественниках... Так, как вы публикуете сейчас о живописи.

О звездах кино, эстрады, сцены издается много журналов, а кругом столько интересных людей! И обязательно знать, сколько у них было заключенных браков, а сколько гражданских...

Еще раз спасибо за вашу работу.

*Смирнова Нина Викторовна,
г. Иваново*

УВАЖАЕМАЯ РЕДАКЦИЯ «СМЕНЫ», примите слова благодарности за проведенный вами конкурс «7 чудес России», все сделано великолепно! О стране, в которой мы живем, не только надо много говорить, но ее надо еще очень хорошо знать! Я уже почти 30 лет преподаю географию в школе, но за последние месяцы, благодаря конкурсу, познакомила своих учеников с таким числом удивительных мест России впервые. Мы с интересом

Уважаемые читатели!

Материал о Сталинграде («Смена» №2, 2008) получил очень много ваших откликов. Спасибо вам за соучастие, небезразличие и память о героях тех далеких уже лет. Мы еще раз благодарим наших собеседников, с помощью которых мы смогли сделать этот материал.

Особую благодарность редакция журнала выражает отделу выставок Центрального музея Великой Отечественной войны и лично заведующему отделом тематических выставок Александру Петровичу Потапову, ведущим специалистам отдела Елизавете Владимировне Щербаковой и Дмитрию Анатольевичу Гордееву и начальнику пресс-службы музея Александру Николаевичу Клепикову за консультацию, предоставленные иллюстрации и общую помощь в подготовке материала.

следили за конкурсом, собирали дополнительные материалы о представленных объектах природы, составили мультимедийную презентацию — «Зауралье в проекте журнала «Смена» — «7 чудес России». Передаю всем участникам проекта большое спасибо, как и вы, они внесли в нашу жизнь множество приятных минут. Мы все вместе были в это время победителями!

И еще несколько слов. Ваш журнал для нашей семьи вновь стал родным через много лет, заставил заглянуть в семейный архив. В далеком 1978 году, когда мы с мужем после окончания института поехали в отдаленную деревню и работали там в сельской школе учителями, в одном из номеров любимой нами «Смены» мы прочитали информацию об акции сбора книг для библиотеки в Новом Уренгое. Быстро собрали посылку и отправили по адресу. И были очень удивлены и обрадованы, когда увидели, что напечатано наше письмо в одной из ваших заметок «Библиотека «Смены» в Уренгое». С тех пор мы постоянно делимся книгами с теми, кто в этом нуждается. Кто его знает, могло ли это дело состояться без «Смены»?

Спасибо за ваши всеблагородные дела, пусть «Смена» и ее сотрудники будут успешными во всем.

*Христолюбская
Любовь Васильевна,
учитель географии лицея №12,
г. Курган*

*Остаться
нормальным человеком,
чтобы не сойти с ума*

«Амаркорд» Дмитрия Крымова

- Окончил постановочный факультет Школы-студии МХАТ.
- С 1976 работал как художник-сценограф со своим отцом режиссером Анатолием Эфросом в Театре на Малой Бронной — «Опелло», «Месяц в деревне», «Лето и дым», «Воспоминание», «Наполеон Первый», «Директор театра», во МХАТе — «Тартюф», «Живой труп», в Театре на Таганке — «У войны не женское лицо», «Полтора квадратных метра», «Мизантроп»).
- Оформил множество спектаклей в других театрах:
- «Попытка полета» (МХАТ), «Костюмер» (Театр им. Ермоловой), «Мать Иисуса» (театр им. Моссовета), «Розенкранц и Гильденстерн мертвы» (Театр им. Маяковского), «Король умирает» (АРТель АРТистов), «Карантин» (Театр на Покровке), «Скамейка», «Счастье мое» (Ленинградский Малый Драматический театр).
- Со второй половины 1980-х годов занимался живописью и книжной графикой. Персональные выставки: в галерее «Доминус», Центральном доме художника, Государственном Русском музее, Центральном выставочном зале «Манеж», галерее «Сегодня», во Франции.
- С 2000 г. преподает на художественном факультете РАТИ (ГИТИС).
- В 2003 г. со своими студентами поставил спектакль «Недосказки» (Приз на международном фестивале «Радуга» в Санкт-Петербурге, 2005). Анатолий Васильев, руководитель московского театра «Школа драматического искусства», предложил включить его в репертуар своего театра и создать лабораторию из художников-артистов.

В 2007 году Дмитрий Крымов со своими студентами-художниками и актерами «Лаборатории Крымова» получил высшую награду, «Золотую тригу», на Всемирной выставке театральных художников и архитекторов Пражской квадриенале.

Сегодня в репертуаре лаборатории — четыре спектакля: «Донкий Хот» Сэра Вантеса — по «Дон Кихоту» (Гран-при VII международного фестиваля «Радуга» в номинации «Лучший спектакль», а также спецприз критиков), «Торги» — по пьесам А.П. Чехова, «Демон. Вид сверху» (премия «Хрустальная Турандот» в номинации «лучшая режиссура», 2007 г.). Премьера «Коровы» по рассказу А. Платонова состоялась в декабре 2007 г.

Лет семь назад в интервью вы сказали: «Сейчас странное время. Никого ничем не удивить, но никто и не испытывает желания быть удивленным». Сегодня изменилось время? Или вы, или мы?

Не знаю. Но сейчас я думаю полностью противоположное. Люди хотят быть удивленными. Они, может быть, не признаются в этом, и даже иногда раздражены, когда их удивляют. Но если не верить в это желание в человеке, то трудно работать в театре. По-моему, в театр приходят для того, чтобы удивиться.

А работают в нем для того, чтобы удивить или чтоб удивиться?

И то, и другое.

Кого из современников вы считаете своими единомышленниками?

Есть много хороших людей, но я так не могу сказать: «Вот это — мой единомышленник!» К сожалению, я не так много общаюсь с людьми. Иногда вижу только продукт их работы. Но бывает тоска по каким-то разговорам, которые были когда-то с кем-то и где-

~ постоянство разума

то... Сейчас все очень спешат, и я тоже. И иногда не хватает таких «пустопорожних» разговоров и такого рода единомыслия. В разговоре всегда легче думать и придумать, и даже сомневаться.

Вы свои идеи записываете?

Конечно! Я панически бросаюсь к карандашу и бумаге, чтобы не забыть.

Потому что я — не Эйнштейн, которого спросили: «Есть ли у вас записные книжки?», а он ответил: «Зачем? Мне только одна хорошая мысль за всю жизнь пришла в голову. И я ее запомнил». Я боюсь забыть и записываю. Правда, потом иногда забываю, куда записал...

Кажется, что пьесы, которые вы ставите, похожи на киносценарии, если только они существуют в виде текста.

Их не существует. Вот спектакль «Недосказки» сняли, не играем сейчас, и поди теперь вспомни, кто за кем выходил и что происходило...

В ваших спектаклях играют актеры или ваши студенты-художники?

У нас в этом смысле — полная путаница! На самом деле, мои ученики — это художники. А актеры, которые уже несколько лет работают в моей лаборатории в театре Васильева, это, в основном, ученики замечательного актера и педагога Валерия Гаркалина. И они, по-моему, уже сами запутались — кто художник, и кто актер: одни придумывают спектакль вместе со мной, другие тоже придумывают, и еще в нем играют.

Я очень надеюсь, что на нашем новом курсе в РАТИ тоже так произойдет. В этом — весь смысл такого соединения. Иногда я кого-то зову со стороны на один раз, но если отношения складываются, то работу хочется продолжить. Как, например, сейчас с ученицей Захарова Ирой Денисовой. Одним словом, со «своими» работать единственно и возможно. У них глаза не настроенные.

А кто, в таком случае, для вас зрители?

Тоже «свои». Вернее, мы их зовем «в свои».

Вы набрали в институте уже новый курс?

Да, это такой странный экспериментальный совмещенный курс, где два начальника — Каменькович и я. Он командует большей частью, а я — меньшей. У него — режиссеры и актеры — их тридцать человек, а у меня — десять художников.

В институте был капустник, и они впервые вышли на сцену. Это был своего рода прием в их честь. Все ученики Хейфица, Кудряшова, Захарова выступали в роли этаких итальянских мафиози и решали, как поступить с но-

Сейчас все очень спешат и я тоже. И иногда не хватает таких «пустопорожних» разговоров и такого рода единомыслия.

вичками. В результате, конечно, приняли их в свои ряды. Но все это было очень смешно! Вообще, студенчество — это замечательное состояние. Я смотрел и думал: единственное, чего я не понимаю, куда все это потом уходит. В театре очень мало такого живого искреннего веселья, такого наивного чувства, такого отрыва.

В студенчестве есть жизнь. И они как аккумуляторы. На одном аккумуляторе машина не поедет, нужно, чтобы энергия перешла в более сильное устройство, в генератор. Но и генератор не зажжешь без аккумулятора. Вот их учат, потом выпускают в театр, а там все это часто гаснет.

Вы считаете, в молодежных театрах другая атмосфера?

Из молодых редко образуются театры. Вот Женовачу удалось, но это редкость! Один актер или даже один режиссер должен быть очень сильным человеком, чтобы пробиться. Личность, талант, характер соответствующий. Много компонентов должно соединиться, чтобы выстоять. Вместе легче держаться, «взявшись за руки», так сказать... Ну, тем более, когда есть начальник такой, как Женовач. С таким капитаном не страшно!

От чего зависит работоспособность «аккумулятора»?

От количества проезженных километров и от системы аккумулятора. Но над этим можно работать. Есть такие мастера, которые к аккумуляторам, чтобы они дольше работали, присоединяют всякие проволочки, гаечки...

Вам пока этого не надо, но, в принципе, вы знаете, какой вы системы?

Как не надо! Я привязываю. Я – весь в этих гаечках-проволочках. Хожу и бренчу.

«...прислушаться к себе и разобраться, кто ты есть и чего ты хочешь. Как ты должен день прожить, чтобы вечером... остаться нормальным человеком. Чтобы с ума не сойти...»

Какая гаечка сегодня?

Новый спектакль.

Вы хороший начальник?

Я не начальник – вот в чем дело. Я такой же аккумулятор. Может быть, чуть побольше мощностью, но не начальник. Я не распределяю деньги, мы работаем в театре, куда нас пригласил Васильев. Он обеспечил нас фантастическими вещами: статусом и помещением. До него бывает очень трудно дозвониться, но иногда он звонит сам. Нам его здесь очень не хватает. Но его теплое отношение я чувствую и сейчас.

Вы ставите все-таки Чехова, Платонова или себя?

По-моему, это ложная постановка вопроса. Я вам объясню, почему. Представьте себе, вы ставите Чехова «Три сестры» с полной погруженностью в Чехова, читывая его жизнь, все постановки «Трех сестер», догадываясь, чем был бы автор доволен. Но никто этого не знает, это всего лишь ваши догадки. Рукой-то водите вы! Драматург дает только импульс. Он провоцирует вас на начало работы. Это –

как в бильярде. Вы кием бьете одним шаром по другому. И влетает в лузу не тот шар, который вы тронули, а второй или даже третий. И Чехов – это первый шар, без него вообще не тронется вся система. Ударить Чеховым – в себя, в актера, в театр! Смысл в том, чтобы нужный шар оказался в лузе. Почтительность хороша, когда старушку через улицу переводить, а в театре нужно с автором запанибрата быть. Иначе ничего не будет. Надо уважать автора, дружить с ним, а не преклоняться. Поэтому, когда мы придумываем всякие завихрения по поводу Платонова, Чехова, Сервантеса или кого угодно, я не думаю, что мы это делаем в ущерб автору. Он – наш друг. Мы идем вместе, рука об руку. А манера может быть любая. Я, например, смешал слова всех пьес, и мне кажется, что я к Чехову прорвусь быстрее и эффективнее.

Значит, художник должен в первую очередь выразить себя?

Кого Феллини выражает в «Амаркорде»? Свой маленький городок? Конечно. Но вы поезжайте-ка туда!.. Все равно театр – это авторское дело режиссера, актера, художника.

Мне совсем не хочется говорить о том, что «художник должен...». «Каждый пишет, как он дышит...» Что художник должен? Да ничего он не должен. Художник думает, как всякий человек, что ему нужно делать, чтобы быть с собой в согласии... Нужно прислушаться к себе и разобраться, кто ты есть и чего ты хочешь. Как ты должен день прожить, чтобы вечером...

...остаться художником?

Остаться нормальным человеком! Чтобы с ума не сойти. Просто каждый должен себе «пищу» в жизни найти. Я – от репетиций в хорошем настроении. Я люблю... Чуть не сказал сейчас фразу, с которой начинается книга моего папы «Я люблю приходить на репетиции. Мне интересно, в каких платьях будут женщины. В каком настроении мужчины...» Мне действительно очень интересно. Я люблю не сразу начинать репетицию. Раньше я осуществлял на репетициях какой-то план, сейчас не это интересно. Можно, жертвуя временем репетиции, почувство-

вать, как люди настроены, чтобы дальше что-то придумывать вместе!

Вы часто перечитываете книги родителей – Анатолия Эфроса и Натальи Крымовой?

С папиными книгами происходит странная история. Вообще, я их знаю очень хорошо, но иногда вдруг тянет открыть. Ну... как поговорить. Это редко происходит. Но почти всегда я там нахожу ответы на вопросы, которые в этот момент меня интересуют. Именно на той случайной странице, где я открыл. Машины книжки только недавно вышли, и история с ними еще не такая долгая, но я надеюсь, что тоже буду их время от времени открывать. Не для того, чтобы узнать или вспомнить, как тот или иной режиссер что-то давно поставил, а потому, что они полны внимательного, строгого, но любовного и доброжелательного отношения к театру. ...Когда папа был главным режиссером в театре Ленинского комсомола, я все время пропадал за кулисами. На гастроли ездил, в спектаклях выходил.

А когда начали рисовать?

Я всегда рисовал.

Но сейчас вы нечасто бываете в своей мастерской?

Я делал театральные декорации, я писал картины. И то, и другое я очень любил. Но любовь уходит. И возникает в другом месте. Сейчас она возникла в театре, и я очень боюсь, что она может тоже уйти. Поэтому я ценю то, что сейчас имею. Этим людей, с которыми я работаю, и которые хотят работать со мной.

Знаете, я всегда очень хотел, чтоб мои работы выставлялись, продавались, хранились в хороших музеях. Всегда хотел внимания к тому, что я делаю. И сейчас я очень благодарен людям, которые с интересом относятся к моей работе. Но даю честное слово, только абсолютно никому не в обиду, что все это я бы отдал за то, чтобы хотеть и мочь начать следующую работу.

Следующую работу – в театре или в живописи?

Все равно. За желание.

...За полтора часа, что идет спектакль «Корова» (по одноименному рассказу Андрея Платонова) зрителю удается пережить столько узнаваний! Через несколько минут уже ясно, что кокетливая дамочка в красной шляпке, эта словно сошедшая с экрана феллиниевская Градиска – корова. В то, что девочка с длинными льняными волосами – мальчик. Что простой серый свитер с рисунком – пеленок. А потом вдруг в то, что любимая корова, которая была кормилицей для всей семьи, – навсегда потерянная страна нашего детства – СССР. И простой прогноз

«В Центрально-черноземном районе – +15, дожди. В Армении – без осадков, +18-20. На черноморском побережье Крыма –

погоды из некогда ежедневной программы «Время» вдруг отывается такой грустью: «В Центрально-черноземном районе – плюс пятнадцать, дожди. В Армении – без осадков, плюс восемнадцать-двадцать. На черноморском побережье Крыма – плюс двадцать пять...».

Картины детства в этом спектакле, временами словно из норфолкской «Сказки сказок». Там, где всегда счастливо и светло так, что даже глазам больно. Но только на несколько минут дверь в этот мир открывается. Там всем хорошо, и все вместе. Люди и звери, взявшись за руки. И можно «длинной вереницей идти за синей птицей». Вот только поезд грохочет уже так близко, что уши закладывает. И становится страшно. И понятно, что редкая птица долетит., а особенно синяя.

Но когда в зале зажигается свет и вроде бы приходишь в себя после этого наваждения, то вдруг понимаешь, что реальность уже не будет прежней. Потому что, как когда-то в детстве, благодаря Метерлинку ты увидел и уже никогда не забудешь душу Хлеба и Сахара, Огня и Воды, так сегодня благодаря Крымову увидел души героев Платонова.

И, наконец, после перекура, заглянул в свою.

Беседовала Мария Михайлова

МИРА ЗДАНИЕ
СВОБОДА ОТ ИЗВЕСТНОГО

Издrevле на Руси вода – не просто H₂O, а кровь живой Матери-Сырой Земли, опора, на которой покоится Земля, водораздел между миром живых и загробным царством. В народе воду называли Матушка Царица. Ее боготворили. Русские считали: она приходит на Землю из Космоса и становится источником жизни. Из «Велесовой книги» цитата: «Пьем же ту воду, ибо она вся от Сварга к нам жизнью течет, пьем ее как источник жизни Божьей на Земле».

Её величество ВОДА

Сергей Каленикин

Примерно до конца XIX века вода считалась неистощимым бесплатным даром природы, но в XX — мнение резко изменилось. В результате быстрого роста населения и бурного развития промышленности чистая пресная вода стала мировой проблемой номер один. В настоящее время люди используют ежегодно более 3000 миллиардов кубометров пресной воды. Проблема обеспечения населения водой становится все актуальнее и актуальнее. Сегодня опресненную морскую воду пьют народы, занимающие территории стран Персидского залива. На привозной воде живут Алжир, Гонконг, Сингапур, прибрежные районы бывшей Югославии. Падающий уровень грунтовых вод и хроническая нехватка питьевой воды ощущаются в центральных районах США, Южной Индии, северной части Китая...

Полцарства за глоток

Так сложилось, что Россия — самая богатая страна мира. Занимая около 12 процентов площади Земли, мы располагаем национальным богатством, в 10 раз превышающим мировой ВВП. Только водно-ресурсный потенциал России оценивается в 23,2 триллиона рублей. Это более 2,5 миллионов рек общей протяженностью свыше восьми миллионов километров, около трех миллионов озер общим объемом 26,5 тысячи кубометров километров. 2290 водохранилищ — около 350 кубических километров. Особо следует отметить Байкал — самое большое, уникальное пресноводное озеро. В нем — 20 процентов мировых запасов пресной воды.

Так что, по природным запасам-ресурсам на душу населения мы богаче любой другой страны. Потенциал России превышает потенциал США в 2-2,5 раза, Германии — в 6 раз, Японии — в 18-20 раз. О прочих и говорить нечего.

Судьба человечества — в стакане воды

Сегодня на нашей планете ежедневно от недостатка живительной влаги погибают тысячи людей. Качественная питьевая вода на наших глазах становится самым ценным ресурсом на Земле, она уже сегодня дороже нефти.

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) заявляет: около двух миллиардов человек страдает от нехватки питьевой воды на Земле. Ее важность такова, что она может означать жизнь или смерть, процветание или нищету. Она даже может стать причиной международных конфликтов. Одним словом, судьба человечества — в стакане воды. С учетом динамичного роста рождаемости на планете и бурного развития промышленности, уже к 2025 году человечество будет использовать более 70 процентов своих пресноводных запасов. К этому времени из-за ограниченности водных ресурсов мир лишится, как минимум, 130 триллионов тонн продовольствия ежегодно.

Экологическая организация World Watch Institute предсказывает, что к середине XXI столетия всего лишь трех-четырёх стран в мире не коснется нехватка пресной воды. Кто же эти счастливики? Главные держатели водных запасов — Россия и Бразилия.

Первыми «сухость во рту» почувствуют жители Китая, Индии, Западной Африки... Китайцам грозит дефицит пресной воды уже к 2020 году. Сосредоточив на своей территории одну пятую населения планеты, Китай обеспечен лишь семи процентами мировых запасов пресной воды. Вода, которой Господь наделил Поднебесную, на 90 процентов загрязнена отходами интенсивно развивающейся экономики.

~ свобода от известного

Поэтому Китай объявил о начале подготовки к осуществлению амбициозного проекта — переброски вод южных рек в северные районы страны. В Поднебесной нередко говорят: «людей много — земли мало». К этому можно уже добавить — мало не только земли, но и воды.

Покончить с этим раз и навсегда призван водяной проект XXI века. На его реализацию отпущено 15 лет. По плану, разработанному в министерстве водного хозяйства, главные реки Китая Хуанхэ, Хуайхэ и Янцзы будут соединены тремя длинными каналами, идущими с юга на север. Их общая протяженность должна составить почти две с половиной тысячи километров... Спасет ли?..

— Проблемы с питьевой водой действительно существуют, — говорит доктор физико-математических наук, член Российской правительственной делегации на саммите в Йоханнесбурге Але-

ксандр Шелехов. — И почему бы нам не воспользоваться сложившейся ситуацией? Если во всем мире запасы пресной воды уменьшаются, то ее ценность возрастает. По экспоненте. Байкал — 20 процентов общемировых запасов пресной воды. Байкальскую воду уже разливают и продают. Ее берут с глубины 300 — 500 метров. Это первоклассная, вкусная вода. Ясно, что объем продаж будет возрастать.

Сегодня Байкал — общемировая ценность. Коли так, нужно формировать международный фонд по охране Байкала. Заинтересованные в воде страны наверняка приняли бы в нем участие. Этот фонд не только будет охранять Байкал, но и займется развитием цивилизованного туризма, общеобразовательными прикладными про-

граммами — по истории, археологии, палеонтологии, краеведению и тому подобное. И каждый участник фонда, в зависимости от вложенных денег, по оп-

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) заявляет: около двух миллиардов человек страдает от нехватки питьевой воды на Земле. Ее важность такова, что она может означать жизнь или смерть, процветание или нищету. Она даже может стать причиной международных конфликтов.

ределенным правилам, будет в будущем получать байкальскую воду. Разумеется, это примитивная схема. Но тут главное — идея. Человечество созрело для обсуждения такого рода проектов, никто от них уже не шарахается, они не воспринимаются как несбыточная глупость.

Недавно одна из солидных газет провозгласила: Россия получила «двойку» на заседании бюро Комитета по всемирному наследию ЮНЕСКО. Заседание это было посвящено проблеме озера Байкал. Обсудив меры, которые предпринимает российское правительство для охраны Байкальского заповедника, Комитет счел их недостаточными...

Как заявил главный наблюдатель ЮНЕСКО по России (!) Джим Торфелл, наша страна не только не выполняет своих обязательств по охране Байкала, но и не дает правдивой информации о ситуации на озере. Дело в том, что перед заседанием в Комитет по всемирному наследию был направлен официальный доклад правительства России оптимистического содержания. Однако одновременно в ЮНЕСКО поступил альтернативный доклад международной экологической организации «Гринпис», в котором ситуация рисовалась в мрачных красках.

Еще в 1996 году Байкал был включен в Список всемирного наследия. Тогда же правительство России было рекомендовано принять федеральный закон «Об охране озера Байкал», а также разобраться с Байкальским целлюлозно-бумажным комбинатом (БЦБК) — «врагом озера № 1». БЦБК продолжает работать. Все проекты по его перепрофилированию были отклонены Госкомэкологией, так как представляли собой замену одного вредного производства на другое, столь же вредное. Закрывать же комбинат, как нам сообщили в Госкомэкологии, невозможно. Это градообразующее предприятие города Байкальска с 18-тысяч-

ным населением, и на решение социальных проблем города, которые возникнут с закрытием предприятия, просто нет денег. Таким образом, не были выполнены основные условия включения Байкала в Список всемирного наследия...

Я лично был в Иркутске много раз, столько же раз плескался в Байкале. Никто никогда и нигде не плакался, что с Байкалом — беда. Пресловутый целлюлозно-бумажный комбинат... Есть мнение ученых, что все не так уж и страшно: Байкал по определению никогда не превратится в гигантскую помойку. Он переварит ЦБК...

Оставим проблему Байкала и вернемся к доктору физико-математических наук Александру Шелехову.

— У нас, в России, разработана одна из лучших в мире систем мониторинга окружающей среды. Тут и спутники, и аэрофотосъемка, и специальное оборудование, а главное — лучшие в мире мозги. Представьте себе, наши ученые сумели обнаружить в пустыне колоссальные запасы пресной воды. Под землей. Никто, кроме нас, подобного делать не умеет. Второе: у нас есть очень эффективные и дешевые системы по очистке и опреснению воды. Это — технологическая, наукоемкая сфера, очередной пример наших возможностей на мировом высокотехнологическом рынке. Это больше, чем просто деньги.

Губернатор Кемеровской области Аман Тулеев не так давно вспомнил о проекте переброски северных рек России в Среднюю Азию.

«Переброска рек» из сказки почти становится былью. Реанимация утопии, более двадцати лет назад похороненной учеными и обществом, практически не вызывает сопротивления. Настораживает? Не то слово. Тогда власти отказались от этой затеи не из-за нехватки сил. Ничто не гарантирует безопасность столь масштабной переделки

Природы. Любые экологические изменения сказываются на социально-демографической обстановке, и тем глубже, чем они существеннее. Когда общество, не слишком задумывавшееся о политических методах управления страной, как один, встало против природного эксперимента властей, в этом сказало не подзуживание со стороны экологов, как говорят сегодняшние реаниматоры-авантюристы, а инстинкт самосохранения.

Главный довод реаниматоров: распродав нефть и газ, государству надо будет чем-то зарабатывать. Тут стодится и вода, которая как бы сама по себе течет и будет течь. Речь — опять о торговле ресурсами. Это после всего сказанного на самом высшем уровне о жизненности для России прорыва в постиндустриальное сообщество!

Американские ученые давно спрогнозировали, что основой экономики Штатов и еще двух-трех ведущих стран мира будет

создание и внедрение высоких технологий. Производством продовольствия и потребительских товаров займутся другие развитые страны. А нужными ресурсами и тех, и других обеспечат сырьевые государства-придатки.

Торговля водой такому сценарию не противоречит. Если уж на то пошло, безопаснее торговать воздухом. Рано или поздно (но наверняка до реализации, в случае принятия проекта переброски рек) Киотское соглашение будет подписано всеми странами. И тогда за счет переуступки квот на CO₂ российская казна будет получать не меньше, чем сегодня за нефть и газ.

Говорят, сибирская вода нужна Средней Азии, где нехватка собственной. Но почему, спасая других, мы должны рисковать своей экологией? Вбухивать свои и так невеликие

силы и средства ради решения чужих внутренних проблем? Некоторые, правда, говорят о политических дивидендах, надеясь с помо-

По плану, разработанному в министерстве водного хозяйства Китая, главные реки Хуанхэ, Хуайхэ и Янцзы будут соединены тремя длинными каналами, идущими с юга на север. Их общая протяженность должна составить почти две с половиной тысячи километров...

щью воды контролировать всю Среднюю Азию. Вот только стоят ли они таких затрат, и не проще ли использовать более дешевые и эффективные методы?

Конечно же, реструктуризация рекообращающих систем Иртыша, Оби и Енисея по любому аукнется здешним территориям. Их экономика, базирующаяся на добыче и переработке природных ресурсов, во многом зависит от экологической обстановки. Любые изменения последней скажутся на первой. А это повлияет на социально-демографическую ситуацию.

Такие вот откровения. Когда речь идет о переброске воды в рамках одного государства, можно использовать водоотводы, вести строительство новых каналов и русел рек. Так хотел поступить бывший премьер-министр Испании Хосе Мария Аснар. Он предлагал за 24 миллиарда евро перебросить воду из реки Эбро на

севере Испании на южные средиземноморские провинции. Так как грандиозный водный план столкнулся с преградами со стороны ЕС и местных экологов, проект «заморозили».

У нас бед своих – выше крыши

Германия в сравнительном анализе качества водных запасов занимает только 57-е место в списке из 122 стран. Наихудшие показатели – у Бельгии. Бельгийцы исследовали собственные подземные воды и выяснили, что лет через 10-15 даже вода, сосредоточенная на 50-100-метровой глубине, к питью пригодна не будет. Всею виной неосовременность современных систем очистки сточных вод.

Водные кризисы охватывают все больше государств. По признанию украинских экологов, более 70 процентов болезней в

В античные времена, а потом и в Средние века, человек тратил на себя всего 12-18 литров воды в день. В XIX веке в западных странах – с развитой промышленностью – потребление воды на душу населения возросло до 60 литров в день, а к концу двадцатого – удесятилось.

Украине связано с некачественной питьевой водой. Проблема в том, что более двух третей населения потребляет воду из Днепра, сток которого формируется с земель, загрязненных пестицидами и другими вредными веществами. Воспользоваться другими источниками воды украинцы в ближайшее время вряд ли смогут. Таких источников – единицы, и даже родниковая вода в Украине не всегда соответствует требованиям ГОСТа «Вода питьевая».

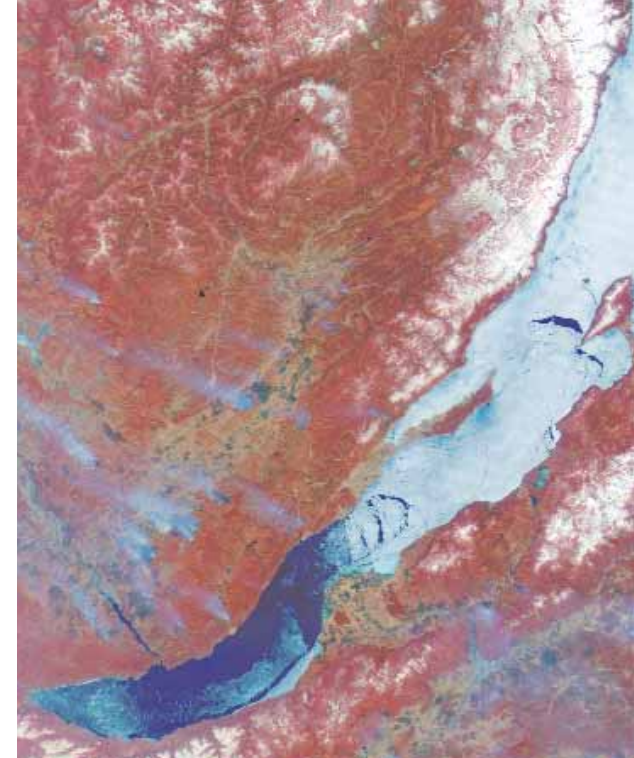
Такая же проблема и в Крыму. В межсезонье местные жители часами лишены удовольствия помыться: вода подается по расписанию. Но некоторые крымские ученые считают: в горном хребте Яйла, над Ялтой, спрятаны огромные резервуары пресной водой. Ими, по преданию, пользовались тысячи лет назад римляне. И точно, в предгорьях Яйлы встречаются следы колодезь. Украине не хватает денег, чтобы не то что совершить водную революцию в Крыму, а даже ответить на вопрос: сколько пресной воды хранят горы Южного берега Крыма?

У нас, в России, тоже не все гладко.

Главный государственный санитарный врач России, академик РАМН Геннадий Онищенко на вопрос о вспышке гепатита в городе Ржеве ответил:

«... Почти все 70-тысячное население города берет воду из Волги. Вода просто закачивается в водопровод, «добывается» хлоркой и подается населению. То есть город снабжается не питьевой, а технической водой. Как и многие другие города России. Ведь в целом по стране треть всех проб воды поверхностных источников не соответствует гигиеническим нормативам. От 40 до 70 процентов водоразводящих сетей – в аварийном состоянии и требуют замены. Поэтому не исключено вторичное микробное и вирусное заражение питьевой воды. Отсюда и кишечные инфекции, и тот же вирусный гепатит А».

Надо, чтобы деньги, которых у нас в стране уже отложено на черный день прилично, были потрачены на решение такого рода проблем. Но причина – не только в отсут-

Таяние льда на озере Байкал. Снимок из космоса.

ствия средств. Пожалуй, важнее гуманитарная и духовная составляющая – сострадание к людям и природе. Самый наглядный пример: посмотрите, что делается в Барвихе, где живут не самые бедные наши соотечественники. Направо-налево – миллионные усадьбы, но их владельцы хищнически относятся к водным ресурсам и стоки сбрасывают прямо в Москву-реку. Не об отсутствии средств это говорит...

А Москва-то пьет водицу из Москвы-реки...

Ледники – стратегические водные запасы всего мира

Дефицит пресной воды на Земле возрастает ежегодно в геометрической прогрессии. Недостаток воды обостряет проблемы сельского хозяйства, экологии, здравоохранения, охраны природной среды. В то же время, 80% запасов пресной воды заключены в ледяных панцирях покровных ледников Антарктиды и Гренландии.

В целом, снег и лед в Антарктиде необычайно чисты химически и соответствуют

составу воды высокого качества. Поэтому ученые уже многие годы работают над проблемой добычи и транспортировки питьевой воды из айсбергов. Этот способ считается наиболее разумным еще и потому, что применяющийся до сих пор в засушливых районах Земли метод опреснения не обеспечивает качественную воду, к тому же нарушает экологию морской воды.

В настоящее время разработано несколько проектов промышленной переработки льдов айсбергов в экологически чистую питьевую воду. Наиболее экономически перспективными являются проекты российских ученых: «Чистый лед» и «Айсберг», которые включены в единый проект «Чистая вода» в составе международной программы «Человек и Океан. Глобальная инициатива».

Проект «Чистый лед» предлагает готовую технологическую систему: поиск, добыча льда, переработка и доставка его с целью

обеспечения населения питьевой водой высокого качества и использования «живого» холода в бытовых промышленных целях.

Общая потребность в экологически чистой пресной воде, с учетом производства продуктов питания, медицинских препаратов, напитков, составляет, как минимум, семь миллиардов тонн в год. При полном решении этого вопроса возможно еще и использование для бытовых нужд

естественного холода и «живого» льда, что позволит сократить расход используемых до сих пор хладагентов, разрушающих озоновый слой атмосферы Земли.

В основе проекта «Чистый лед» — изобретения академика Международной академии наук экологии, безопасности человека и природы, доктора наук Ивана Петровича Калько. С 1990 года он вел работы над созданием судового комплекса водозмещением один миллион тонн для разра-

По данным Washinton Profile, стоимость 1 м³ на душу населения (в долларах США): в Германии – почти 2, во Франции – 1,23, Италии – 0,76, Финляндии – 0,69, Испании – 0,57... Удивительная вещь: в США – 0,51, в Канаде – 0,40... Про Россию и говорить нечего – 0,03...

С учетом динамичного роста рождаемости на планете и бурного развития промышленности, уже к 2025 году человечество будет использовать более 70 процентов своих пресноводных запасов.

ботки и транспортировки льда айсбергов. Был разработан также комплекс электро-механического оборудования для добычи айсберговых льдов. Проведена предварительная экологическая экспертиза проекта. Проработаны вопросы создания береговых сооружений для приемки и переработки льда и пресной воды в местах потребления. Выявлены возможности строительства судовых комплексов на судах России.

В рабочем исполнении разработка льда выглядит следующим образом. Судно и грузовые секции прибывают в район добычи, где производится поиск айсберга с требуемыми параметрами и его обследование с помощью специальной аппаратуры, в том числе установленной на спускаемых подводных аппаратах. Определяются места швартовки грузовых секций. После этого секции отстыковываются от основного блока и швартуются к айсбергу. С помо-

щью добывающего оборудования производят разработку ледяного массива и погрузку ледяной крошки в трюмы грузовых секций. После загрузки грузовые секции стыкуются с основным блоком, и судно направляется в пункт назначения. Здесь «живой лед» будет направлен для использования в качестве питьевой воды. Также «живой лед» и вода, произведенная из него, поступают на производства: пива и прохладительных напитков, медицинских препаратов, на заводы по производству холодильных элементов для бытовых и промышленных холодильных установок.

Ради чего эта затея? Можно сказать, что уже в ближайшие 15 лет полностью решится проблема обеспечения землян экологически чистой питьевой водой, а также улучшится ситуация в районах массового опреснения морской воды...

Как знать — вполне возможно...

Одна из первых матрешек

Японские куклы

Современная авторская матрешка

МАТРЕШКА И MATRIOSHKKA

Несколько лет назад Эвелина Хромченко предприняла попытку сделать русский стиль не просто модным, но лишенным налета стыдливого к нему отношения соотечественников.

И ПОНЕСЛОСЬ: носить зимой валенки, расшитые бисером, стало так же актуально, как и ходить осенью в резиновых сапожках веселенькой раскраски. Возрождение эстетики традиционной русской культуры многими было воспринято как экзотика. То же и в отношении сувениров: иностранный турист относится к русской сувенирной продукции с куда большим почтением, чем мы сами. Не потому ли лучшие коллекции матрешек собраны на Западе, а мы продолжаем жить с ощущением, что это куда не уйдет?

108 ЛЕТ СПУСТЯ

В 2000 году «Фонд народных художественных промыслов РФ» отмечал 100-летие создания матрешки. Была организована выставка промысловой и авторской матрешки, которая длилась год и интерес вызвала огромный. Так организаторы выставки задумали создать «Музей матрешки».

По одной из версий, прообразом матрешки послужила деревянная разъемная игрушка, изображающая мудреца Фукурума, которую в конце XIX века в московский магазин-мастерскую «Детское воспитание», что располагался в доме № 7 по Леонтьевскому переулку (не случайно «Музей матрешки» находится в этом же доме), привезли из Японии для Анатолия Мамонтова, брата знаменитого Саввы Мамонтова. Местный токарь Василий Звездочкин выточил похожие фигурки, а известный ху-

дожник Сергей Малютин их расписал. Первая матрешка изображала деревенскую девушку в платке, сарафане, фартуке и с петухом в руках.

Возможно, эта история послужила формированию кривотолков, что русский человек с недоверием относится к собственным национальным символам уже потому, что символы эти не исконно русские, а заимствованные.

Ирина Петровна Чертович, заведующая «Музеем матрешки»:

Потаенный смысл

— В России тоже были вкладные игрушки. Например, деревянные пасхальные яйца. Раскрываешь яичко, а там — еще одно. Их писали с жанровыми сценками и с ликом Богородицы. Возможно, привезенная из Японии игрушка подтолкнула к созданию матрешки, но сам ее сложившийся образ — исключительно наш.

Матрешка вобрала в себя всю гамму типичных для национального миропонимания примет. Во первых, это образ матери, с которым связаны символы плодородия, изобилия, многодетности, бесконечности жизни и ее повторяемости. И непрерывного ожидания чуда, ведь матрешка — это всегда сюрприз, и никогда заранее не знаешь, какая куколка следующая. Знаково и количество вкладок. Традиционно их семь: «семь-Я» — семья.

Автор и промысел

— Интерес к матрешке появился после Парижской выставки 1900 года. Несмотря на то, что ее появление произошло незадолго до этого, в России матрешку не особо ценили, видели в ней только деревянную дешевую игрушку, промысловое изобретение, а не авторское творение.

Долгое время изготовление матрешки было исключительно промысловым занятием. Сергиев Посад, Семеново, Полхов-Майдан, Вятка — матрешка этих мест имеет определенный сложившийся образ, черты, характеристики, присущие только этому месту. У большинства в сознании отпечаталась Семеновская матрешка с ярким букетом цветов (причем бутонов в букете всегда четное количество), в желтом платке,

Матрешки «Коробейник»

в красном сарафане: этих матрешек было больше всего в России и за рубежом. В Посадской матрешке, в отличие от Семеновской, полный костюм: рубаха, сарафан, передник. Эта матрешка — работница, она, как правило, в руках что-то держит: курицу, гуся, петуха, узелок, поросенка, кошку, ребенка, миску, корзинку. У Вятской матрешки, вместо цветов, — орнамент из ржаной соломки.

Сегодня наблюдается бум авторской матрешки. В доперестроечное время частный труд не приветствовался, а на фабрике, на потоке, ничего интересного сделать было нельзя. В 1990-е с «развалом» многих заводов, в том числе и тех, где производилась матрешка, люди занялись росписью и вытачиванием матрешки на дому. В это же время иностранные туристы стали активно приезжать в Россию, и каждому хотелось увезти сувенир. Возможно, поэтому большинство коллекций сосредоточены на Западе.

Когда матрешка стала востребованной, только ленивый ее не писал: кто умеет и кто не умеет, потому что можно было продать. Сейчас же матрешек плохого качества почти нет.

В последние несколько лет стали появляться новые места изготовления матрешки: Тверь, Новокузнецк, Томск, Алтай. Это еще не промышленные районы, просто центры. Останется ли эта матрешка в веках? — Посмотрим.

ЖИВОЙ КУЗНЕЦКИЙ НАРОДЕЦ

Произведение художника тогда становится произведением искусства, когда его предметом является изучение человека.

Людмила Ивановна Бендас, директор товарищества мастеров народных промыслов «Творчество» г. Новокузнецка:

— Идея обратиться к народным промыслам произошла из обидной для меня детали: я приобрела книжечку 1989 года издания «Народные художественные промыслы», к которой прилагалась карта размещения центров народных промыслов. И если «точечек» в европейской части России

было масса, то на колоссальную территорию Зауралья приходилось ровно четыре: колыванская камнерезная, тобольские косторезы, тюменское ковроткачество и томская береста. Существовала еще Шушенская сувенирная фабрика резьбы и росписи по дереву, но своей школы у них не сложилось, хотя элементы урало-сибирской росписи они использовали. Также в Кемерово была фабрика росписи по металлу. Они начинали с жостовских традиций, но в течение 20 лет выработали свои приемы росписи. С началом перестройки производство на этих фабриках распалось.

Мы, русские, не привыкли ценить свое, потому что живем с ощущением, что это никуда не уйдет. Был период, 1990-е годы, когда все в государстве приходило в упадок, а люди поражались, что народное творчество живет, что его никакие государственные перемены не затронули. Это давало надежду, что мы не умрем. Тогда биржи труда ухватились за нашу идею обучать ремеслу, рукоделию, рисованию. Далеко не все стали мастерами, но это вылечило людей от отчаяния, депрессии. Шесть, восемь, десять месяцев обучающих курсов — и мы ставили людей на другую точку опоры.

Я — искусствовед по образованию, закончила Петербургскую академию художеств, факультет теории и истории изобразительного искусства. 15 лет проработала в Художественном музее, 9 лет преподавала эстетику и мировую художественную культуру, а в 1992 году решила заняться промыслами.

Корней матрешечных в Новокузнецке нет. В 1993 году мы пробовали написать Кузнецкую матрешку, решив отойти от образа статичной деревянной куклы, какой мы видим традиционную Семеновскую, Загорскую, Полхов-Майданскую матрешку. Такая матрешка всегда изображалась фронтально. Мы же задумали создать живое существо. Так появился наклон головы, «не общее» выражение лица, эмоция, руки получили движение.

Мargarита Даутова, инженер-металлург, проработала много лет на заводе, но в душе оказалась художником. Надо сказать спасибо перестро-

ечным временам, которые «загнали» ее на биржу труда, откуда она пришла учиться к нам. Тогда никакой Кузнецкой матрешки еще не было. Работала у нас девочка-архитектор, которая долгое время жила в каком-то сувенирном краю и там научилась рисовать. Она рисовала авторскую матрешку, и та матрешка никогда бы не стала Кузнецкой, а благодаря фантазии, огромному внутреннему миру, игровому началу в характере Маргариты родилась матрешка с уникальным лицом, которая сейчас и называется Кузнецкой.

На сувенирах и на промыслах в нашем регионе не проживешь. В европейской части России есть покупатель — иностранные туристы, в Сибирь туристы неохотно едут. В Новосибирске сейчас появились десятки художественных салонов, а в Шушенском художественного салона нет, в Кемерове их два, в Новокузнецке долгое время мы были единственным предприятием со своим художественным салончиком, сейчас их — два с половиной.

Оказалась замечательная цепь событий: кто-то из наших новокузнецчан поехал во Францию к друзьям и повез в подарок нашу матрешку. Как-то я вела экскурсию школьникам, и вдруг — телефонный звонок, меня вызывают, я прерываю экскурсию, потому что из Франции, и звонят во второй раз. Женщина, что звонила, Галина, русский журналист, шесть лет назад уехала из России. Она хорошо знала матрешку европейской части России, а с сибирской знакома не была. Как-то она увидела Кузнецкую матрешку у своих знакомых и заинтересовалась. На своем сайте русской матрешки она разместила и нашу, сибирскую, но ей не доставало материала и она решила разыскать нас. Мы ей отправили фотографии Кузнецких матрешек, она подобрала коллекцию и к Рождеству устроила во Франции выставку. Сейчас Галина ведет переговоры по организации выставки Кузнецкой матрешки в Париже.

В Сибири нет липовых лесов, но у нас есть опыт изготовления матрешечных форм из березы. Как-то до нас дошли слухи, что в Новосибирской области, в лесхозе, есть человек, который точит матрешечные

«болванки» из березы. Мы поехали. Но береза — тяжелое дерево, и, кроме этого, из пяти штук, что он вытачивал, три лопались. Это выходило долго и дорого: о массовом производстве нечего было и думать. Сейчас мы закупаем формы в Вознесенском (село в Нижегородской губернии). Отсутствие собственного точильного производства ставит нас в зависимость от заготовок, которые мы приобретаем у поставщиков, но благодаря этому у нас нет стандартов и ограничений по ее форме. В основном, делаем матрешек от трех до десяти вложений. На заказ делали 15-местную, 28-местную матрешку. За прошедший год было сделано 1370 изделий. Сюда включаются и пятиместные матрешки, и десятиместные, так что, это число можно, как минимум, утроить.

Местные депутаты нас поддерживают: у нас есть налоговые льготы и льготы по аренде помещений (около 300 квадратных метров). 26 человек трудится в штате и около 30 человек — мастера, работающие на дому, которым мы помогаем реализовать их продукцию, показываем их произведения на выставках. Через месяц (или раньше, или позже) нас должны выселить: помещения, нами арендуемые, принадлежат муниципалитету, а согласно постановлению правительства муниципалитет не имеет права сдавать помещения.

В январе этого года мы объявили конкурс авторской матрешки — конкурс новых идей. Пригласили профессиональных художников, которые матрешку никогда не рисовали и к прикладному искусству никакого отношения не имели, дали им формы, а итоги подведем 20–21 февраля нынешнего года.

Есть мнение, что произведение художника тогда становится произведением искусства, когда его предметом является изучение человека. Я тешу себя мыслью, что наша матрешка вышла за рамки сувенира и стала предметом художественного творчества, ведь она не просто изображает разные человеческие эмоции, но и обращает взор смотрящего на себя. И все это — через игру и с улыбкой.

Записала Надежда Болгова.

Ией, да дело разумеи

Игорь Опарин

К горячительным жидкостям люди пристрастились еще с незапамятных времен. Древние греки и римляне уважали виноградные вина, в более холодных краях практиковали пиво и яблочный сидр. От изготовления этих напитков не требовалось знания и соблюдения каких-то особых технологий — все получалось благодаря естественному брожению.

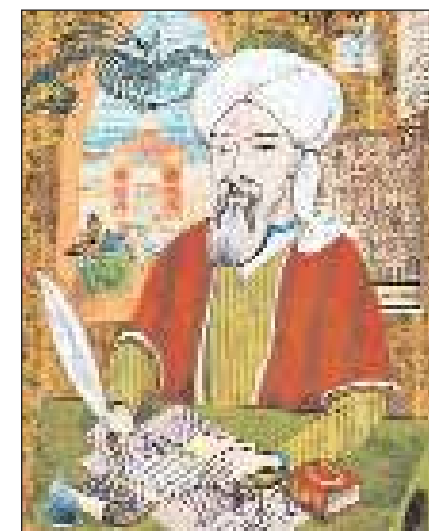
НЕИЗВЕСТНОЕ ОБ ИЗВЕСТНОМ

Так продолжалось довольно долго, пока в питейном деле не произошло то, что можно назвать настоящей революцией — открытие перегонки. Совершил это революционное открытие знаменитый Авиценна около 1000 года. Отметим, что жил он на Арабском Востоке, где потреблять алкоголь было строго запрещено. Кстати, само слово «алкоголь» произошло от арабского слова «аль-коль» — так называлась металлическая пудра, которую восточные чаровницы накладывали для пущей красоты и знойности себе на веки. Она была очень чистая, и потому постепенно слово «аль-коль» приобрело второе значение — чистое вещество.

Авиценна придумал перегонный куб, при помощи которого пытался получить эликсир жизни, «пятую сущность», чистое вещество аль-коль, на латыни — квинтэссенцию.

В Европе первый перегонный аппарат был сконструирован алхимиками в итальянском городе Салерно примерно в 1100 году. Итальянцы нагревали вино, спирт выходил в виде пара, который собирали в другом сосуде. Там он охлаждался, и получалась жидкость с весьма своеобразными свойствами. Эти опыты стали повторять и в других европейских странах. Как и их арабские коллеги, европейские ученые не думали о том, что полученное ими вещество может изменить ход истории — ими двигало прежде всего желание «дойти до самой сути», открыть суть вещей, их дух. Именно поэтому каталонский ученый Арно де Виланова, живший на рубеже XIII-XIV веков и экспериментировавший с перегонным аппаратом, именовал это вещество «дух», spiritus, спирт. Так эта прозрачная субстанция, играющая столь важную роль в истории человечества, получила свое название.

В середине XIV века на Европу обрушилась Великая чума. Смерть не обошла стороной ни один дом, не пощадила практически ни одно семейство, косила без разбора и бедных, и богатых. Чего только ни пытались придумать тогдашние эскулапы, чтобы хоть как-то противостоять «черной смерти»! И однажды какому-то доктору в голову пришла мысль — а почему бы не попробовать прописать спирт для приема внутрь? Еще не заболевшим — хотя бы для профилактики, а уже больным — обязательно, вдруг поможет! Довольно быстро врачи поняли, что, к сожалению, спирт в борьбе с чумой абсолютно бесполезен, однако было замечено, что он резко улучшает настроение, снимает ощущение страха и безысходности. Заметив эти уникальные свойства спирта, особо предприимчивые граждане принялись осваивать производство спиртных напитков — джина, ликеров, коньяка. А пионерами в этом движении стали благочестивые и ученые монахи — не случайно мы до сих пор с уважением относимся к шартрезам, бенедиктинам и другим не менее замечательным напиткам, названным по именам католических орденов и монастырей.

Авиценна придумал перегонный куб, при помощи которого пытался получить эликсир жизни, «пятую сущность», чистое вещество аль-коль, на латыни — квинтэссенцию.

Довольно долгое время основанные на спирту напитки продавались в аптеках и не воспринимались как нечто, что можно потреблять наравне с вином и пивом. Но постепенно спирт и его производные завоевывали популярность среди широких слоев населения, причем настолько, что уже в XV веке начались кампании по борьбе с алкоголем и появились первые запреты на производство спиртного. Однако остановить этот «девятый вал» было уже невозможно...

В России спиртные напитки (спирт, разведенный водой) появились в 1386 году — купцы-генуэзцы, попавшие по своим купеческим делам в Москву, в благодарность за теплый прием поднесли московскому князю Дмитрию, совсем недавно одержавшему победу над татарами в Куликовской битве, в дар несколько бутылок из своих запасов. Но тогда на

Руси пили мед и пиво, а потому за морский подарок по достоинству оценен не был.

Спустя 45 лет, в 1429 году, вода жизни, аква-вита, как ее называли в те времена в Европе, снова появилась в Москве — иноземцы, оказавшиеся в стольном граде, всячески рекомендовали ее в качестве лекарства. На сей раз чужеземный напиток при московском дворе оценили, только вот развели водой — уж очень крепким он показался москвичам.

Наши предки легко освоили производство водки и использовали они сырье, которого на Руси было в избытке — зерно. Делом

этим, как и в Европе, тут же стали заниматься сообразительные монахи. Они и производили ее, и с удовольствием потребляли, и с выгодой продавали. Волшебная жидкость быстро прижилась в России и получила нежное название «водка» — ласкательное от слова «вода». Но так произошло не сразу — поначалу ее именовали «вареным вином», указывая на особенности изготовления, или «горючим вином» — тем, что горит, отсюда и пошла «горячительные напитки».

В те времена водкой называли лишь крепкие алкогольные напитки, которые обладали особым вкусом и ароматом. А получали ее так: простой хлебный спирт настаивали на травах, ягодах и пряностях, затем этот настой снова перегоняли, а потом разводили чистой родниковой водой. Называли водку в честь ароматизатора — анисовой, тминной, ягодной...

В середине XV века в России уже полностью освоили производство водки, гоня спирт из нашего родимого ржаного сырья, а уже в начале 16 века русское «горячее вино» повезли в Европу. Это был первый этап водочного экспорта.

Водка становится одним из любимых напитков россиян. Поняв, какие прибыли сулит винокурение, умный и умевший стратегически мыслить князь Московский и «государь Всея Руси» Иван III тут же ввел государ-

ственную монополию, причем не только на производство «хлебного вина», но и на мед и пиво, ранее никогда не облагавшиеся налогами!

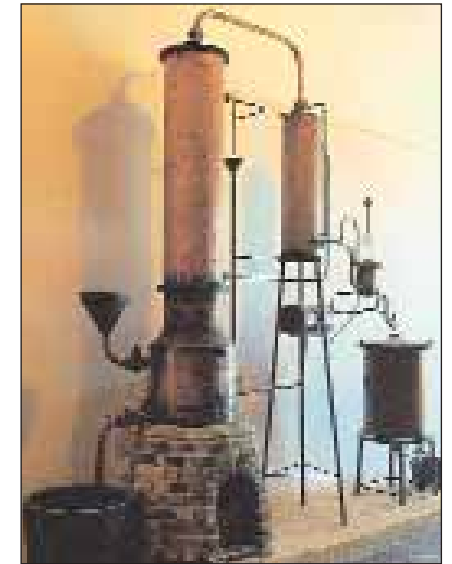
С 1474 года водочное производство и продажа горячительных напитков стали полной прерогативой государства. По всей стране было велено прекратить частную торговлю спиртным в корчмах и шинках, сосредоточив это «веселое дело» в царских кружечных и кабаках, где властвовали кабацкие головы, люди уважаемые, избираемые общиной и держащие отчет перед наместниками царя и государственными сырьевыми ведомствами-приказами. Кабацкие головы обязаны были сдавать годовые отчеты о своих прибылях, а в остальном обладали определенной свободой, выступая, как сказали бы мы сейчас, государственными менеджерами. Эта система продержалась до середины 17 века, когда Россию потрясли «кабацкие» бунты, вызванные злоупотреблениями кабацких голов, хищениями сырья, падением качества водки и возмущением множества людей, задолжавших безжалостным головам и попавших в долговую яму, в рабство к своим кредиторам. И тогда царь Алексей Михайлович, твердой рукой обуздав бунтовщиков, созвал Земский собор, получивший в народе название «Собор о кабаках», поскольку именно вопрос о питейных заведениях стал главным на заседаниях Собора. Итог был таков: систему откупов, благодаря которой кабацкие головы получали огромную власть над своими территориями, отменили, а также запретили продажу водки в кредит (этот порядок продаж способствовал закабалению несчастных поклонников горячительного напитка), уничтожили частные и потайные кабаки, церковь призвали интенсивнее проповедовать трезвость и так далее. К сожалению, довольно скоро все вернулось на круги своя, поскольку государство, получавшее огромные прибыли от производства и продажи водки, было совсем не заинтересовано в наведении какого-либо порядка и ограничений в этой области, власти волновало лишь получение сверхдоходов...

8 июня 1751 года Елизавета Первая издала указ «Кому дозволено иметь при себе кубы для двоения водок». Кстати, именно в этом важнейшем законодательном документе официально было употреблено слово «водка».

А в 1765 году другая императрица, Екатерина Вторая, выпустила другой указ, касающийся заветных кубов, по которому привилегия винокурения даровалась дворянскому сословию, при этом полностью отменялось какое-либо налогообложение. А вот масштабы производства определяли Табелью о рангах — высокотитулованные дворяне имели право производить водки больше, чем простые мелкопоместные, что, в общем-то, согласовывалось с возможностями и нуждами самих производителей. Все остальные сословия должны были покупать водку и водочные изделия, произведенные только на казенных заводах. Купечество, весьма не довольное таким порядком вещей, как могло обходило закон — устраивали винокурни на паях с дворянами или просто использовали подставных

Дистиллировочная
комната.
XVI век.

Перегонный
аппарат

лиц. Однако закон всячески боролся с подобными правонарушениями и строго карал оступившихся в погоне за водочными доходами.

Напитки, производимые в дворянских усадьбах, отличались отменным качеством — сырьё не жалели, да и времени на перегонку тоже, для чистоты продукции перегоняли по нескольку раз. В качестве ароматизаторов использовались самые разные ягоды, фрукты, корешки — все, что приходило в голову творчески мыслящим винокурам. У некоторых особых любителей в усадебных кладовых хранились напитки, названия которых начинались на все буквы алфавита — от анисовой водки до яблочной. Тут были и грушевая, и ежевичная, и укропная, и тминная.... Дворянское винокурение достигает высочайшего уровня, вот только знали об этом лишь хозяева производства да их гости — все выпивалось, и с большим энтузиазмом, в самих имениях.

Водки, производившиеся во владениях Шереметьевых, Куракиных, Юсуповых и других именитых подданных государыни, были столь высокого качества, что превосходили даже высшие сорта зарубежных спиртных напитков, а потому царица с удовольствием одаривала самым популярным русским напитком своих зарубежных друзей, среди которых были такие уважаемые люди, как Вольтер, Гете и Карл Линней. Последний так впечатлился, что даже написал трактат «Водка в руках философа, врача и простолюдина. Сочинение прелюбопытное и для всякого интересное», на страницах сего труда ученый-натуралист вдохновенно обосновывал полезность русского продукта.

Ломоносов также понимал ценность водки, но покупать ее ему не надо было — он сам наладил в своей лаборатории ее производство. Кому, как не ему, выдающемуся химику, знать, как обеспечить чистоту и лучшие вкусовые качества водочки!

В XIX веке русская водка вместе с русскими солдатами, победившими Наполеона, попала в Европу и была по достоинству встречена европейскими любителями спиртного. Постепенно и правительство России осознавало ее ценность и прибирало к рукам водочное производство и продажу. В 1885 году ввели бутылочный разлив — ранее водка продавалась ведрами, по 12,3 литра!

Свою лепту внес в водочное дело великий русский химик, открыватель Таблицы химических элементов Дмитрий Иванович Менделеев. С его именем связано появление знаменитой марки «Московская особая». Менделеев доказал, что идеальная водка получается при смешивании весовых количеств воды и спирта в соотношении 60 и 40. Этому важнейшему вопросу была посвящена его докторская диссертация, которая так и называлась — «Рассуждения о соединении спирта с водой». В 1894-1896 годах был установлен государственный эталон на водку и введена государственная водочная монополия.

Популярность водки среди населения породила большую беду — алкоголизм. Государство, как могло, боролось с набравшим силу пьянством, пыталось ограничивать время продажи водочных изделий — например, во многих губерниях водку не продавали позже 8 часов вечера (Это ограничение не затрагивало столичные Петербург и Москву, тут можно было приобрести желанную бутылочку, когда приспичит, когда душа попросит).

В советское время пьянство стало огромной социальной проблемой. Врачи кричали о все более часто встречающихся случаях детского и женского алкоголизма, о том, что от родителей-алкоголиков рождаются неполноценные, больные дети. Все это привело к тому, что 8 мая 1985 года, в самом начале перестройки, появился памятный, печально известный документ «О мерах по усилению мер борьбы против пьянства и алкоголизма». После принятия этого документа ситуация с пьянством и алкоголизмом не очень изменилась, зато был нанесен серьезнейший удар по всей ликеро-водочной промышленности. Все помнят, как безжалостно вырубались ни в чем не повинные виноградники, закрывались заводы, а люди при этом травились подпольной водкой... Слава Богу, через пять лет эти глупейшие распоряжения были отменены.

Жизнь в стране менялась невероятными темпами, и вот уже первый президент России Б. Ельцин, ратующий за свободу во всех ее видах, издает указ об отмене государственной монополии на водку. В результате, в магазинах — больших и маленьких — появляется огромное количество некачественной, а порою и просто поддельной, «паленой», и часто опасной для здоровья граждан продукции. Спохватившись, власти через год снова вводят государственную монополию на водку — 11 июня 1993 года общество узнало о новом президентском указе «О восстановлении государственной монополии на производство, хранение, оптовую и розничную продажу алкогольной продукции».

Водка давно стала частью нашей жизни — в русском доме с ней встречают праздник и ищут утешения в горе, она обогревает и лечит, помогает расслабиться и снять стресс. Но надо помнить, что водка полезна лишь в небольших количествах. К сожалению, очень многих допустимые дозы не устраивают, и тогда приходит беда. Убегая от трудной, порой непереносимой действительности, человек уплывает в мутные водочные воды и теряет себя, своих близких, свою жизнь. Статистика говорит, что средний россиянин мужского пола выпивает в год 31 литр чистого спирта. Это очень много! И с этим, конечно же, надо бороться. Но запретительными мерами тут не обойтись — надо думать над социальными причинами алкоголизма и пытаться их устранять.

Жизнь в нашей стране меняется довольно быстро, меняется и роль водки. Теперь слесарь Вася предпочитает получить за свою работу деньги, а не пресловутую бутылочку. Меняется постепенно и набор напитков, потребляемых «дорогими россиянами». Открылись границы, и мы узнали, что такое настоящий французский коньяк, английское бренди, шотландское виски. Однако что бы с нашим народом ни происходило, авторитет этого до боли знакомого напитка никогда не упадет, и бутылочка фирменной водочки никогда не исчезнет с праздничного стола русского человека. А жаль.

Менделеев доказал, что идеальная водка получается при смешивании весовых количеств воды и спирта в соотношении 60 и 40. Этому вопросу была посвящена его докторская диссертация, которая так и называлась — «Рассуждения о соединении спирта с водой».

Человечеству не так уж много лет, но оно успело обрасти множеством тайн и загадок. Одна из самых больших — Атлантида, материк или остров, исчезнувший под водой за десять тысяч лет до рождения Христа.

Первые упоминания о таинственном континенте под названием Атлантида встречаются у Платона. У него Атлантида — обширное царство, основанное богом морей Посейдоном на огромном острове размером с «Ливию и Азию, вместе взятых».

Много лет цари Атлантиды правили просторами Атлантического океана и частями того, что Платон называет «противоположным континентом», а мы — Северной и Южной Америками.

Но последний царь совершил роковую ошибку, решив распространить свою власть и на Средиземноморье. В восточной части моря атланты столкнулись с воинственными греками и потерпели поражение в ожесточенной морской битве.

Одним поражением беды гордых завоевателей, увы, не закончились. Платон пишет, что верховный греческий бог Зевс наслал на Атлантиду землетрясение и наводнение, в результате которых остров всего лишь за «ужасные день и ночь» погрузился на дно моря. Произошло это в 8570 или 9421 году до н.э.

После Платона о таинственном острове было написано более двух тысяч книг, но никакой ясности в вопросе о том, где же она все-таки находилась, до сих пор нет.

Ненастной декабрьской ночью 1963 года на одной из чикагских улиц произошла авария. Жертвой пьяного водителя стал профессор Чарльз Хэггуд. За несколько недель до своей смерти профессор сообщил Рэнду Флематху, молодому библиотекарю из Канады, что нашел доказательства существования на нашей планете примерно сто тысяч лет высоко развитой цивилизации.

Захар Радов

Потерянное прошлое... Гипотеза или факт?

Сначала многие решили, что профессор просто прибавил, по ошибке, лишний ноль, но в других письмах, написанных им в последние годы жизни, никаких следов слабоумия замечено не было. Мало того, в 1963 году Хэпгуд даже ухитрился добиться встречи с президентом Джоном Кеннеди, на которой хотел попросить отправить экспедицию на поиски Атлантиды. Однако за несколько дней до аудиенции президент был убит.

История поисков Атлантиды Чарльзом Хэпгудом началась значительно раньше. Внимательно изучая геологические данные, он сделал интересное открытие. Хэпгуд обнаружил, что около десяти тысяч лет до н.э. земная кора сдвинулась примерно на пять тысяч километров к югу. На месте Северного полюса до этого перемещения, к примеру, находился Гудзонов залив. Причиной столь крупного перемещения явилась какая-то глобальная катастрофа, возможно, столкновение с гигантским астероидом. Земная поверхность вполне могла сдвинуться на столь огромное расстояние. Ее толщина не превышает и шестидесяти километров, и она как бы «плавает» в море расплавленной лавы. Неудивительно, что Хэпгуд сравнивал нашу планету с апельсином, кожура которого практически не прикреплена к сердцевине.

Конечно, большинство ученых отнеслось к теории смещения земной коры скептически. А вот Альберт Эйнштейн, которому Хэпгуд послал ее на рецензию, принял ее с большим энтузиазмом.

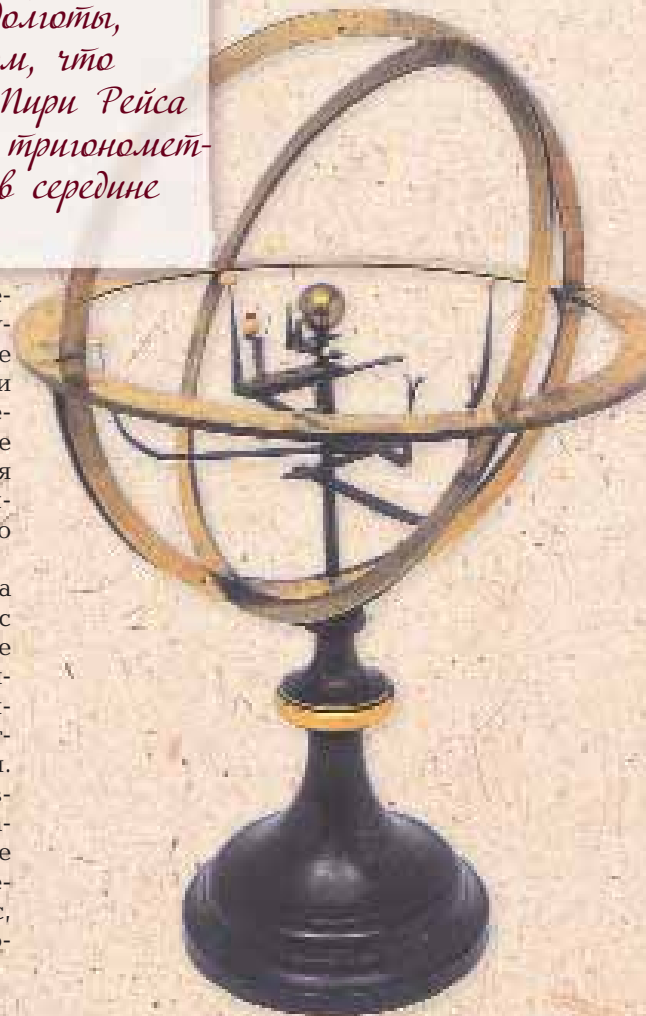
Второе крупное открытие Чарльз Хэпгуд совершил в 1956 году, когда узнал об удивительной карте турецкого пирата и адмирала Пири Рейса. В 1929 году во вре-

мя инвентаризации многочисленных предметов в стамбульском дворце Топкали был найден фрагмент старинной карты. Анализы и исследования показали, что карта, нанесенная на кусок кожи газели размером 86x64 см, является подлинной и составлена в 1513 году Пири ибн Хаджи Махмедом, знаменитым турецким адмиралом шестнадцатого века, более известным под именем Пири Рейс («рейс» по-турецки означает «господин»).

Высочайшая точность координат, особенно в отношении долготы, свидетельствует и о том, что при составлении карты Пири Рейса применялась сферическая тригонометрия, появившаяся лишь в середине XVII века.

На полях карты рукой Пири сделаны пометки, из которых следует, что он явился в данном случае компилятором и при составлении своей карты пользовался двумя десятками старинных карт, самые поздние из которых датируются временем Александра Македонского, то есть четвертым веком до нашей эры.

Карта Пири Рейса произвела сенсацию в ученом мире. Турок с удивительной точностью нанес не только западное побережье Африки и восточное — Южной Америки, тогда практически не известные, но и север... Антарктиды. Однако самым удивительным является даже не то, что он изобразил Антарктиду за триста лет до ее открытия, а то, что на карте нанесен берег, находящийся и сейчас, и пять столетий назад, под полутора километровой толщей льда!

Сначала ученые думали, что самый южный континент покрыт льдом не меньше миллиона лет, но позже «зимний сезон» сократили. Согласно общепринятой теории, Антарктида и изображенная Пири Рейсом Земля Королевы Мод скрылась под ледяным панцирем не позднее шести тысяч лет назад, а скорее всего девять-двенадцать тысяч лет. Путем несложных арифметических расчетов нетрудно установить, что первоисточником карты турецкого адмирала является карта, составленная не позже 4000 года до н.э.

В это трудно поверить, потому что первая цивилизация возникла в Месопотамии лишь за три тысячи лет до Рождества Христова, а цивилизации Китая и Индии примерно на тысячу лет моложе. Конечно, в первую очередь напрашивается вывод, что карта не настолько точна, чтобы придавать ей столь большое значение. Для того, чтобы проверить эту гипотезу, в 1960 году Хэпгуд отправил ее в картографический отдел ВВС США. Военные картографы пришли к выводу, что в нижней части карты с поразительной точностью нанесено побережье Земли Королевы Мод.

Сказать, что этого не может быть, потому что не может быть никогда, легче всего. Чарльз Хэпгуд попытался найти более разумное объяснение. В средние века по всей Европе «гуляли» мореходные карты, которые называли «portolani» (от слова «порт»). Это были довольно точные карты, показывающие береговую линию, гавани, проливы, бухты и содержащие много другой полезной для моряков информации. На большинстве из них были нанесены самые распространенные в те времена маршруты, пролегающие по Средиземному, Эгейскому и Черно-

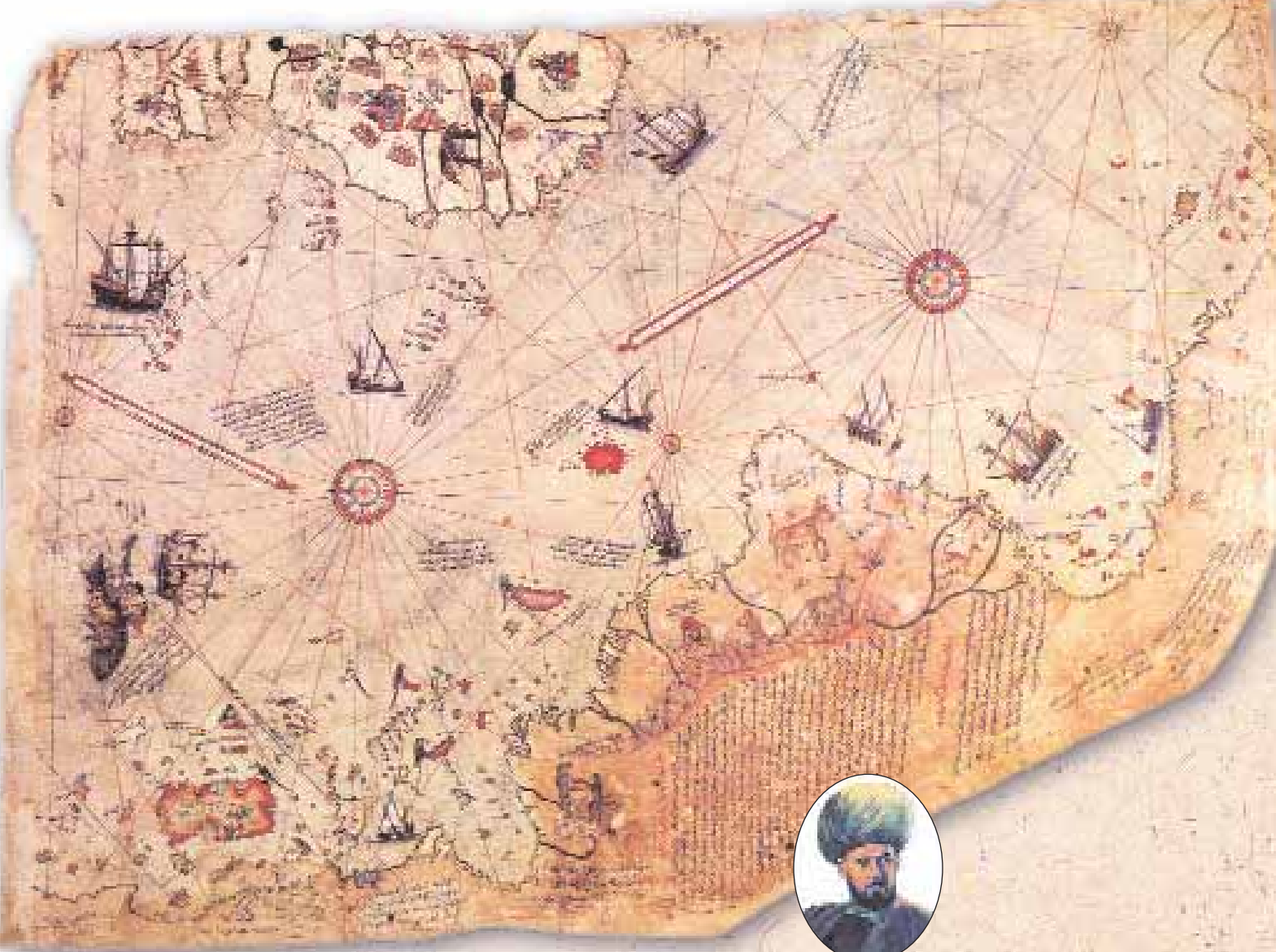
му морям. Однако существовали и карты, изображавшие тогда еще не известные земли. Их было намного меньше, и находились они у ограниченного круга мореплавателей, которые их берегли, как зеницу ока, и тщательно прятали от посторонних глаз. По мнению историков, одной из таких карт, на которую была нанесена Америка, пользовался во время своего знаменитого плавания Христофор Колумб.

Неизвестные картографы, жившие много тысяч лет назад, скорее всего передали свои карты минойцам и финикийцам, больше тысячелетия считавшимися лучшими мореплавателями древнего мира. Разными путями множество старинных карт на рубеже эр попали в самую крупную библиотеку античности — Александрийскую, а после пожара в ней разошлись по всему свету.

Можно предположить, что карты, с которыми работал Пири Рейс, попали в Константинополь именно из Александрии. А после захвата столицы Византийской империи крестоносцами в 1204 году эти карты очутились у венецианцев и попали в другие европейские страны.

Наибольшее впечатление на современных ученых произвела потрясающая точность портолановых карт. Когда карту Пири Рейса отправили в Гидрографическое бюро флота Соединенных Штатов, М. Уолтерс, главный инженер Бюро, попросил проверить ее Арлингтона Мэллери, одного из главных специалистов по древним картам, с которым ему уже неоднократно доводилось работать.

После долгих исследований Мэллери пришел к выводу, что при составлении карты Пири Рейс пользовался методом наложения. Мэллери перенес при помощи сет-

*Карта адмирала
Пири Рейса.*

ки карту турецкого адмирала на глобус. Карта Пири Рейса оказалась очень точной. настолько точной, что благодаря ей специалисты Гидрографического бюро даже исправили несколько ошибок в современных картах!

Подобной точности, по мнению Арлингтона Мэллери, можно достичь только благодаря аэрофото съемке. Но кто мог шесть тысяч лет назад летать на самолетах и снимать поверхность Земли с воздуха?

Высочайшая точность координат, особенно в отношении долготы, свидетельствует и о том, что при составлении карты Пири Рейса применялась сфероидная тригонометрия, появившаяся лишь в середине... XVIII века. Первый инструмент, очень приблизительно определявший долготу, был сделан в 1761 году англичанином Джоном Гаррисоном. До этого же при определении координат нередко допускались ошибки в сотни километров.

Точность и абсолютную правильность карты Пири Рейса подтвердила и шведско-британская полярная экспедиция 1949 года, которая сумела «заглянуть» под лед Антарктиды при помощи радаров и сейсмического оборудования.

Австралийские геологи во главе с Мартином Бродхэмом уверены, что именно здесь, на южном полюсе нашей планеты, под многометровой толщей льда, и располагалась когда-то Атлантида.

К этому удивительному выводу Бродхэм пришел после исследования влияния, которое оказывает всемирное потепление на антарктический шельф на Земле Королевы Мод. Ультрасовременные локаторы обнаружили четыре прямые линии на глубине трехсот шестидесяти метров подо льдом. Соединяясь под прямыми углами, они образовывали безупречный квадрат древнего города.

Раскинувшийся на громадной площади почти в сто квадратных километров древний мегаполис окружен стенами толщиной в пять с половиной метров и крепостными башнями высотой с шестизэтажный дом. Многочисленные здания с куполами и башенками, величественные общественные постройки, широкие улицы и проспекты позволяют предположить, что много лет назад здесь находился центр процветающего государства.

То, что когда-то в Антарктиде жили люди, не новость. Сейчас ни для кого не секрет, что миллионы лет назад на пустынном континенте площадью в четырнадцать с лишним миллионов квадратных километров кипела жизнь. То, что климат Антарктиды был другим, говорят и найденные во льдах окаменелые останки доисторических оленей и других животных.

По одной из теорий, около пятидесяти тысяч жителей Полинезии и Гавайских островов много лет назад переправились из Юго-Восточной Азии в Антарктиду и основали здесь ту самую Атлантиду (теперь, кстати, понятно, почему так похожи названия)...

Карта Пири Рейса является самой известной, но далеко не единственной удивительной картой Средневековья. К примеру, на карте Дульчерта, датированной 1339 годом, широта Европы и Северной Африки указана с точностью до секунд, а ошибка в долготе Средиземного и Черного морей составляет всего полградуса.

На карте соотечественника Пири Рейса, турка Хаджи Ахмеда (1559 г.), между Аляской и Сибирью пролегал полоска суши длиной в полторы тысячи километров. Этот природный мост, соединявший Азию и Америку, скрылся под водой в конце ледникового периода, когда в морях и океанах в результате таяния льдов резко поднялся уровень воды. Знаменитый средневековый картограф Оронций Финней составил в 1532 году карту, на которой тоже была изображена Антарктида безо льда. Он даже нанес на нее несуществующие уже много тысяч лет реки и горы.

Только совсем недавно французская полярная экспедиция подтвердила, что Гренландия является не одним, а двумя островами, соединенными толстым слоем льда. Откуда об этом знали древние картографы, остается только догадываться.

Эти удивительные карты, судя по всему, являются фрагментами одной карты всего древнего мира, которую составили в незапамятные времена не известные нам картографы, обладавшие удивительно точными приборами и по-

разительными знаниями. И это в то самое время, когда человечество, согласно традиционной истории, жило в пещерах.

Свидетельств, подобных древним картам, так много, что волей-неволей приходит мысль, а не существовала ли в глубокой древности давно забытая высокоразвитая цивилизация? Скажем, та же Атлантида...

Решение о том, что нулевой меридиан должен проходить через Гринвич, приняла в 1884 году группа видных ученых. Однако Чарльз Смит, один из членов комитета, доказывал, что он должен проходить через... пирамиды в Гизе.

После внимательного изучения карты полушарий Рэнд Флематх, канадец, переписывавшийся с Чарльзом Хэпгудом, пришел к выводу, что Смит был прав. Меридиан, проведенный через пирамиды, покрывает больше поверхности Земли, чем любая другая линия на глобусе. Неудивительно, что древние египтяне считали свои пирамиды центром Земли.

Бывший библиотекарь решил выяснить, как выглядела бы карта Земли, если бы нулевой меридиан проходил через пирамиды. Наложение принесло ошеломляющие результаты: координаты священных мест разных народов, ранее представлявшие собой хаотическую картину, приобретали строгий геометрический порядок.

Долгота болливийского Тиахуанако сейчас $69^{\circ} 53'$, а при нулевом меридиане, проходящем через Гизу, она равнялась бы 100. Схожая картина наблюдается и с другими священными местами: Лхаса — $91^{\circ} 7'$ по Гринвичу и ровно 60 по Гизе; Тула в Мексике — $121^{\circ} 7'$ по Гринвичу и 130° по Гизе, Кентербери в Великобритании — $1^{\circ} 6'$ по Гринвичу и 30° по Гизе.

Скептики возражают, что древние не измеряли широту и долготу так, как это делают сейчас. Круг на 360 градусов разбили шумеры примерно за пять тысяч лет до н.э. Шумерам мы обязаны и часом с шестьюдесятью минутами, и минутой с шестьюдесятью секундами.

Флематх считает, что шумеры не изобрели секунды, минуты и градусы, а получили их «в наследство» от более древней цивилизации — Атлантиды. Древние географы расположили около шестидесяти священных мест на кратной десяти градусам долготе. Если их нанести на карту, то они составят такой же строгий геометрический рисунок, как улицы Нью-Йорка.

Среди священных мест, ориентированных по Северному полюсу, и знаменитая часовня в Рослине, построенная в 1447 году недалеко от Эдинбурга и украшенная кукурузными початками и алоэ, растениями, которые тогда росли только в Америке. Ее возвели масоны, потомки рыцарей Храма, рыцарского ордена, основанного вскоре после первого крестового похода в 1100 году и разгромленного французским королем Филиппом Красивым в 1307 году.

Первая штаб-квартира тамплиеров располагалась в подвалах развалин храма Соломона в Иерусалиме. Орден основали девять рыцарей, которые что-то явно искали в Иерусалиме. Скорее всего это были секретные документы, проливающие свет на происхождение христианства и спрятанные в 66 году н.э. религиозной сектой эссеев.

В ночь накануне массовых арестов тамплиеров из Ла Рошели вышли восемнадцать кораблей с несметными сокровищами и взяли курс... на Америку. О существовании Америки, еще за два столетия

до Колумба, рыцари знали из документов, найденных в храме Соломона. Храмовникам было известно о существовании древней цивилизации мореходов, плававших по всему свету и обладавших поразительными знаниями.

Доказательств существования в глубокой древности высокоразвитой цивилизации хоть отбавляй. В 1932 году Патрик Клейтон и Леонард Спенсер нашли в Ливийской пустыне кусочки зеленовато-желтого стекла. Ученые решили, что

Это говорило о том, что жители пустыни как минимум семь тысяч лет назад, возможно, знали секрет атомной энергии.

В пользу этой неправдоподобной теории говорило и то, что у лорда Реннела имелось ожерелье, сделанное древними египтянами из удивительно чистого золота, настолько высокой пробы, что его нельзя было получить при помощи обычного металлургического процесса. Похожее ожерелье, кстати, видел Чарльз Хэпгуд в Мексике. Неужели древние египтяне и древние мексиканцы владели этим секретом?

Об изобретателе Юле Брауне Флематх узнал от Шона Монтгомери. Браун утверждал, что не только получил температуру в шесть тысяч градусов, но и был уверен, что это же умели делать древние мексиканцы.

Илья Велбов, взявший псевдоним Юл Браун, родился в Болгарии и перед Второй мировой войной изучал геологию. В одном из романов Жюль Верна он наткнулся на место, в котором великий французский фантаст предсказывал, что в двадцатом веке у человечества исчезнут проблемы с энергией. Он полагал, что достигнуть энергетического изобилия можно при помощи простого расщепления воды на кислород и водород, в результате которого должно освобождаться очень много энергии.

На Велбова предсказание Верна оказало такое сильное воздействие, что он всю свою жизнь посвятил этой проблеме. По доносу жены, он попал в трудовой лагерь, но ему удалось бежать и при помощи американского офицера по имени Браун перебраться в Австралию. В знак благодарности Велбов взял фамилию Брауна, а имя позаимствовал у любимого актера Юла Бриннера.

Австралийские геологи во главе с Мартином Бродхэмом уверены, что именно здесь, на южном полюсе нашей планеты, под многометровой толщей льда, и располагалась когда-то Атлантида.

это тектиты, небольшие куски оплавленного стекла, имеющие космическое происхождение. Однако химические анализы показали, что они состоят из того же кремния, что и песок в пустыне. Это были не тектиты, а предметы искусства, полученные, скорее всего, при помощи нагревания песка до очень высокой температуры.

Особенно сильное впечатление эта находка произвела на президента Географического общества Великобритании лорда Реннела, который знал, что в тех же местах в свое время были найдены наскальные рисунки, сделанные неизвестным народом примерно в 5500 г. до н.э.

Джон Дольфин, физик из Британского атомного агентства, видел подобное стекло после испытаний атомной бомбы в австралийской пустыне. Температура в эпицентре достигала шести тысяч градусов!

В Австралии Юл Браун начал опыты по расщеплению воды на кислород и водород. Со временем ему удалось создать смесь кислорода и водорода, газ Брауна, который он сжигал через горелку, напоминающую сварочный аппарат.

Шон Монтгомери, присутствовавший при опытах, рассказывал, что, когда пламя от горения газа направлялось на брусок вольфрама, плавящегося при температуре три тысячи градусов, он вспыхивал, как бумага. За считанные секунды пламя проделывало в толстой кирпичной стене дыру, оно легко сваривало медь, железо, стекло и кирпич. Однако, когда Юл Браун направлял горелку на... свою руку, пламя даже не опалило кожу.

Болгарский изобретатель объяснил Монтгомери, что при горении газа Брауна энергия от взрыва распространяется внутрь, в результате чего в ограниченном пространстве создается вакуум.

Юл Браун даже изобрел машину, которая двигалась от энергии, вырабатываемой при сгорании его газа, и давала огромную экономию бензина. Газ Брауна вполне мог бы решить все проблемы с недостатком энергии на нашей планете. Одна калифорнийская компания предложила ему построить лабораторию, но когда он, страстный курильщик, узнал, что в лаборатории запрещено курить, то вспылал, все бросил и уехал. Двумя годами позже Браун умер в забвении, так никем и не признанный.

На вопрос Монтгомери, не могли ли древние народы знать о волшебных свойствах газа Брауна, изобретатель ответил, что ацтеки его несомненно знали. Он также объяснил, что его газ может делать тектиты типа тех, что были найдены в ливийской пустыне...

В боливийском Тиахуанако, постройки которого датируются 9000 годом до н.э., археологи наткнулись на другие свидетельства того, что древние люди обладали высокими технологиями. Каменные глыбы соединены очень прочными металлическими скобами, способными выдержать даже подземные толчки. Похожие скобы археологи нашли в Гизе и в других местах, разбросанных по земному шару.

Но самую удивительную, пожалуй, находку сделал британский археолог Генри Лаярд. Он обнаружил в развалинах древней Ниневии глиняную табличку с пятнадцатизнач-

В местечке Капелладес к северу от Барселоны археологи раскопали пятнадцать печей, сооруженных неандертальцами. Среди них оказались и печи с... форсированной тягой.

ным (!) числом. Ассирийцы записали на табличке число, равнявшееся почти двумстам триллионам, хотя, как известно, древние греки оперировали с числами, не превышающими десяти тысяч, а миллионы появились в ходу лишь в XIX веке.

Зная, что шумеры, предки жителей Ниневии, изобрели минуты и секунды, французский инженер Морис Шатлен предположил, что это громадное число может быть секундами. Но если оно являлось какой-то датой, то речь шла о событии, произошедшем более шести миллионов лет назад!

В правоте своей теории Шатлен убедился, когда понял, что число из Ниневии делится на время-обращения всех планет нашей солнечной системы вокруг солнца. Другими словами, шумеры, начав-

шие строить города немногим более шести тысяч лет назад, были знакомы с точной длиной орбит всех планет солнечной системы и могли проводить операции с огромным количеством нолей. С другой стороны, историки считают, что наука у шумеров находилась на примитивном уровне. Следовательно, столь глубокие знания по астрономии и математике они могли получить только от какой-то давно исчезнувшей цивилизации.

Морис Шатлен пошел дальше и разделил число из Ниневии на солнечные годы Земли. Погрешность составила число с шестью знаками после запятой. Но даже эта крошечная ошибка имеет логическое объяснение. Дело в том, что скорость вращения Земли очень медленно снижается. Несложные математические операции показывают, что число из Ниневии не содержало ошибки... То есть люди, жившие 64 тысячи лет назад, оперировали триллионами и знали орбиты всех планет.

Этот вывод противоречит общепринятой теории о том, что в те времена Землю населяли неандертальцы, вымершие пятьдесят тысяч лет назад. Более столетия ученые считали, что по своему развитию они лишь немного превосходили людей-обезьян, хотя факты, позволявшие усомниться в этой теории, имелись давно.

В местечке Капелладес к северу от Барселоны археологи раскопали пятнадцать печей, сооруженных неандертальцами. Среди них оказались и печи с... форсированной тягой. В пещере Драхенлох, что в Швейцарских Альпах, находится алтарь, посвященный медведю и сооруженный 75 тысяч лет назад. В каменном саркофаге лежали семь медвежьих черепов, еще шесть хра-

нились в нишах стен. В лунном календаре — тринадцать месяцев, так что, пещера вполне могла быть чем-то вроде неандертальской церкви, где поклонялись богине луны. Есть доказательства и того, что неандертальцы поклонялись звездам, известным сейчас как Плеяды или Семь сестер.

Иными словами, неандертальцы были астрономами и, похоже, не уступали нам в интеллекте. Кстати, по объему их мозг превышал мозг современного человека.

В девяностые годы прошлого столетия антрополог Стэн Гуч выдвинул теорию, согласно которой у неандертальцев была своя цивилизация. В качестве одного из доказательств он привел тот факт, что они уже сто тысяч лет назад пользовались красной охрой. К теории Гуча мало кто отнесся серьезно, но находка печей в Испании доказывает, что он был прав. Наши предки кроманьонцы не были первыми «интеллектуалами», неандертальцы не уступали им в интеллекте.

Есть у сторонников стотысячелетней цивилизации и более убедительные доказательства. Метрологи, то есть ученые, изучающие измерения, неопровержимо доказали, что древние меры: кубиты, мили и так далее, основывались на точном знании размеров Земли. Число, найденное в Ниневии, позволяет сделать вывод, что наши предки, жившие 64000 лет назад, знали размеры не только Земли, но и планет.

Недооценка ума наших далеких предков привела к значительному сокращению истории человечества. О правоте или ошибочности этой гипотезы спорить можно долго, но ясно одно — она вполне логично объясняет составленную еще в XVI веке турецким адмиралом Пири Рейсом карту мира.

ВЕЧЕРНЕЕ ЧТЕНИЕ

НОВОЕ ИМЯ

Вадим Ечеистов

Есть кто живой?

Холод, жуткий холод наполняет мое тело и разум до последней клеточки. Кажется, все вокруг дрожит от холода. При малейшей попытке пошевелиться мокрая одежда липнет и обжигает мерзким ознобом кожу. Однако сидеть на этой ветке, не шевелясь, невозможно — затекают до полного бесчувствия ноги. Удивительно, как я не свалился, пока спал. Правда, со сном это полубредовое состояние имеет мало общего. Всю ночь я дрожал от холода, ворочался и вздрагивал от любого звука, мало-мальски отличного от шороха листьев и шума падающих капель.

Стало немного светлее — достаточно для того, чтобы при движении не наткнуться на острый сук и не провалиться в залитую водой яму. Надо выбираться из этого болота, пока еще могу двигаться. Аккуратно, стараясь не сорваться, я начал спуск по скользкому стволу осины. Ноги с хлопанием погрузились в размякшую траву. По щиколотку в воде, шатаясь от усталости и напряжения, я начал двигаться в ту сторону, где, по моему мнению, должна быть дорога, в который раз проклиная тот день, когда решил отправиться на эту прогулку.

Началось все за неделю до отпуска. Я решил поискать, что интересного есть в окрестностях знакомых с детства мест, и развернул карту области, которую специально купил в киоске.

Вот! То, что нужно. В лесу, километрах в тридцати от деревни, где стоит дом моей бабушки, есть интересное местечко. Согласно условным обозначениям — небольшое село с церковью.

Закрыв глаза, я живо представил встающие из-за крон деревьев золотые маковки куполов. Вообще, я большой поклонник старой русской архитектуры, особенно та-

кой величественной, как церковная. Все! Решено — маршрут выбран. Тем более, что в ту сторону я ни разу не ходил, да и бабулю навестить надо.

Отпуск в деревне у бабушки пролетел незаметно — пляж, рыбалка, дискотека. Когда подошла последняя отпускная неделя, я вспомнил о своем желании посетить сельскую церковь. Нашел в сарае старый велосипед, проверил его и остался доволен состоянием своего транспорта.

Прикинул, что на всю поездку придется потратить часов пять, и решил не брать с собой лишних припасов, ехать налегке.

На следующий день, плотно позавтракав, я оседлал велосипед и отправился в путь. С собой прихватил лишь армейскую фляжку с водой и складной перочинный ножик. Одежда соответственно погоде — футболка и спортивные брюки. На всякий случай, прихватил и олимпийку.

Ехать через поле по плотно укатанной мелким местным песком грунтовой дороге — сплошное удовольствие. Над слегка порывевшим жнивьем вились пташки, за кустами бредняка виднелась река, подернутая легкой рябью, теплый воздух мягким встречным потоком ласкал кожу. Вскоре, переехав через небольшой ручей, я оказался в соседней деревне Бородково, расположенной у железнодорожного моста, — здесь мне приходилось бывать довольно часто. А дальше, за деревней, дорога уходила в неглубокий лог, буйно поросший кустарником. Туда мне еще заходить не доводилось.

Ехал я около часа. Потом, друг за другом, протянулись небольшие деревеньки. Вот и Лыково, отмеченное на карте. Где-то здесь должен быть мост, по которому можно переехать на другой берег реки. Вскоре я увидел его.

У моста копошились в песке двое мальчишек. При виде меня они не смогли скрыть своего удивления — видимо, нечасто здесь посторонние люди появлялись.

— Ребятя! До Плетькова далеко еще?

— Докуда, докуда? Не, мы не знаем. А вы у дедушки спросите, — сказал пацаненок постарше и махнул загорелой рукой в сторону какого-то ветхого домишки, перед которым сидел на лавке старик, с чувством куривший сигарету.

— Здравствуйте, уважаемый! Не подскажите — до Плетькова далеко добираться?

— А тебе зачем? На кладбище, что ли? — пристально посмотрев на меня, спросил дед.

— Почему на кладбище? Просто посмотреть. Там церковь, а, может, и еще что-нибудь интересное.

— Нечего там смотреть, да и делать там нечего. Туда уж давно никто не ходит. Охотники пару раз уходили в сторону Плетькова, а обратно, наверное, получше дорогу находили. Здесь-то их потом не видели.

Дед явно был не в настроении. Разговаривал со мной с плохо скрытым раздражением. Но все же под конец сменил гнев на милость.

— До Плетькова-то километров восемь или десять. Дорога за теми домами начинается. Только ее еще отыскать надо.

— Спасибо большое. — Я не стал задерживаться и поехал по сложенному из толстых посеревших брусьев мосту в сторону трех покосившихся домиков, на которые указал дед.

Доехав до конца дороги, я понял, что он имел в виду, — дорога просто обрывалась у самого леса. «Странно, похоже, по этой дороге не ездили минимум лет десять. Значит, в Плетьково и в самом деле никто давно не живет, — с удивлением подумал я. — Что ж, становится все интереснее и интереснее».

Немного отдышавшись и отерев пот со лба рукавом олимпийки, я зашел в лес. Ехать на велосипеде было невозможно, так как то, что когда-то было дорогой, густо заросло высокой травой. Пришлось катить велосипед рядом с собой.

Метров через пятьсот, в кустах по краям дороги, стали заметны большие лужи красноватой воды. Глинистая дорожная поверхность размякла, хлюпала и скользила под ногами, становясь все более вязкой и глубокой.

Я даже начал подумывать о немедленном возвращении — видимо, и смотреть уже не на что, село, должно быть, полностью развалилось от старости. Но я все-таки решительно отгонял от себя эти мысли.

Времени было уже достаточно много — по моим подсчетам, около пяти вечера. Я же, несмотря на все попытки ускорить шаг, никак не мог выйти из этого заболоченного леса к своей цели.

Временами становилось сумрачно — видимо, когда солнце скрывалось за облаками. И тогда тучи комаров, мошек и слепней налетали на меня с такой скоростью, что я не успевал прихлопывать их ладонью.

И вот, когда я окончательно решил, что заблудился, впереди замаячил незначительный просвет, и я прибавил шаг. Вскоре дорога под ногами стала суше, лес заметно поредел, и, наконец, вдали показалась белая колокольня, возвышавшаяся над дикой зеленью леса. Крыши с крестом на колокольне не было — наверняка, провалилась от старости или была снесена. Проемы зияли темной пустотой. И все же это было по-своему красивое зрелище.

Дорога вывела меня к заброшенному селу.

Немного похаживая по нему, я обнаружил несколько вполне пригодных для проживания домов. Правда, внутри было пусто и неуютно, да и поживиться особенно нечем — одни лишь чугунные утюги, веретена, посуда — ничего, стоящего внимания.

Около часа я потратил на обследование уцелевших жилищ, после чего, оставив в одном из дворов велосипед, побрел в сторону колокольни. Подойдя поближе, я увидел могильные кресты и повалившиеся ограды. Ну, вот, собственно, и кладбище, о котором говорил дед.

Прочитать таблички на многих крестах оказалось делом довольно сложным, но в целом, судя по датам смерти, здесь давно

никого не хоронили. Бросились в глаза несколько раскопанных могил. Наверное, в мягкой кладбищенской земле какие-то звери рыли свои норы.

Колокольня, как ни странно, стояла сама по себе, без основных церковных построек. Просто постепенно рассыпающаяся башня. С близкого расстояния строение выглядело более удручающе, нежели издали. Фасад весь растрескался, штукатурка осыпалась, кирпичи выпадали из кладки. Доски и толстые деревянные балки внутри прогнили и местами обвисли.

Пока я осматривал колокольню и кладбище, заметно потемнело. Выйдя на открытое место и взглянув наверх, я понял, что сейчас начнется гроза — небо быстро заволокло рваными черными тучами, коротко сверкнула молния. Не прошло и пяти минут, как поднялся сильный ветер, и деревья вокруг колокольни зловеще зашумели. Но через мгновение ветер стих, и на мое плечо упала крупная капля. Я прибавил шаг, а потом и вовсе побежал в сторону дома, где оставил свой велосипед.

Не успел я вбежать в избу, как начался сильный ливень. За слепящими вспышками молний следовали оглушительные раскаты грома. Моя одежда насквозь промокла, я снял ее, с усилием выжал и повесил сушиться на металлические дуги кровати. Сам же присел на деревянную скамью, и, глядя в окно, стал ждать, когда ливень закончится.

Но дождь все не ослабевал, да и одежда высыхала очень медленно. В доме и до того было прохладно, теперь же меня стал пробирать легкий озноб. Я сорвал с кровати старое пыльное покрывало, встряхнул и обернулся в него. Через какое-то время дрожь прошла, но навалилась жуткая усталость. Монотонная дробь дождевых струй по стеклам и крыше действовала усыпляюще.

Веки тяжелели, мысли в голове путались. Я решил встать и походить, чтобы развеять сон. Сначала это помогло, но стоило остановиться, как дрема наваливалась с новой силой. В конце концов, я решил не мучить себя и прилег на скрипучую железную

кровать. Последнее, что я запомнил, перед тем, как провалиться в глубокий сон, были сбегающие по стеклу дорожки воды, дрожащие листья деревьев за окном и темный силуэт колокольни.

Проснулся я так, будто вынырнул из глубины — жадно хватая ртом воздух. Сердце пыталось выпрыгнуть из груди, а кожу покрыли мурашки. Видимо, на новом незнакомом месте мне приснился кошмар, но какой именно, я вспомнить не мог — в голове роились бессвязные образы, быстро растаявшие при пробуждении.

Вокруг была полнейшая темнота. «Однако! Вот так вздремнул», — раздосадованно подумал я. Теперь до утра придется сидеть здесь. Судя по звукам, доносившимся снаружи, дождь не прекратился. Неожиданно меня охватила бессознательная тревога. Сначала я никак не мог понять, что же, кроме непрекращающегося дождя, меня беспокоит. Но вдруг понял: к шуму дождя и шелесту листьев снаружи примешивался новый звук, который был явно внутри дома. Исходил он со стороны двери, но не от самого входа, а сверху — с чердака. Это был даже не звук, а скорее, его предчувствие — настолько он был тих. Чем-то похожий на дыхание, он неуловимо, но отличался от звуков, которые мог бы породить ветер.

Я застыл, стараясь не потревожить скрипучих пружин кровати. Страх постепенно сковывал мое сознание. Оставалось одно желание — чтобы тот, кто дышит на чердаке, не догадался о моем существовании.

А дышал там явно не человек — что делать человеку в полной темноте на чердаке заброшенного дома, и как он мог пройти, не замеченным мной? Звуки, исходящие сверху, явно говорили о немалых размерах находившегося там существа. Зверей подобного размера вокруг водилось немного, да и что могли бы делать на чердаке лось или зубр? К тому же интуитивно ощущалась угроза, исходящая с чердака.

Около часа, как мне показалось, я лежал не шелохнувшись. Таинственный шум прекратился внезапно, как бы растворившись в шорохе дождя. Какое-то время я продолжал

вслушиваться в темноту, но вскоре, не выдержав напряжения, снова забылся сном.

Когда я открыл глаза, из окон уже пробивался свет. Дождь все так же продолжал шуметь за окном. При сумрачном утреннем свете ночное происшествие воспринималось совершенно иначе, чем в ночной темноте.

После пробуждения меня больше занимало другое: я чувствовал страшный голод. Неудивительно, учитывая, сколько мне вчера пришлось пройти и проехать. Плюс ко всему, к утру заметно похолодало. Не снимая покрывала, согретого теплом моего тела и ставшего как бы частью моей кожи, я потянулся за одеждой. К счастью, она высохла, хоть и была холодной на ощупь. Превозможная дрожь, я скинул покрывало и быстро оделся. Застегнув «молнию» олимпийки до самого горла, я снова накрылся покрывалом, как плащом.

Решив для начала осмотреть дом повнимательнее, я направился к печке. На полке, рядом с ней, стоял короткий свечной огарок в маленькой граненой стопке, и больше ничего не было. В нише под печкой лежала тяжелая кочерга и груда щепок. Перерыв все вокруг, самого главного — спичек — я так и не обнаружил. Потом вышел в сени, а оттуда — в хлев. Под лестницей я, наконец-то, увидел то, что могло бы облегчить мое положение, — керосиновую лампу с расколотой колбой. В надежде найти в бачке лампы хоть несколько капель горючей жидкости, я опустился коленями на холодный земляной пол и протянул руку к находке.

«Не станут же хозяева сливать остатки керосина, прежде чем бросить лампу под лестницу? И не мог же он испариться? Или мог?» — Мысли сменяли одна другую с поразительной быстротой. С замиранием сердца я встряхнул лампу. О, счастье! Послышался легкий всплеск — значит, немного горючего у меня есть.

Еще несколько раз я выбегал в бывший скотный двор. Сбирал осыпавшуюся дранку, пучки сена, оторвал несколько досок, выковырял между бревен немного сухой пакли для растопки, из-под нижних венцов вытащил пару булыжников, являвшихся, видимо,

частью фундамента. Скоро все это лежало рядом с печью, и я приступил к растопке.

С усилием свернув прикипевшую головку с бачка лампы, я пропитал остатками керосина паклю и положил ее в печное жерло. Поверх пакли сложил дранку, предварительно наломав ее потоньше. Потом пошли в дело щепки потолка.

Взяв в руки булыжники, я ударил несколько раз их один об другой. Не сразу, но при ударе стали появляться небольшие искры. Стараясь, чтобы они падали на паклю, я работал булыжниками довольно долго. Руки начали болезненно гудеть, когда, наконец, потянулся тоненький дымок тлеющей пакли. После того, как я с силой подул на растопку, появился слабенький язычок пламени.

Сколько прошло времени, я не знал, но, согревшись, почувствовал себя несколько лучше. Лишь голод не давал мне покоя. Необходимо было хоть что-нибудь съесть, иначе я не мог ни о чем больше думать.

И тут мне пришла в голову идея: ведь рядом с домом когда-то наверняка был огород. Надо поискать, а вдруг что-нибудь съедобное еще растет? Чтобы не мочить снова свою одежду, я надел, преодолевая брезгливость, найденный в сенях пыльный и тяжелый плащ.

С трудом пробираясь сквозь мокрые и перепутанные дождем и ветром заросли крапивы, я принялся искать то, что могло быть огородом. Найти что-либо среди бурьяна высотой в человеческий рост было, мягко говоря, сложно. Но вот, наконец, метрах в десяти за домом, я заметил просвет в зарослях и вышел на участок правильной формы, с более низкой растительностью. Сомнений не оставалось — это и есть бывший огород.

Однако радость от увиденного быстро померкла: на участке росли одуванчики, тимфеевка, овсюг и другие сорные и луговые травы. Раздвигая траву руками, я пытался найти что-нибудь, чем мог бы заглушить голод, и поиски мои увенчались успехом, правда, несколько сомнительным: четыре картофельных кустика, с десятков морковин и штук пять сморщенных луковиц.

Я быстро вернулся в дом — нужно было успеть еще наломать досок для поддержания огня.

У печки я нашел маленький чугунок, сплоснул его и, набрав дождевой воды, поставил на плиту. Есть хотелось так сильно, что с овощами я не возился, не чистил их, просто помыл и бросил в воду. В итоге, получилось какое-то непонятное варево, но для меня это была пища богов.

Поев, я стал размышлять над сложившимся положением. Положение, надо сказать, аховое. Дождь льет уже почти сутки, не переставая. Значит, дорога, по которой я сюда пришел, совершенно раскисла и слилась с окружавшей ее топью. Куда я пошел, никто не знает. Бабулю вряд ли обеспокоит мое исчезновение — я частенько уезжал домой без предупреждения. Она будет думать, что и в этот раз я уехал пораньше. А родители, естественно, считают, что я отдыхаю в деревне. Забеспокоятся только через неделю, когда надо будет выходить на работу.

Значит, выбираться надо самому, и поскорее.

И тут я вспомнил карту, и то, что от Плетькова есть дорога, противоположная той, по которой шел я. Насколько мне помнилось, она шла через лес, через две заброшенные деревни и выходила к железнодорожной станции. Я решил попытать счастья в этом направлении.

Велосипед с собой брать не стал — если что, вернуться, когда будет посуше. Дорога, пролежавшая между местом моего ночлега и колокольней, уходила вправо, к небольшому ручью. На другом берегу ручейка виднелись два гнилых домика и остов сарая. Подойдя ближе к берегу, я обнаружил, что деревянный мостик прогнулся и полностью ушел под воду. Но, к счастью, ручей был достаточно узок, и затонувшую часть можно было без труда перепрыгнуть.

Подобрав полы тяжелого плаща, я разбежался и, с силой оттолкнувшись, прыгнул. Однако сразу же за ручьем очертания дороги полностью исчезали в мокрой траве. Я тщетно пытался обнаружить мало-мальский просвет в кронах деревьев, который указывал

бы на наличие дороги. Путаясь ногами в мокрой траве, раздвигая ветки кустов, я уже почти отчаялся найти ее следы, но вдруг увидел узкую, малозаметную тропку, видимо, она и была обозначена на карте тонкой линией. У меня вновь появилась надежда вернуться, наконец, из этой неудачной прогулки.

Не теряя ни секунды, я вошел в лес. Идти было нелегко: плащ спутывал движения, ноги при ходьбе неприятно скрипели и чавкали в размокших кроссовках. Руки приходилось держать на уровне лица, чтобы защитить глаза от хлещущих мокрых веток.

Я потерял счет времени. Но в одном был твердо уверен — шел я очень долго. Согласно запомнившимся мне данным из карты, я уже давно должен был выйти, если не к железной дороге, то к одной из нежилых деревень — точно.

Однако я не встретил не только следов человеческого жилья, но и ни одного расчищенного от деревьев места, ни одного просвета в лесных зарослях. В том, что не сходил с тропы, я был абсолютно уверен — только по ней и можно было как-то идти. Видимо, скоро, через какие-нибудь пару сотен метров, этот лес все же закончится. Должен закончиться, иначе мои нервы просто не выдержат.

Идти становилось все труднее. Тропинка все чаще скрывалась в лужах воды или расплзалась липкой торфяной грязью, к тому же сказывалась физическая и нервная усталость. Но я почти с маниакальным упорством шел вперед, не теряя надежды выбраться из леса и выйти, наконец, к людям.

В какой-то момент, вконец устав бороться с самим собой, я заметил впереди долгожданный просвет. Наконец-то! Несмотря на жуткую усталость, я чуть ли не побежал к вожденному выходу. Земля под ногами стала тверже. Вдали за деревьями уже можно было рассмотреть какие-то строения. Я еще прибавил шаг. Быстрей, быстрей! Отодвинув ветки кустарника, я вышел из леса к свету и чуть не заорал от бешенства и отчаяния — передо мной на фоне сумрачного неба белел знакомый силуэт полуразрушенной колокольни.

Ноги подкосились, и я осел на мокрую землю. Злоба сменилась отчаянием — неужели снова придется провести ночь в том же доме?

Отдышавшись и смирившись со своим положением, я медленно поднялся на ноги и пошел в сторону колокольни. Надо успеть до наступления темноты подготовиться к ночлегу. Идя к дому, я не раз замечал боковым зрением странные движущиеся тени, которые объяснил усталостью и своим лихорадочным состоянием.

... Вскоре я уже сидел в обжитой мною комнате и приходил в себя после неудачного похода.

За окнами совсем стемнело, а вместе с темнотой пришли и воспоминания о предыдущей ночи. Сидя в дрожащем свете печного пламени, я с усиливающейся тревогой поглядывал в сторону двери.

Необходимо было исследовать чердак, чтобы узнать, что же мне может угрожать этой ночью, найти какие-нибудь следы присутствия здесь живого существа. Не теряя времени и взяв стаканчик со свечным огарком, я осторожно двинулся к двери.

На чердак можно было попасть из сеней по приставной лестнице. Я осторожно ступил на хлипкую перекладину, и, как ни странно, старая лестница выдержала мой вес, несмотря на скрип и пошатывание.

Никаких посторонних звуков, за исключением шелеста дождя по крыше, с чердака не раздавалось. Это вселяло некоторую уверенность. Держа перед собой свечу, я заглянул в проем. Ничего примечательного — потрескавшаяся печная труба, слой окаменевшего птичьего помета на балках и потолке, тряпье по углам.

Окончательно осмелев, я забрался внутрь, решив осмотреть все повнимательнее, и, ничего не найдя, успокоенный, спустился вниз, прихватив с собой лоскутное одеяло с вырезающими клоками серой ваты.

На этот раз я решил спать не на кровати, а на полу, около теплой печки. Расстелил одеяло, на всякий случай, положил рядом ухват и, наконец, прилег, даже не заметив, как погружился в глубокий сон, без сновидений.

Разбудил меня какой-то ритмичный звонкий стук. Я открыл глаза и оказался в полной темноте. Дрова и угли в печке полностью прогорели и не давали ни малейшего отблеска. Я встряхнул головой, но стук не пропал. Он раздавался со стороны колокольни и напоминал звук, возникающий при сильном ударе деревянным брусом по высохшему бревну. «Неужели люди? Если они сюда прошли, значит, подскажут, как выбраться», — с надеждой подумал я, встал и подошел к окну, безрезультатно пытаюсь разглядеть что-либо в черноте дождливой ночи. Ни огонька костра, ни отсвета фонаря — лишь смутно угадывающийся силуэт колокольни. Вряд ли кто-либо из людей в полной темноте решит гулять по безлюдному месту, в окружении могил. К тому же звуки... Не слышно было ни голосов, ни шума, ничего, кроме странного размеренного стука.

С силой подергав за ручку рамы, я открыл окно. Створки с треском разошлись, и в лицо пахло прохладой и сыростью.

Удары стали громче. Я пытался найти объяснение происходящему, но не мог. Слишком много непонятого и пугающего произошло за эти два дня.

И неожиданно я понял, что в доме не один. Что-то холодное прикоснулось к моей спине, и я услышал чей-то шипящий вздох. В ужасе я закричал, но крик застыл в горле, и тут я ... проснулся.

Застывший в гортани крик вырвался сдавленным стоном. Пелена кошмара до конца не сошла, и я оглядывал темные углы, рукой нащупывая ухват. Не сразу, но в голове прояснилось. «Неужели это просто кошмар!» — облегченно переводя дух, подумал я, и вдруг взгляд мой упал на открытое окно.

Точно помню, что наяву окна не открывал. Неужели я стал ходить во сне? Или ночью поднялся сильный ветер и распахнул створки? Вряд ли. И тут опять показалось, что меня преследует чей-то пристальный враждебный взгляд. Продолжая тупо смотреть на открытое окно, я еле сдержал крик ужаса. В нижнем левом углу проема отчетливо вырисовывался круглый черный силуэт, которого не было еще недавно, вернее,

необычайно крупная голова, сверлившая меня взглядом.

Я стоял, окаменев от страха, и старался не только не шевелиться, но и не дышать. Голова вдруг издала звук, похожий на злобное хмыканье. Вслед за этим в окно быстро вскочило огромное тело, на мгновение целиком заслонив проем, и растворилось в черноте межоконного пространства.

Чувствуя, как внутри меня как бы сорвалась тугая пружина, я схватил ухват и резко швырнул его в простенок, затем опрометью кинулся к двери и выбежал в сени. Там стояла крошечная тьма, и в этой темноте кто-то или что-то неожиданно схватило меня за ноги. Едва не упав, я стал вырываться, пытаюсь свободной ногой ударить невидимого врага. Но нога, рассекая пустоту, ударяла в пол. В то же самое время чьи-то невидимые руки крепко держали меня за щиколотки. Собрав в кулак остатки сил и воли, я снова попытался вырваться. Почувствовав, что ноги мои свободны, я в один прыжок пересек сени, ударом плеча открыл дверь, выскочил во двор и всю понесся в сторону, где должна была находиться дорога.

Я летел со скоростью ветра. Встречный поток воздуха свистел в ушах. Но в темноте можно было полагаться лишь на память и интуицию. Я бежал, не оглядываясь, но каким-то шестым чувством понимал, что меня пытаются догнать. Зловещие черные тени выскакивали из пустых домов и окружавшего их бурьяна.

Тогда я побил все рекорды — в несколько минут перебежал деревню и успокоился немного, только когда понял, что я уже в лесу. Спотыкаясь о корни, падая, ударяясь о стволы деревьев, я старался, тем не менее, не сбавлять скорости. Лишь провалившись по пояс в яму с водой и с трудом выбравшись из нее, решил отдышаться, а, может, если удастся, и на ночлег устроиться. Я долго выбирал подходящее место, но прилечь было негде, кругом — вода по щиколотку. Пришлось залезть на дерево и разместиться в развилке ветвей. Покрепче обхватив руками ствол, я стал дожидаться утра и незаметно впал в полусонное забытие...

Проснулся скорее от продирающего до костей утреннего холода, чем от света, пробивающегося через густую листву. Помассировав затекшие ноги, медленно спустился на мокрую землю и сразу же продолжил путь...

Я шел уже часа два, не сворачивая и проклиная сложившееся положение. Жуткую ночь старался не вспоминать — и без того состояние мое становилось все хуже и хуже. Озноб лихорадил тело, и все больше охватывала слабость. Надо было поскорее выбираться из леса, пока оставались хоть какие-то силы. Странно, но теперь не хотелось даже есть, лишь тошнота временами подкатывала к горлу. Да, видимо, дела мои совсем неважные.

На этот раз я решил действовать умнее, чтобы не кружить на одном месте. Еще со школы помнил, что лишайник на стволах деревьев растет всегда с северной стороны. Покидая место ночлега, я отметил направление, на которое указывали пятна лишайника, и старался не отклоняться от него. Но выйти на дорогу мне так и не удалось. Временами я на ходу проваливался в забытие, а, возвращаясь к реальности, с удивлением обнаруживал себя медленно бредущим по лесу или усевшимся на замшелую корягу.

Частые остановки отнимали много времени. Я заметил, что вновь начало смеркаться, и впал в полное отчаяние — еще одна ночь в лесу может оказаться последней в моей жизни.

Я уже начал обреченно высматривать подходящее для ночлега дерево, когда, сквозь лихорадочный шум в ушах, неожиданно пробилась еле слышный собачий лай. Я встряхнул головой, пытаюсь прогнать галлюцинацию, но лай становился все отчетливее. Как ни странно, он раздавался за моей спиной. Значит, я все-таки сбился с пути и по-прежнему плутал по лесу.

Я резко повернулся и пошел на звук, мысленно умоляя собаку не прекращать свой «концерт». Несмотря на свист в легких и покалывание в боку, передышек делать не хотелось, а, чтобы не впасть в полубморочное состояние, я до крови прикусил губу.

Лай прекратился, но я упрямо пролезал через кусты и навалы валежника.

Лес кончился внезапно, я будто вывалился на открытый участок и сразу же, несмотря на сумерки, увидел дом с горящей в окошке лампой.

Удача! Впервые за эти три дня я был по-настоящему счастлив. Неужели пришел конец моим бедам? Я двинулся в сторону дома, соображая, куда же вывел меня собачий лай? Судя по всему, — в Лыково.

Подойдя к дому, я постучал в светлое окно. Занавески на окне шевельнулись и затихли. Через минуту лязгнула щеколда, и на крыльцо вышел угрюмый старик в стеганой душегрейке и калошах на босу ногу.

— Че стряслось-то, парень? Ты откуда здесь такой? — Голос у него оказался сиплым, но при этом достаточно громким.

— Да заблудился я. И вообще, долгая история. Мне бы обсохнуть немного.

— Ну, заходи. Заодно и расскажешь свою долгую историю. Люблю слушать такие.

Старик пропустил меня вперед, закрыл дверь на щеколду и легонько подтолкнул меня к комнате, откуда лился теплый уютный свет и доносился божественный запах жареной картошки с салом и луком.

Когда мы вошли, дед, порывшись в комод, протянул мне рубаху и штаны в тонкую полоску. Несмотря на возраст, он выглядел довольно крепким, и одежда его висела на мне, как на вешалке.

Мы сели за стол, и старик поставил на деревянную подставку почерневшую сковороду. Аромат еды кружил голову, и ни о чем больше я не мог сейчас думать. Хозяин, между тем, достал из-под стола трехлитровую банку с прозрачной жидкостью и поставил два граненых стакана. Я ощутил резкий запах самогона. Дед налил полный стакан и протянул его мне.

— Пей до дна! Тебе согреться надо.

Я не стал спорить, и, задержав дыхание, несколькими большими глотками осушил стакан. Старик тут же подал ковшик воды — чтобы запить. Я мгновенно обмяк, и блаженное тепло волнами растеклось по жилам. Мы начали есть картошку прямо со

сковороды. Только теперь я понял, что такое настоящее счастье.

Когда сковородка опустела, я начал рассказывать — алкоголь всегда развязывает язык. Дед курил и слушал внимательно, не перебивая. К моему удивлению, он вполне серьезно воспринимал мои слова и не усмехался, принимая их за бред сумасшедшего.

Когда я закончил, он некоторое время сидел в задумчивости.

— А что, хозяин, раньше бывало с кем-нибудь что либо похожее? — нарушил я повисшую паузу.

— Да как сказать... Надо бы тебе еще выпить. Вот этот получше будет — на дубовой коре. — И дед достал из-под стола еще одну банку — жидкость в ней напоминала по цвету коньяк. Он снова наполнил мой стакан, который я тут же залпом выпил. Затем встал и начал неторопливо прохаживаться по комнате. — Когда я сюда приехал жить, Плетьково уже было нежилым селом. Первое, о чем меня предупредили местные, — никогда не оставаться в Плетькове на ночь. Днем можно туда ходить, ночью — никогда. Что там происходило, никто не знал, но началось все, когда в Плетькове разобрали церковь. Люди стали просто пропадать. Даже власти попытались вмешаться — бесполезно. Милиционеры тоже таинственно исчезли после ночных засад. Лишь однажды из Плетькова в соседней деревне появился поседевший и не способный произнести ни слова милиционер. С этого момента проклятие перекинулось и на эту деревню — за месяц пропали три семьи. Остальные побросали дома и разъехались кто куда. С тех пор на ночь в Плетькове никто не оставался, а если случайно какой-нибудь охотник и задерживался на ночь, обратно он не выходил. А ты вот вышел. — Вдруг дед резко наклонился и пристально посмотрел мне в глаза. Взгляд его был странный и очень недобрый, в нем явно читалась неприкрытая враждебность.

— Извини парень, но я не хочу гибели нашей деревни. Таинственная зараза не должна пойти дальше. У нас все знают — если кто-то провел ночь в Плетькове, тот должен остаться там навсегда.

От усталости и выпитого самогона я сообщал медленно, но все равно понял, что дело плохо, и попытался встать. Но ноги сразу же подкосились, и я свалился на пол. Хотел попросить деда о помощи, но изо рта вырывалось лишь нечленораздельное мычание. Конечности занемели и совершенно перестали слушаться. Голова кружилась все сильнее, в ушах шумело.

— Зря сопротивляешься, парень, это хорошее, испытанное средство. И поздравее тебя люди с ног валились. — Это было последнее, что я услышал, проваливаясь в забытие.

Тьма, окружавшая меня, плавно покачивалась, и я покачивался вместе с ней, словно в колыбели. Сколько прошло времени, я не знал. Для меня уже не существовало самого понятия времени.

Вдруг окружающая чернота стала приобретать темно-синий оттенок, постепенно переходя в бесно-голубой. Ко мне начали возвращаться и другие ощущения. Спиной я уже чувствовал твердые доски, а в голове навязчиво пульсировала сильная боль. С усилием подняв веки, я некоторое время озирался, не в силах понять, где нахожусь. И вдруг будто пелена спала с моих глаз — я вспомнил прошедшие дни и с ужасом узнал место, где только что очнулся.

Я лежал на полу, напротив окна, в котором различался силуэт полуразрушенной колокольни. Именно отсюда я и пытался выбраться последние дни, и вот я снова здесь.

Вспомнился и роковой разговор со стариком. Как же он меня сюда дотащил? Явно не один, кто-то ему, наверное, помогал. Однако крепкую же отраву он мне подмешал: сейчас уже почти стемнело, значит, я был в отключке ровно сутки.

Что же это за твари такие, истребившие все эти деревни? Ни одно трезвое объяснение тому, что я видел, не подходило. Версий в моей еще дурной голове было много, но все они казались далеко не безупречными. Старик связывал таинственные исчезновения с разрушением церкви. Возможно, связь и есть. Ведь церкви обычно ставили на месте более старых, а

те, возможно, строились на месте языческих капищ...

Тут мои раздумья прервал знакомый стук — его я уже слышал два дня назад, но чуя в этом доме. Стук, как и прежде, доносился со стороны колокольни. Нужно уходить, уходить как можно скорее! Теперь я не стану сразу обращаться за помощью к незнакомым людям.

Я попытался встать, но с ужасом обнаружил, что руки и ноги мои туго связаны толстой веревкой. Причем, в дополнение ко всему, руки были притянуты веревкой к скобе, вбитой в стену у самого пола. Старый черт со своими помощниками подстраховались на все случаи.

Нельзя было терять ни секунды! Тьма наступала с катастрофической скоростью. Судорожными движениями, помогая связанными ногами, я подтянулся к скобе. Попытка повернуться на живот окончилась неудачно: скрученная веревка больно тягивала и без того затекшие запястья. Пришлось подтянуться к скобе вплотную и, выгибаясь и выворачивая шею, нащупать узел губами. Шею приходилось неестественно выворачивать, содранные в кровь десны саднили, перед глазами плавно двигались мутные круги. А узел, между тем, не поддавался. Прошла, кажется, целая вечность, пока я не расплел веревку.

«Все! Минуту отдышусь, развяжу ноги, и — бежать. Бежать отсюда!» — думал я, выжидая, когда пальцы снова смогут действовать. И тут я понял, что в старом доме опять уже не один. По позвоночнику тихо пополз холодок ужаса. Вглядываясь в темноту, я остановил взгляд на окнах. В их проемах угадывался уже не один, как в прошлый раз, а несколько страшных черных силуэтов. И они в упор смотрели на меня.

Забыв, что ноги еще связаны, я попытался вскочить, но, запутавшись в веревке, тут же рухнул навзничь лицом к двери. Спазм ужаса прошел от низа живота к самому горлу — тьма в доме пришла в движение, одновременно со стуком распахнутых ставен...

Неужели все?..

Иллюстрация Ивана Каменщика.

Валерий Яковлевич БРЮСОВ (1873 – 1924) – несомненно, одна из ярчайших фигур в русской литературе на переломе веков.

Он дважды вызвал шок у поэтов и читателей: первый – когда в 1895 году, еще будучи студентом, издал сборник «Русские символисты», куда включил и свое однострочное стихотворение: «О, закрой свои бледные ноги», и второй – когда, спустя четверть века, единственный из поэтов-символистов, оставшихся на Родине, вступил в коммунистическую партию и стал активно работать в различных учреждениях культуры. Именно благодаря этой работе были в то время спасены многие библиотеки и исторические памятники.

Знаток мировой истории и литературы, поэт, переводчик, чуткий критик, теоретик стиха, энциклопедически образованный человек, он был автором многих поэтических сборников. Но заслуга его перед русской поэзией – не только в этом: своей бескорыстной поддержкой и доброжелательной критикой Брюсов помог войти в литературу таким писателям и поэтам, как Андрей Белый, Максимилиан Волошин, Николай Гумилев, Корней Чуковский, Марина Цветаева. (Известно, что Цветаева критику в адрес Брюсова воспринимала как личное оскорбление.)

Обратившись к прозе, Брюсов написал три исторических романа: «Огненный ангел», «Алтарь Победы» и «Юпитер поверженный», а также множество рассказов, которые включил в два своих сборника – «Земная ось» (1907) и «Ночи и дни» (1913).

Он очень строго и тщательно отбирал рассказы для этих сборников, желая, чтобы они нагляднее всего демонстрировали свою символистскую природу и были разными по жанру – от социальной фантастики до эротики.

К сожалению, в советское время рассказы из этих сборников почти не печатались. Мы предлагаем вашему вниманию малоизвестный рассказ Брюсова «Только утро любви хорошо...»

Первая любовь

Признание друга

Я рассказал ему о своей первой любви. После мы долго молчали. Наконец он заговорил тихо, словно говоря самому себе:

– Нет, моя первая любовь была иная. Вернее, любви здесь и не было вовсе, была ненависть. Мне тогда было лет шестнадцать. По годам я был уже не мальчик. Но я был воспитан дома, среди женщин, не был ни в школе, ни в гимназии. Поэтому я совсем не знал жизни, был робок, застенчив, всегда углублен в себя. Впрочем, я много читал и много мечтал.

Зимой я перенес довольно опасную болезнь, и весной доктора меня послали на юг, в Крым. Отец настоял, чтобы я ехал один, без провожатого. В Крыму я должен был жить в Судакe, у нашего родственника, Николая Николаевича Пряхова, у которого была там своя дача. Жену его звали Антониной. Этой женщине, которой было тогда уже за тридцать, мне и пришлось дать свои первые клятвы любви. Но, повторяю, я ее ненавидел.

Наш роман начался с первого дня встречи. Помню, я приехал усталым, но опьяненным и этой усталостью, и всем новым, что открылось мне: морем, миром гор, южным воздухом. А Антонина, едва дав мне напиться чаю, увела меня в горы. Среди разноцветных скал, причудливо изогнутых сосен и весенних крокусов – я почувствовал себя причастным к жизни природы. Антонина казалась мне не то товарищем, не то каким-то стихийным существом, лесной девой.

Вечером мы спустились с ней к морю. Светила луна. Ее лучи падали в воду и превращались в тысячи извивающихся змей, которые неустанно сплетали и расплетали свои блестящие кольца. Далекая горная стена казалась подступившей к самому берегу и загородившей весь остальной мир. Мы были словно замкнуты в сказочной области. Все было возможно, все было прекрасно. Мы сели у самого прибоя на камне. Я взял Антонину за руки и целовал ее в глаза и в губы, потому что это соответствовало всему, что было во мне, и всему, что нас окружало. Она тихо смеялась на мои поцелуи.

Когда на другой день, утром, мы сошлись за кофе, между нами уже была тайна. Антонина показалась мне немолодой и некрасивой. Ничто не влекло меня к ней. Но когда она чуть-чуть улыбнулась мне, я не мог не ответить ей. За кофе я разговаривал с Николаем Николаевичем о родных. Когда же он ушел, Антонина спросила меня:

– Я утром всегда лежу в гамаке, хотите мне читать?

Смутное сознание советовало мне отказаться, но я ответил в тон вчерашнему вечеру:

– А вы думаете, я могу хотеть чего-нибудь иного?

Этот ответ решил мою судьбу.

В музыке от выбора тональности зависит весь склад пьесы. Первые слова дают направление всему разговору. Наши первые поступки в новом обществе обуславливают все наше дальнейшее поведение. Та роль влюбленного пажа, которую я принял на час, – поработила меня. Какое-то особое чувство не позволяло мне с той минуты ни сказать слова, ни сделать поступка, которые нарушили бы выработанный мною тип. Это было, конечно, то чутье художника, которое не допускает прерывать мелодию диссонансом, вставляя в стихи слова, противоречащие стилю пьесы, и класть на полотне рядом дисгармонирующие краски.

С этого дня началось мое рабство.

Я почти не отходил от Антонины. Я старался предупредить ее мимолетные желания: достать ей цветов, принести веер, кресло... Когда Антонина уходила куда-нибудь, я всегда следил за ней глазами: я знал, что она обернется и, торжествуя, поймает мой взгляд. Когда она бывала у себя в комнате, я садился в саду под платаном и смотрел на ее задернутое шторой окно. Когда мы оставались наедине, я вымаливал у нее позволения поцеловать ее руку.

И как я ненавидел Антонину за это рабство!

Каждый вечер, ложась спать, я давал себе клятву, что встану на другой день свободным. Но утром, встретив первый взгляд Антонины, я попадал безнадежно в круг прежних слов и прежних поступков. У меня не было воли разорвать эту крепкую цепь. Как вол, я вновь покорно подставлял шею под ярмо собственной лжи.

Впрочем, в один из первых дней я сделал попытку бежать. Встав до зари, я ушел в лес, провел там весь день, упивался свободой. Но настал вечер. Надо было вернуться. Подходя к калитке нашей дачи, я почувствовал, что возвращаюсь к рабству. Я вошел в сад, как пойманный беглец.

Антонина сидела на террасе. Она намеренно не взглянула на меня. Ей хотелось меня наказать. Как я рад был бы продолжить это наказание до бесконечности! Но то же самое художественное чувство подсказывало мне, что влюбленный паж должен подойти к своей царице и, не стыдясь унижения, каяться и просить прощения.

Выбрав время, я это сделал. Я сказал Антонине:

— Я думал убежать от своей любви. Но только яснее увидел, что не она во мне, а я в ней. Любовь к вам — мой горизонт. Куда бы я ни пошел, мое сердце всегда будет в центре его.

Вскоре после этого к нам на дачу приехали на несколько дней два молодых офицера. Втайне я мечтал, что Антонина влюбится в одного из них или, по крайней мере, предпочтет их уходу моим. Но открыто я ее ревновал к ним, ревновал дерзко, по-мальчишески. После одной из моих выходов Антонина прогнала меня: «Убирайтесь от меня и не смейте мне на глаза попадаться!»

Я делал вид, что в отчаянии. Но сам убежал, дрожа от блаженства. Те два дня, что я находился в опале, были для меня счастливейшими днями в Крыму. Потом Антонина простила меня, позволила мне вновь быть с ней. Я готов был плакать, но делал вид, что счастлив безмерно.

Кто мне странным образом нравился — это муж Антонины, Николай Николаевич. Он был математик по образованию, а я увлекался математикой. У него был на даче хороший телескоп. Я отдыхал душой, когда мне удавалось убежать к нему от Антонины и вместе с ним ловить ускользающие планеты. Я заслушивался его объяснениями разных вопросов высшей математики и философии чисел... Но мое ухаживание за Антониной было слишком грубым. Сначала Николай Николаевич смеялся над ним; потом, видимо, оно рассердило его, и он начал удаляться от меня.

В середине мая Антонина назначила мне свиданье ночью.

Я выбрался из своей комнаты, неся башмаки на руках. Я узнал в ту ночь впервые, что знают любовники и воры: как неестественно громко скрипят половицы в ночном безмолвии. Я дождался Антонину в саду. Она пришла свежая, веселая, словно после утреннего купанья. Она хохотала над своим мужем, который спал с ней в одной комнате и не слышал, как она ушла. Мне ее хохот был противен.

Лежал туман, но мы пошли в горы и поднялись выше тумана. Мы бродили по обрывистым, осыпающимся тропинкам в полном мраке крымской ночи. Когда, обернувшись, мы смотрели на море, — его не было. Было только небо, в вышине со звездами, а внизу без звезд.

Пока мы шли, меня мучила одна мысль: что Антонина захочет отдаться мне, как любовнику. При этой мысли я трепетал от ужаса и отвращения. Но когда мы сели где-то на лужайке, на влажном дерне, я, целуя ее руки, стал умолять ее именно об этом. Она тихо смеялась и отказывала мне. Я с ненавистью обнимал ее упругое тело и клялся ей в любви. Когда же она говорила мне: «Ты — моя маленькая прихоть», — я готов был задушить ее.

Так провели мы там несколько часов. Я — умолял и боялся, что она согласится. Она смеялась на мои мольбы. Когда настало время возвращаться домой, я долго просил ее поедить, побыть со мной еще несколько минут, несколько мгновений. А в действительности я страстно хотел вернуться скорей, поспешней. Меня мучила мысль, что наше отсутствие могут заметить; я думал о муже Антонины. Воображая, что он скажет мне, если узнает, что подумает обо мне, — я весь изнемогал... не от страха, о, нет! А от детского сжимающего стыда.

Когда мы подходили к даче и на нас лаяли собаки, я едва держался на ногах от волнения. В доме все спали. Поняв, что все обошлось благополучно, я почти молился от счастья.

Но, прощаясь, Антонина сказала мне:

— Завтра приходи опять, и, может быть, я буду добрее...

В темноте я не видел ее глаз, но она, вероятно, лукаво улыбалась. Мне представилось, что кто-то ударил меня прямо по лицу. Наклонившись, я стал опять целовать руку Антонины, словно стараясь скрыть блаженное смущение.

Трудно сказать, что испытывал я, оставшись наедине сам с собой. Во мне как бы борлись два существа. Одно — сотворенное мной самим, я — выдуманный мною, я — художественно сочиненный образ впервые влюбленного юноши. Другое — подлинный я, подавленный, поработанный этим призраком, этим фантомом. Мое подлинное я с омерзением отрекалось от старой развратной кокетки; мое выдуманное я побуждало меня ликовать и праздновать близкую победу...

Когда вдруг я понял, что начинаю играть роль уже и сам перед собой, что уже не для Антонины только и не для других, а сам для себя я изображаю влюбленного, — меня охватил крайний ужас. У меня почти закружилась голова, так как я потерял различие, где правда, где ложь, где действительность, где вымысел... Мой выдуманный образ готов был вытеснить, уничтожить подлинное мое существо. Я понял, что гибну.

Весь следующий день я чувствовал себя как приговоренный. Я был уверен, что у меня не останется сил бороться, что если ночью Антонина отдастся мне, я возьму ее тело со всем восторгом, какой обязан проявить влюбленный, желания которого наконец удовлетворены. И в то же время я был убежден, что после этого мое выдуманное, призрачное «я» навсегда воцарится в моей душе, и я навек как бы утрачу сам себя, свою истинную личность... Я уже подумывал о том, чтобы пойти на берег и броситься вниз, в обрывистую глубину Черного моря. Я не видел иного исхода.

Настала ночь. Сердце мое стучало. Я опять осторожно выбрался в сад. Антонины еще не было. Я подождал ее несколько минут. Потом вдруг решился. Озираясь, я выбрался на дорогу — и побежал. Побежал, как беглец. Я старался не думать. Я знал, что если начну раздумывать, то вернусь.

Я шел всю ночь. Утром попросил приюта в татарской деревне. Отдохнув, пошел опять. Я добрался пешком до Феодосии. Со мной было несколько рублей, и я мог доехать до Москвы.

Когда я неожиданно явился домой к родным, они ужаснулись. Я был похож на выходца из могилы. В тот же день я опять слег и был болен долго, много недель.

Вот что я считаю своею первою любовью.

Только утро любви хорошо...

Рассказ бывшего студента

I

Мне было тогда восемнадцать лет; ей вряд ли больше. С ней я познакомился на дачном балу, одном из тех, которые так хорошо описал Виктор Гофман:

*Был тихий вечер, вечер бала,
Был летний бал меж темных лип,
Там, где река образовала
Свой самый выпуклый изгиб...*

Стоял уже конец июля, все жители маленького дачного поселка давно знали друг друга, и появление среди нас нового лица произвело большое впечатление. Валя только что вернулась от тетки, у которой, где-то в Западных губерниях, — гостила с весны, и, как Чацкий или Онегин, попала, если не «с корабля», то из вагона — «на бал». Маленькая, худенькая, хрупкая, с лицом русской Гретхен, в скромном платьице, она показалась всем «кавалерам» очаровательной и всем барышням «совсем неинтересной». Впрочем, многие из нас уже были с Валею знакомы с прошлого года, так как она не была случайной дачницей, но постоянно жила с матерью в этой местности, вероятно, ради дешевизны жизни за городом.

Мне Валя понравилась сразу, я без труда добился, чтобы меня познакомились с ней, и готов был с ней одной танцевать весь вечер, совершенно забыв толстенькую и апатичную Соню, которой все лето объяснялся в любви, и с которой мы уходили целоваться к пруду, под тень одряхлевших ракут. К концу бала я уже был влюблен в Валею безнадежно и только искал случая высказать ей это. Воспользовавшись тем, что после какого-то танца Валя пожаловалась на жару от разноцветных фонариков, развешанных в темной зелени лип (совсем как у Виктора Гофмана), я предложил ей пойти со мною в другие аллеи парка, где реяла нежная свежесть июльской ночи. Валя согласилась охотно.

В то лето я впервые надел студенческий мундир, готовясь осенью вступать «под сень аудиторий», но, конечно, почитал себя знатоком в делах любви и втайне гордился рядом своих «побед» над женщинами, — побед, не всегда «платонических». Поэтому я несколько не смутился, оставшись с девочкой наедине, но, после первых вступительных фраз, сразу стал ей говорить, какое поразительное впечатление она на меня произвела, цитируя стихи Бальмонта и Валерия Брюсова. Валя, слушая мои полупризнания, смеялась и не возражала, что делало меня все смелее и смелее.

Так мы дошли до круглой беседки над обрывом. Светила луна, хотя и не полная; внизу звякала струя ключа, но безобразной бочки, в которую она стекала, не было видно; кусты давно отцветшей сирени закрывали нас ото всех, позволяя нам видеть даль неба и отлогий берег по другую сторону ручья... Издалека слышался звук бального оркестра, и, на расстоянии, он казался чудесной музыкой... Мог ли я выбрать лучшее место, чтобы высказать свои чувства, легко воспламеняющиеся чувства восемнадцатилетнего юноши, который уверен, что ничто в жизни для него уже не ново!

Мы сели на скамейке, чуть ли не на той, где я еще недавно вырезал вензель Сони, и я все более страстно стал говорить о том, что с этой минуты я люблю в мире одну Валею, ей одной посвящаю свою жизнь и буду так любить вечно. Потом я взял Валею за руки (крохотные милые руки!), и она не отняла их у меня. Потом я быстро наклонился к ней, неловко охватил ее стан и поцеловал ее прямо в губы...

Боже мой! Что случилось с Валею! Она вдруг вскочила, минуту стояла, вся дрожа, затем зарыдала, как рыдают в истерике, и, упав на колени, бросилась лицом на деревянную скамейку. Я как бы оцепенел от неожиданности и остался сидеть неподвижно, не зная, что предпринять, что сказать. До того дня я целовал всех женщин, с которыми мне приходилось оставаться наедине, иногда слышал лицемерные возражения и упреки, но никогда не встречал не только такого отчаяния, но даже настоящего сопротивления. Несколько оправившись, я сказал:

— Валентина Николаевна, послушайте меня... Я вовсе не хотел вас обидеть... Мне казалось, что вы слушаете мои признания без вражды... Я думал...

Продолжая рыдать, всхлипывая по-детски, Валя выкрикнула:

— За кого вы меня считаете!.. Ах, за кого вы меня считаете!

— Поверьте, Валентина Николаевна, — говорил я, — что я ничего дурного о вас не мог, не смел думать. Я вообще ничего не думал. Я просто поддался, подчинился внезапному порыву. Я сказал вам, что вы на меня произвели впечатление необыкновенное. Прикоснувшись к вашим губам мне показалось счастьем безмерным. Я был не в силах бороться с соблазном. Я раскаиваюсь, я — в отчаянии, видя ваши слезы, я извиняюсь, как только может извиняться человек...

Валя не переставала плакать, повторяя:

— Оставьте меня, уйдите! Мне стыдно смотреть на вас! Мне теперь стыдно всех! Я никому не могу более показаться на глаза!

Я продолжал уговаривать и успокаивать Валею. Понемногу она перестала плакать, села рядом со мной, но не хотела говорить ничего. Тогда я ей напомнил, что нас, наверное, ждут, что неловко отсутствовать так долго. Валя согласилась, достала из своей сумочки маленькое зеркальце и пудреницу и, при свете узкого месяца, припудрила свои покрасневшие щеки. После того мы с ней вернулись к танцующим.

II

Понятно, что моя влюбленность в Валею, после этого случая, не уменьшилась, а только возросла. Скажу даже, что если была в моей жизни «первая любовь», то это было именно мое чувство к Вале. Все мои другие мальчишеские и юношеские увлечения женщинами и барышнями можно определить словами Лермонтова: «То кровь кипит, то чувств избыток». Валя заставила меня впервые пережить подлинное «небесное безумие» страсти. С того самого дня, как я увидел Валею в первый раз, ее образ вошел в мою душу и ею овладел, так что, мои слишком поспешные признания оказались чуть ли не правдой.

И что я поддельною болью считал,

То боль оказалась живая!

Валя при новых наших встречах ни одним словом не напоминала мне о моем поступке в вечер бала. Она была со мной очень мила, охотно принимала мои ухаживания и даже выделила меня из числа других своих поклонников, которых скоро нашлось много. Пользуясь «сельской свободой» и той независимостью, какой она располагала в своей семье, Валя принимала мои приглашения на прогулки вдвоем по окрестностям, ката-

лась со мной на лодке по нашему пруду, просиживала со мною вечера в парке. Я читал ей своих любимых поэтов, она слушала внимательно, делала меткие замечания и оттого становилась мне еще милей. Надо ли добавлять, что я сам тоже писал стихи (увы! достаточно плохие!) и теперь все их посвящал Вале, а она находила их прелестными.

Помня урок, полученный мной в круглой беседке, я, первое время, держал себя с Валею очень осторожно. Но постепенно свобода ее обращения со мною вновь придала мне смелости. Я опять стал говорить Вале о моей любви к ней, и она очаровательно краснела, слушая мои восторженные клятвы. Потом я решился целовать ее руки, и она оставляла их в моих руках подолгу, так что, каждому пальцу я мог дать чуть ли не по сотне поцелуев. Но, когда один раз я захотел обнять ее, опять на ее лице выразилось такое мучение, что мне стало стыдно.

— Константин Петрович, — сказала она тихо, — этого нельзя.

— Почему нельзя, Валечка?! — воскликнул я (я так ее называл с ее полусогласия), — неужели я так вам ненавистен, что вам неприятно мое прикосновение?

— Нет, — возразила Валя, — вовсе не неприятно, но ведь этого же нельзя.

Напрасно старался я «уничтожить предрассуждения, которых не было и нет у девочки в тринадцать лет», Валя стояла на своем и, краснея, твердила «этого нельзя». Я, наконец, спросил ее:

— Что же, Валечка, вы считаете, что целоваться могут лишь муж с женой?

Валя наклонила головку и еле слышно прошептала:

— Да.

— Какая вы глупая девочка! — сказал я, принимая тон покровительственный. — Но даже если бы и так, почему же мне не быть вашим мужем?

— Ну вот, когда будете, — сказала Валя.

— А раньше нельзя?

Я засмеялся, но теперь тон старшей приняла Валя и возразила:

— Не говорите пустяков. Вы моим мужем никогда не будете.

— Почему?

— Потому что вам еще учиться надо.

— Валечка! Валечка! Зачем рассуждать так разумно! Просто все дело в том, что вы меня не любите.

Вдруг Валя побледнела и как-то невольно проговорила:

— А может быть, люблю...

И, вскочив, быстро, как маленькая девочка, убежала прочь. Я остался почти счастливый, готовый, тоже по-детски, плакать и смеяться.

На следующий день я уже добился того, что Валя, уклоняя глаза, краснея, ответила мне на мое: «Ведь любишь?» — коротеньким словом: «Да!» Но все же она не хотела, чтобы я поцеловал ее, отстраняла мои руки и повторяла:

— Люблю, но вы не должны меня трогать, не должны, не должны!

К концу лета мы говорили с Валею на «ты», поверяя друг другу все тайны нашей жизни (то есть делали вид, что поверяем, потому что я, по крайней мере, умалчивал о многом), стали почти неразлучными, вызывая тысячи насмешек и эпиграмм наших товарищей и местных барышень. Но, по-прежнему, я не могу добиться от Вали большего, как позволения целовать ее тонкие пальчики, причем она каждый раз краснела от милого стыда.

Только в день моего отъезда Валя позволила мне поцеловать ее в губы, но ее губы едва коснулись моих. То был только намек на поцелуй, оставивший во мне впечатление чего-то мелькнувшего, как привидение. Расставаясь, мы дали друг другу обещание встречаться в Москве.

III

Несмотря на новизну впечатлений, ждавших меня в моей новой студенческой жизни, я в Москве не забыл Вали. Мы встречались с нею в дни, когда она приезжала менять книги в библиотеку или к родным, гуляли по осенним бульварам, сидели в маленьких кафе, посещали синематографы. Валя была со мною добра, мила, очаровательна, и я уже серьезно думал о том, не жениться ли мне на ней, хотя и понимал все неразумие такого поступка. Но, когда любишь в восемнадцать лет, разве хитро делать глупости!

Один раз я убедил Валу зайти в мой студенческий номер, в знаменитой «Романовке». Мы вместе пили чай, я показывал мои книги и был почти счастлив. Но, когда, обманутый доверчивостью Вали, я опять стал добиваться ее поцелуя, повторился почти тот же припадок слез, как в круглой беседке. Опять Валя повторяла:

— Боже мой, Боже мой, за кого ты меня считаешь!

Я сказал ей, что теперь знаю, как ее люблю, и твердо решил, что она будет моей женой. Валя печально покачала головой.

— Этого никогда не будет, — сказала она.

— Почему? Ты мне не веришь?

— Я верю. Но этого я не хочу.

— Почему? Ты меня не любишь?

— Люблю, но не буду твоей женой.

Я добивался объяснений, но Валя сначала ничего не хотела ответить, а потом сказала все то же: что я слишком молод, что мне надо учиться, что мы оба бедны. А на мои страстные возражения ответила решительно:

— Я не хочу!

Большого я от нее не узнал и печально проводил ее на вокзал.

Через несколько дней после этого мне пришлось быть, с несколькими товарищами, в дорогом ресторане, куда студенты, вроде меня, попадают редко. Мы пили какое-то дешевое вино и, несмотря на пренебрежительное отношение к нам лакеев, чувствовали себя прекрасно. Нам было весело, мы спорили о мировых вопросах и рассказывали друг другу о своих маленьких романах, смеялись громко и не пели только потому, что нас все же подавляла пышность обстановки. Разумеется, я ничего не говорил товарищам о Вале: эта любовь мне казалась почти что священной, и о ней я не мог упоминать под полупьяные шутки. Но, слушая рассказы о увлечениях квартирными хозяевами и модистками, я думал невольно о тоненькой, маленькой, хрупкой девочке, целовать которую мне представлялось последним блаженством на Земле, а может быть, и не только на Земле.

Случайно взглянув в сторону, я вдруг увидел Валу.

Первую минуту я подумал, что это — галлюцинация; потом — что я ошибся. Но, всмотревшись, я должен был убедиться, что в ресторане, действительно, — моя Валя. Одета чуть-чуть более старательно, чем обыкновенно, она сидела с каким-то немолодым господином за отдельным столиком. Перед ними стояла бутылка шампанского. Лакеи почтительно обслуживали этой паре, очевидно, как посетителям «хорошим». Валя сидела ко мне вполоборота, ей меня не было видно, она была весела (может быть, пьяна, — подумал я) и смеялась на слова своего спутника.

Преодолевая первое волнение, я встал и пошел между столиками. Дойдя до того, где сидела Валя, я вежливо ей поклонился. Густая краска сначала покрыла щеки Вали, потом она побледнела, как говорится, смертельно; но все же она мне ответила на поклон, а я прошел мимо, не решившись заговорить с нею, и вернулся к товарищам. Какое-то тупое отчаяние томило мою душу, я готов был плакать.

Вероятно, мои чувства отражались на моем лице, так как товарищи спросили меня, что со мною. Я отговорился какой-то банальностью, вроде того, что у меня болит голова. Я более не мог принимать участия в нашей пирушке, я не слушал, что говорят другие, я был прикован глазами к тому месту, где сидела Валя.

Я видел издали, что спутник Вали спросил ее обо мне, и что она давала какие-то объяснения. Пожилой господин несколько раз посматривал на меня. Мне хотелось встать, подойти к ним, заговорить, спросить, зачем они здесь, какое право имеет этот господин возить мою Валу по ночным ресторанам. Но я чувствовал, что все это выйдет глупо, смешно, и решил лучше следить за Валей, узнать, куда уедет она отсюда, что будет делать дальше. Я нервно пил вино, стакан за стаканом, и ждал минуты, когда Валя и ее спутник встанут, чтобы бежать за ними следом.

Не знаю, под влиянием ли выпитого вина или под влиянием слишком сильного возбуждения, — только именно минуты отъезда Вали я и не заметил. Мне казалось, что я отвернулся от нее лишь на миг, чтобы что-то ответить моему соседу, насмеявшемуся над моим видом. Но, когда я вновь взглянул на столик, за которым только что сидела Валя, он был уже пуст. Вскочив, я кинулся в швейцарскую. Там тоже никого не было. Путаясь, я стал расспрашивать швейцаров, но те делали вид, что не понимают моих вопросов, и обращались со мною, как с пьяным.

Я вернулся к своим товарищам в состоянии, близком к иступлению. Мне хотелось кричать, буйствовать, ударить кого-то. Видя, что успокоить меня невозможно, друзья стали меня усердно поить. Конец вечера прошел для меня в каком-то тумане, и я даже не помню, кто позаботился довести меня домой и уложить, конечно, одетым, на мою студенческую кровать...

IV

Когда мы встретились с Валей, я, волнуясь и негодуя, потребовал от нее объяснений. Она мне рассказала какую-то неправдоподобную историю, что в ресторане она была с одним богатым родственником, кажется, с дядей, недавно и ненадолго приехавшим в Москву и захотевшим позабавить свою племянницу. Рассказ Вали вышел фальшивым, она лгать не умела, и я, несмотря на всю свою молодость, не мог ей поверить. Но зато Валя в этот раз была еще милее со мной и всячески старалась ласковыми словами заставить меня позабыть встречу в ресторане.

Я, однако, решил следить за Валей. Я успел познакомиться с ее матерью и иногда бывал у них в деревне, чтобы привезти какую-нибудь книжку. Воспользовавшись этим, я стал приезжать чаще. Меня всегда встречали радушно, но Валя упорно просила меня не приезжать, и это возбуждало все мои подозрения. Наконец, однажды я не застал Валу дома, хотя раньше она говорила мне, что в этот день в Москве не будет.

— Вдруг собралась и уехала, — объяснила мне мать. — Сказала, что какая-то подруга билет в театр достала.

Я опять не поверил, хотя Валя после клялась мне, что дело так и было: неожиданно оказался билет в театр, и она не могла противиться искушению — посмотреть интересную пьесу.

— Валечка, зачем ты меня мучишь! — говорил я. — Ты что-то от меня скрываешь. Почему ты не хочешь мне все доверить. Я так тебя люблю. Я так хочу, чтобы наша жизнь стала единой. Повторяю: все мое желание в том, чтобы мы были в мире вдвоем, чтобы ты стала моей женой.

Валя печально возражала мне:

— Я тебя тоже очень люблю, Костя, но твоей женой никогда не буду.
 — Почему? Почему?
 — Я этого не хочу.
 — Ведь это же безумие! Объясни мне, в чем дело.
 Валя отрицательно качала головой.
 — Не хочешь быть моей женой и не позволяешь мне себя целовать!
 Валя опять покраснела по-детски, низко наклоняла голову и шептала:
 — Костя, милый, не принуждай меня. Я этого не могу. Может быть, я — глупая, но я не могу так... целоваться... Понимаешь, не могу...

Между тем несколько мелких случаев еще более уверили меня, что Валя часто не говорит мне правды, что, например, она бывает в Москве чаще, чем признается мне. Я узнал, что ей даже случается проводить в Москве целые ночи, будто бы у какой-то подруги. Кто была эта подруга, толкового ответа от Вали я не мог добиться. «Чудовище с зелеными глазами» мучило меня неотступно; я ни о чем не мог думать, кроме тайны, окружавшей жизнь Вали; я был почти болен от сомнений и подозрений, но никогда я не любил Валу так беспредельно, как в те дни.

В конце концов, я решился на поступок, вряд ли вполне достойный, но еще какая-то старая французская поговорка говорит, что на войне и в любви все средства дозволены. Я установил за Валей настоящий надзор, я превратил себя в подлинного шпиона. Каждый день, кроме тех, когда мы с Валей встречались, я приходил на тот вокзал, с которого она приезжала, и ждал ее там с утра до вечера, от первого поезда, приходящего с их станции, до последнего. Я в душе поклялся узнать правду, забросил все свои занятия, не виделся с товарищами, учился прятаться и подстерегать.

Долгое время мне не удавалось узнать ничего: Валя в Москве не появлялась. Но я не обращал внимания на удивленные взгляды официантов буфета и служащих вокзала, не боялся, что за мной самим учредит надзор полиция, и продолжал оставаться целые дни на своем наблюдательном посту. Я возвращался домой измученный, разбитый усталостью и ожиданием, со странной пустотой в мыслях, но с неодолимой уверенностью, что завтра я начну то же. И во сне мне снился тот же вокзал, расписание поездов, реки людей, вдруг вливающиеся в залы с платформы.

Наконец я дождался своей горестной удачи. Перед последним вечерним поездом, когда я уже собирался уйти домой, изнеможенный, но с прежней упрямой настойчивостью в мыслях, я вдруг заметил среди публики того самого господина, с которым Валя была в ресторане. О, я сразу узнал этого человека, хотя теперь он был в элегантно пальто и модном котелке, бросавшем тень на его лицо. Бессознательная хитрость соглядатая заставила меня спрятаться за широкую колонну, и я стал выжидать.

Посмотрев на часы, господин взял в автомате перронный билет и пошел на платформу. Я последовал за ним. Через несколько минут подошел последний поезд. Из одного из вагонов торопливо вышла Валя, и мой незнакомец, быстро подойдя к ней, почти поцеловал ее руку. Кровь стучала мне в виски, когда, прячась в тени, я следовал за ними к выходу с вокзала.

«Я изобличу ее, — говорил я себе, — я брошу ей в лицо ее ложь, а этому господину я скажу прямо, как называется его поведение». В сущности, на что я мог жаловаться? На то, что мне предпочли другого? Но молодость и ревность не рассуждают.

Выйдя на подъезд, господин сделал знак ожидавшемуся его извозчику, из тех, что в Москве называют «хорошими», помог сесть в пролетку Вале, и они поехали, вернее, помчались. Но я, не рассуждая (до рассуждений ли и до расчетов ли было!), тоже подошел лихача с яркими пуговицами и, голосом дрожащим, приказал ехать следом. Про-

летка с Валей и ее спутником была недалеко впереди, мы ее без труда нагнали и продолжали лететь сзади, по пустеющим переулкам.

Немного прийдя в себя, я стал обдумывать, что сделаю. Я был убежден, что этот господин опять везет Валу в ресторан. Я решил войти вслед за ними (к счастью, в моем портмоне было несколько рублей), заговорить с Валей, потребовать объяснений, а ее спутнику сказать, что он — негодяй, что я ему запрещаю с этого дня развращать девушку. «Я спасу ее из рук этого развратника», — говорил я себе, забывая все свои отвлеченные рассуждения о свободе любви, которые обычно развивал в среде товарищей.

V

Мы пролетели ряд переулков, и я в картинах представлял себе зал того ресторана, куда соблазнитель вез Валу. Я знал этот зал и уже как бы видел себя в нем. Но извозчик, ехавший впереди, к моему удивлению, миновал подъезд ресторана и вдруг завернул в ворота. Мои мысли закрутились в какой-то хаос: то был известный «дом свиданий».

Случилось так, что спутник Вали на одно мгновение замедлил у входа в гостиницу, расплачиваясь с извозчиком. Для меня этого было достаточно, чтобы спрыгнуть с пролетки и загородить входившим дорогу. Я увидел лицо Вали, которое она прятала под густой вуалью, увидел спокойное мужское лицо, с седеющими усами.

— Валя! — крикнул я. — Зачем ты здесь?

Со слабым стоном Валя откинулась назад; чтобы не упасть, она должна была опереться о стену. Я продолжал стоять перед подъездом, чувствуя, что бледнею все более с каждым миготом. Господин окинул меня взглядом, сразу сообразил, что надо сделать, ловко отстранил меня и протолкнул Валу в подъезд. Дверь за нею закрылась.

— Позвольте пройти, молодой человек, — решительно сказал мне этот господин.

Но я уже не владел своими словами. Я закричал ему:

— Негодяй! Я не позволю тебе совершить твоей гнусности! Эта девушка — моя невеста. Уходи тотчас прочь или я убью тебя.

— Вы, должно быть, пьяны, — спокойно возразил мне господин, — не вмешивайтесь не в ваше дело, дайте мне пройти.

Будь у меня с собой револьвер, я, вероятно, действительно, выстрелил бы в этого человека. Но теперь, в самом деле пьяный, но не от вина, а от злобы, я бросился на моего противника и кулаком хотел ударить его по лицу. Но оттого ли, что я не умел давать пощечины, или оттого, что тот господин вовремя отклонился, только мой удар пришелся не по лицу, а по плечу. Уже гневным голосом стоявший передо мной господин сказал мне:

— Оставьте меня в покое, или я позову полицию.

— Очень хорошо! — воскликнул я. — Вам дали пощечину, а вы хотите звать на помощь полицию. Теперь я знаю, с кем имею дело.

— Довольно, — ответил он мне, стараясь войти в подъезд силой, — я вас не знаю, и не драться же мне на дуэли с каждым сумасшедшим!

— Зато я вас знаю, — кричал я в исступлении, — и если сейчас вы не ответите на мой вызов, я подстерегу вас в театре, я дам пощечину вам при ваших знакомых, или убью вас в вашем излюбленном ресторане, или задушу на улице!

Я безумствовал. Но в эту минуту отворилась дверь гостиницы, появился швейцар и, обращаясь к моему противнику, как к лицу знакомому, сказал ему:

— Ваше сиятельство, барышня очень беспокоится, просят вас скорее.

— Вот видите — сказал тот, кого называли сиятельством, — просят меня, а не вас. Дадите вы мне теперь пройти, или я должен буду просить помощи у этого человека?

При словах швейцара вся энергия сразу покинула меня. Я уже не знал, что мне делать. Валя, моя Валя, видевшая меня, не убежала из этого притона, но осталась там и зовет к себе своего соблазнителя, может быть, своего любовника! Мое сознание мутилось. Однако, чтобы не уступить, я выхватил из кармана свою визитную карточку, протянул ее «его сиятельству» и повторил:

— Если вы не примете моего вызова, я оскорблю вас публично!

— Мы поговорим об этом после, — сказал он мне, — вы видите, что сейчас мне некогда.

Взяв мою карточку и не дав мне своей, он скрылся за дверями. В первую минуту я хотел опять кинуться за ним, но одумался. Ведь Валя меня видела! Она вошла сюда добровольно! Она закрывала лицо вуалью, значит, знала, куда идет! Что же я скажу ей?! Да меня и не впускают!

Я стоял у подъезда, подавленный совершенно, почти без мыслей, словно в обмороке. Меня привел в себя мой лихач, потребовавший платы за проезд. Машинально я отдал ему, что он спрашивал. Потом перешел на бульвар, сел на скамейку и решил дожидаться, когда Валя выйдет из этих проклятых дверей. Я не знал, что тогда сделаю, но дожидаться ее мне казалось необходимым.

Так, едва ли в полном сознании, что-то думая, а может быть, и не думая ничего, я просидел несколько часов. Я смотрел на освещенные окна гостиницы и старался угадать среди них те, которые выходили в комнату, занятую Валею и ее «любовником». Со сладострастием я повторял это слово «любовник», находя наслаждение — мучить себя его звуком. Я представлял себе их ласки, их объятия, их разговоры, их насмешки надо мной. Минутами ярость вспыхивала во мне, как огонь в потухающем костре, потом опять я погружался в тупое безразличие. Было уже холодно, и мои ноги застывали, но и это мучительное чувство доставляло мне странную отраду.

Кажется, я незаметно уснул на бульварной скамейке. Меня разбудил сторож, заявивший, что спать на бульварах не полагается. Подумав, я встал и побрел вверх по бульварам, домой. «Все равно, — думал я, — все кончено, все кончено, и любовь и жизнь!»

VI

Разные мысли приходили мне в голову в ту бессонную ночь. Сначала я хотел убить себя; потом — убить Валею и ее возлюбленного, этого пожилого развратника с седыми усами; еще после — убить его одного, а Валею сказать, что ее лицемерие заслуживает лишь одного — презрения. Понемногу стали являться более светлые мысли. Я начал думать, что этот господин (князь или граф?) воспользовался неопытностью девушки и гнусно оболгивал ее. Вот почему она (о, милое, благородное дитя!) и отказывала мне на все мои предложения! Я должен выступить на ее защиту. Я должен заставить этого негодяя принять мой вызов и убить его. А после оказаться выше глупых предрассудков, сделать Валею своей женой, открыть ей новую жизнь. С такими добрыми мыслями я и заснул под утро.

На следующий день я встал с какой-то болью в сердце. Уже не было ни злобы, ни отчаяния, ни даже любви, а горькое презрение к миру, впервые по-настоящему вошедшее в мою душу. Я повторял:

*Кто жил и мыслил, тот не может
В душе не презирать людей...*

Я презирал всех: и этого князя (или графа?), и Валею, и самого себя. Люди таковы, жизнь такова, — думал я.

Однако я сел писать письмо Вале. Я говорил ей, что теперь знаю ее тайну, но люблю по-прежнему (это была неправда), что я теперь понимаю ее застенчивость, ее боязнь согласиться на мое предложение и преклоняюсь перед ее благородством (и это было неправдой), но что любовь превозмогает все, она «как смерть сильна» (мне стало было стыдно за банальную цитату, но, как бы махнув рукой на стиль, я ее оставил). Далее я писал, что сумею избавить Валею от ее унижительного положения и отомстить ее оскорбителю, что я повторяю ей свою просьбу — стать моей женой, и что все прошлое, мучительное и горестное забудется нами в новом счастье, как исчезают тени ночи в лучах рассвета. Впрочем, я писал еще много другого, о чем не стоило вспоминать.

Когда я кончил письмо, в дверь раздался стук.

— Войдите, — сказал я угрюмо, думая, что стучит кто-либо из приятелей-студентов.

Вошел тот пожилой господин, которого я вчера видел с Валею.

Я был изумлен, я встал и сказал гневно:

— Что вам угодно, ваше сиятельство? Неужели вы думаете, что я с вами стану разговаривать? Я жду ваших секундантов, и с ними мы условимся о подробностях. Нам же с вами говорить не о чем.

Мой посетитель (он был уже без пальто) спокойно подошел к креслу, сел, хотя я продолжал стоять, и сказал тихим, ровным голосом:

— Не волнуйтесь, Константин Петрович. Нам поговорить с вами надо. Валентина Николаевна мне все про вас рассказала. Выслушайте же меня, и, может быть, вы отнесетесь ко мне иначе.

— Извольте выйти вон! — крикнул я, — или теперь я прикажу вас вывести. Я здесь у себя и не желаю терпеть вашего посещения.

— Позвольте прежде всего представиться, — все так же спокойно возразил мой гость. — Вы вчера не взяли даже моей карточки. Александр Сергеевич Вяземский, не князь и не граф, так что, вы напрасно титузуете меня сиятельством. А потом сядьте и выслушайте меня.

— Это наглость! — сказал я, но, подчиняясь уверенности голоса моего гостя, действительно сел против него.

— Константин Петрович, — начал свою речь Вяземский, говоря ровно, отчетливо, не повышая голоса, — вы вчера хотели дать мне пощечину (я сделал движение), ну, допустим даже, что дали мне пощечину, — я не настаиваю на этом. Я вас вполне понимаю, но мне хотелось бы, чтобы и вы меня поняли. Только после этого мы решим, следует ли нам убивать друг друга, потому что я охотно не стану требовать удовлетворения за этот ваш... поспешный жест.

— Я скоро повторю этот жест, — мрачно сказал я.

Вяземский продолжал:

— Прежде всего, позвольте вам сказать, что я вчера говорил неправду, уверяя, что вас не знаю. Я вас знаю с того самого дня, как мы встретились в ресторане. Тогда же я спросил у Валентины Николаевны, кто вы такой, и она рассказала мне про ваши с ней отношения.

— Про наши отношения? — переспросил я.

— Да, про ваши отношения. Она мне сказала, что вы ее любите, и что она вас любит, что вы целуете ей руки и что однажды вы поцеловались в губы, — да, при вашем отъезде с дачи. Далее я знал, что вы ей делали предложение, даже не раз, но она вам отказывала. Еще я знал, что вы встречаетесь с Валентиной Николаевной, и, сознаюсь вам, несколько раз я сам отвозил ее на свидание к вам.

— Отвозили, вы? — опять переспросил я.

— Да, отвозил, иногда к рядам, иногда к Александровскому саду, а когда она была у вас, здесь, я поджидал ее, с лошадьё, на углу, так как у нас было решено, что мы вместе поедём в кабаре.

Я смотрел на этого спокойного пожилого господина, с холеными седыми усами, и ярость только росла во мне. Я спрашивал себя, не броситься ли мне на него сейчас, не разбить ли ему голову тяжелым пресс-папье, не задушить ли его на месте? Сжимая зубы, я спросил:

— Зачем же вы изволили заниматься столь почтенным делом, как сводничество, притом для своей...

Вяземский докончил:

— Для той, которую я люблю? Постараюсь объяснить. У нас с вами, видимо, различные взгляды на любовь. Вы считаете, что женщина, которая вам нравится, должна быть вашей собственностью. Я думаю, что она вправе и должна сохранить всю свою свободу. Вы, может быть, мне не поверите, но я люблю Валентину Николаевну подлинной любовью...

— Почему же вы возите ее по притонам, вместо того, чтобы жениться на ней? — прервал я.

— Простите, Константин Петрович, вы моей жизни не знаете. Жениться я не могу, а впрочем, и не хочу. Что же касается того, что вы называете притоном, то я это не считаю чем-либо более позорным, чем холостая комната, где вы, вероятно, принимали своих случайных подруг и куда вы привели, однако, Валентину Николаевну.

— Я с вами спорить не намерен, — возразил я, — продолжайте.

— Благодарю вас за позволение. Итак, я люблю Валентину Николаевну, и много раз слышал от нее, что и она меня любит...

— Вы лжете!

— Я мог бы доказать вам правдивость моих слов ее письмами, но вы понимаете, что я не хочу прибегать к таким доказательствам. Я продолжаю. Хотя Валентина Николаевна меня любит, я вовсе не считаю это препятствием к тому, чтобы она любила других. Вы ей понравились, она мне говорила, что вы очень милый мальчик, что вы ее очень любите. Зачем же я стал бы ее лишать радости встречаться с вами?

— Но вы запретили ей целоваться?

— Напротив, я постоянно убеждал ее, что она вполне свободна поступать, как ей хочется. Я повторял ей, что она властна, если ей это нравится, целоваться с вами или даже вполне вам отдаться. Это — ее дело, а не мое.

— И, если бы она мне отдалась, вы воспользовались бы случаем, чтобы избавиться от наскучившей вам женщины?

— Нет, мои отношения к Валентине Николаевне от этого несколько не изменились бы. Я расстался бы с ней лишь в том случае, если бы она разлюбила меня или я перестал бы ее любить... На последнее я, впрочем, не надеюсь, — добавил он с улыбкой.

Тогда я встал и сказал, как бы резюмируя наш разговор:

— Вы — негодяй. Я не верю ни одному слову, какое вы сказали. Знайте, что я знаком с Валентиной Николаевной уже четыре месяца. Она была честная и благородная девушка, пока не встретила с вами. Вы ее развратили и обольстили. За это вы дадите ответ мне, и ваши увертки, ваша клевета вам не поможет.

— Пойдите, — возразил Вяземский, — вы говорите, что знакомы с Валентиной Николаевной четыре месяца, и думаете, что я своим вторжением разрушил ваше счастье. Я принужден вам признаться, что у нас с Валентиной Николаевной есть ребенок, и ему уже более четырех месяцев.

Снова я был потрясен, словно электрическим током. У Вали, у этой девочки, ребенок! Я тупо смотрел на Вяземского, даже не имея сил задать ему вопрос. Он спокойно подтвердил свои слова:

— Да, у нас дочь, и это еще теснее связывает нас. Именно по причине рождения этого ребенка Валентина Николаевна и должна была уехать этой весной от матери. Я сообщаю вам все это с разрешения Валентины Николаевны, которую я убедил, что лучше сказать вам всю правду. Она и сама подтвердит вам мои слова, если вы с нею еще раз встретитесь.

Вяземский смотрел мне в глаза, слегка покачивая ногой, заложенной на другую. Его лицо, в тумане, то приближалось ко мне, то уходило в недостижимую даль. Сделав над собой усилие, я сказал:

— Кажется, вы мне сказали все, что хотели. Будьте добры удалиться. Но знайте, что я от своего решения не отказываюсь.

— Вы еще подумаете, — сказал Вяземский, вставая. — Помните, что я ничего не имею против вашего знакомства с Валентиной Николаевной. И, если она мне скажет, что предпочитает вас, я тотчас отойду в сторону, как бы мне это ни было тяжело. Вот, на случай, мой адрес. До свидания.

Он вышел.

VII

Я долго думал о словах Вяземского. Странно, но я ему верил. Конечно, было в его признаниях и желание отстранить соперника. Но я был убежден, что факты, которые он сообщил, — истинны. Все сказанное слишком совпадало с действительностью.

Разорвав свое первое письмо к Вале, я написал ей другое, в котором просил ее ответить мне прямо и откровенно, кого она предпочитает, меня или этого Вяземского. Я предлагал вызвать его на дуэль и, в том случае, если останусь жив, опять просил Валу быть моей женой. Я добавлял, что моя любовь несколько не изменилась от всего того, что я узнал. Но эти последние слова были уже прямою ложью.

«Кто жил и мыслил, тот не может в душе не презирать людей». Я должен был бы презирать себя, потому что, на самом деле, в моей душе уже не стало любви к Вале, когда я узнал, что она любила другого, что она была близка с этим другим, что у нее был ребенок. Постыдное, атавистическое чувство, требующее от избранницы, от невесты той непорочности, какую мы, мужчины, никогда не приносим ей в дар!

Мое письмо осталось без ответа. Я написал второе, и сам отвез его на маленькую станцию, где жила Валя. Я просил ее встретиться со мною, чтобы обсудить все вместе. Я опять не получил ответа и, сознаюсь, тайно был рад этому. Мне не хотелось более встречаться с Валей. Не выслушав обвиняемой, я в душе уже осудил ее бесповоротно. Была ли она в чем-либо виновна, или ее оклеветали, все равно. Не только «жена Цезаря», но жена каждого из нас, в нашем мужском представлении, должна быть свободна даже от подозрения.

Вскоре я переехал в Харьковский университет.

*Публикация Станислава Никоненко.
Иллюстрация Льва Рябинина*

Небесная покровительница

Любовь Русева

— Ох-хо-хо-хох, — прокряхтел подполковник, потирая болевшие суставы ног, — грехи наши тяжкие.

— И то верно-с, — вздохнул профессор. — Запустили вы свою хворь, Владимир Иванович. Ох, как запустили. У вас ведь, кроме жестокого ревматизма, расширение вен да застой венозной крови-с.

Я вот вам рецептик написал, только в вашем положении-с вряд ли стоит ожидать особого облегчения.

— Вы, как и все врачи, к которым я обращался, говорите то же самое.

— Помилуйте, Владимир Иванович, но я же не Бог! Не придумано-с еще средство от сей хвори. Кабы вовремя спохватиться да усердно лечиться — другое-с дело, а подобной запущенной формы я в своей практике не припомню-с.

— Так ведь трижды по совету докторов ездил на Сакские грязи. Вроде помогали, только, как вернусь домой, непременно простужусь, и снова ноги опухают. После последней поездки, как видите, почти обезножел, с трудом по комнате передвигаюсь.

— Петербург — не Крым, сударь, при нашем климате с вашей

«Домик в Петербурге». Художник Мстислав Добужинский.

хворью, ох, как беречься надо. Еще одна простуда-с, и приглашайте, Владимир Иванович, не докторов да профессоров, а священника. — Профессор попрощался, но, выходя из комнаты, в дверях обернулся и серьезно добавил: — Позволю-с себе дать вам совет: не тяните с завещанием.

— Завещание... — тихо молвил подполковник. — А что завещать-то? Что нажил я за свою боевую службу? Раны да ревматизм, будь он проклят!

От сознания того, что семья после его смерти будет влачить почти нищенское существование, Никольский совсем расстроился. Пока служил, сводили концы с концами, а теперь... По дряблым щекам поползли крупные слезы.

От тяжких дум вояку отвлек грохот. Савелий, подслушавший разговор, в сердцах бросил дрова на пол и, ворча, принялся растапливать печь.

— Ишь, чего удумал — завещание... Самому, лысому черту, его кропать впору... И попа сам пусть приглашает... Лечиться надо-с!.. Поглядел бы я, как он на горе Святого Николая лечился. Он туточки в тепле отсиживался, а служивые

на часах насмерть замерзали... Ему бы в скрюченные руки ружо да на отмороженных ногах в штывковую на турка идтить.

— Разве ж он виноват, что его с нами не было?

— И неча уму-разуму учить, — резко выпрямился Савелий. — Будь моя воля, я бы ентих духторов анафеме предал. Помочи никакой, одно расстройство.

— Не ворчи, и без тебя тошно.

— Я вот что, барин, скажу: езжайте-ка на Смоленское кладбище, помолитесь на могилке матушке Ксении, попросите рабу Божию о здравии, глядишь, хворь как рукой сымет.

— Мне уже теперь ничто не поможет.

— Поможет, всенепременно поможет. И не таким помогал. Припомните, как наследник наш, цесаревич, болен был.

— Да, вся Россия тогда молилась, чтобы Спаситель и его к себе, подобно Николаю Александровичу, не призвал. Неужто блаженная наша помогла?

— А то! Зря, что ль, дочь свою Ксенией нарек?

Из покоев больного государя Александра Александровича вышла изможденная Мария Федоровна. Которые сутки она не спала, неотлучно находясь при супруге. В коридоре у окна ее поджидал истопник.

— Ваше высочество, дозвольте мне помочь страждущему.

— Как же ты сможешь, когда врачи бессильны?

— Вот возьмите да положите под подушку его высочества.

— Что это?

Церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы и Святого Апостола Матфея, прихожанкой которой была Ксения Петербургская. Фото начала XX века.

— Песок с могилки рабы Божией Ксении. Я ведь когда-то сам был сильно болен, меня уж и причастили, да только матушка принесла сего песку, через него и получил я исцеление.

Мария Федоровна поблагодарила слугу за доброту и, мало веря в чудо, положила мешочек под подушку. Ночью же с ней произошло

нечто странное. Сидя у изголовья больного супруга, она, измотанная, ненадолго забылась. Привел ее в чувство неожиданно раздавшийся голос:

— Твой муж исцелится.

Мария Федоровна вздрогнула: перед ней стояла старая женщина, в каком-то странном одеянии. Как она проникла во дворец?

— Девочку, что носишь под сердцем, назовите в мое имя Ксенией, — продолжала гостя, — и она будет хранить вашу семью от всяких бед.

Мария Федоровна удивленно посмотрела по сторонам, но комната была уже пуста.

— Ты кого-то ищешь? — вдруг раздался голос очнувшегося мужа.

— Тут только что была женщина... Боже праведный, Александр! Ты вернулся ко мне! — разрыдалась великая княгиня от счастья.

Через несколько месяцев (25 марта 1875 года) на свет появилась Ксения Александровна. А благодарная Мария Федоровна до конца жизни ежегодно посещала могилу блаженной Ксении.

Девочка, видно, действительно стала ангелом-хранителем великокняжеской семьи. Уберегла она отца в русско-турецкую войну, во время которой он командовал Ру-

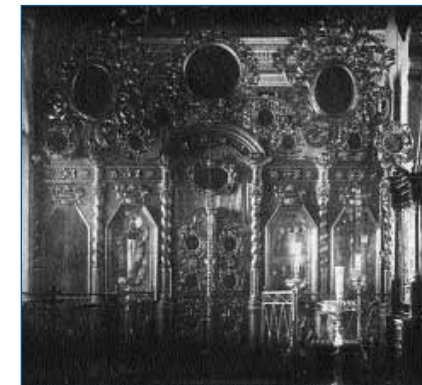
жским отрядом, разгромившим армию Сулеймана-паши. В 1880 году семья чудом не пострадала от взрыва террористов в Зимнем дворце — впервые опоздала к обеду. Не удалось заговорщикам убить Александра III в 1887 году. На следующий год произошло страшное крушение поезда, при котором непостижимым образом не пострадала императорская семья. Уберегла она от рук убийц и брата своего (будущего императора Николая II) во время покушения в Японии.

Но 25 июля 1894 года Ксения Александровна покинула семью — она стала женой великого князя Александра Михайловича. И в этом же году, 20 октября, скоропостижно скончался ее отец — сорокадевятилетний император-миротворец Александр III.

Хоть и жарко растопил печь Савелий, но Никольского лихорадило. Разыгравшаяся непогода отразилась на его состоянии, и нестерпимые боли не давали уснуть. Верный Савелий коротал с барином ночь. Боевые товарищи вспоминали далекие Балканы и знаменитое Шипкинское сражение, где столько сынов России отдали жизни свои за освобождение единоверцев от многовекового ига...

— В жизнь не забуду я 11 августа, — грустно бросил Савелий. — Я каждый год в храм Божий хожу, свечки ставлю. Как вспомню чересов, что в тыл к нам прорвались, волосы дыбом встают.

— Слава Богу, отбились от них, — скривился подполковник, потирая суставы. — А помнишь, Савелий, ночь пятого сентября?

Интерьер церкви во имя Покрова Пресвятой Богородицы и Святого Апостола Матфея. Фото начала XX века.

— Как же забыть ее, барин? Как енти басурманы поганые из своих пушек накрыли нас тогда!

— Конец бы нам, если бы не та отчаянная рукопашная схватка. Выбили-таки супротивника с Орлиного гнезда, — горделиво приосанился подполковник.

До самого рассвета Никольский и Савелий предавались воспоминаниям. Под конец добрым словом вспомнили князя Святополк-Мирского и знаменитого белого генерала — Скобелева, пришедших под самый Новый год с подкреплением. Вспомнили и окончание печального «шипкинского сидения», последние бои и радость освобожденных в 1878 году болгар.

— Помогите-ка, дружок, мне встать да одеться.

— Никак, собрались куда?

— Пойду к рабе Божией Ксении, попрошу ее об исцелении.

— Как же пойдете, коли комнату свою перейти не в силах? Я мигом извозчика найду.

— Дойти до Смоленского кладбища пешком я решительно не смогу, но и ехать на извозчике не хочу. Должен же я взять на себя хотя какой-нибудь труд, дабы молитва моя стала более угодна. Неужто на Святой горе Николая сдюжил, а тут пред недугом отступлю?! Нет, брат. Дойду пешком до Смоленской конки... На ней доеду до конца Семнадцатой линии Васильевского острова, а оттуда опять пешим до часовни блаженной Ксении.

Сказано — сделано. Только на первый отрезок пути ушло у Никольского полдня. Около часа ехал он на конке. От 17-й линии Василь-

евского острова до часовни Ксении — и вовсе рукой подать, однако, благодаря черепашью ходу, это расстояние подполковник преодолел за два часа. В часовню он добрался уже вечером, когда священник закончил последнюю панихиду и собирался домой.

— Батюшка, Христа ради, отслужите еще одну панихиду. С расвета к вам добираюсь.

Сжалился над больным священник, отслужил. Владимир Иванович, преодолевая боль, опустился на колени. Так и простоял он на больных суставах, моля Ксению об исцелении. По окончании панихиды, Никольский приложился к могилке Блаженной и пошел из часовни вместе со священником. Дорогой он все расспрашивал его о рабе Божией Ксении.

Небесная покровительница Петербурга Ксения Григорьевна родилась в 1735 году. Судьба, казалось, благоволила к красавице: замуж вышла по любви да за хорошего человека. Супруг ее — Петров Андрей Федорович — полковничьего чина был и служил придворным певчим. Проживала счастливая чета в собственном доме на Лахтинской улице. Только недолго длилось счастье — в 1759 году Андрей Федорович неожиданно скончался. Так в двадцать шесть лет Ксения Григорьевна осталась вдовой.

— Ваше сиятельство, образумьте невестку нашу, — слезно молила родня Петрова. — Совсем обезумела после кончины Андрея. Все имущество свое раздала нищим да дом вздумала подарить Антоновой.

Видно, действительно от горя у

бедняжки разум помутился. Вдову срочно вызвали во дворец.

— Ваше сиятельство, разве смерть моего супруга не доказывает, сколь непрочно и суетно земное счастье? Истинное счастье на Земле невозможно, все земное лишь препятствует достижению истинного счастья на небе, в Боге.

— Побеседовал его сиятельство с Ксенией Григорьевной, — продолжал рассказ священник, — да убедился, что она в здравом рассудке, потому и право имеет распоряжаться по своему усмотрению своим добром. Просто эта женщина, истинно любя мужа, избрала тяжелый путь юродства, дабы вымолить у Господа для своего Андрея место среди святых.

Юродивые принимали на себя из любви к Богу и ближним один из подвигов христианского благочестия — юродство о Христе. Принимая вид безумного человека, добровольно отказывались от удобств и благ жизни земной и от кровного родства. Ксения же, обрядившись в мундир покойного супруга, перестала откликаться на свое имя. Всем сочувствующим она твердила одно: «Андрей Федорович жив, это супруга его Ксения умерла».

Возможно, Блаженная на путь юродства стала по наущению ее духовного отца — старца и подвижника прошлого века Федора Ушакова.

— Как же, как же, знаю, — закивал Владимир Иванович, — он ведь, как и я, офицером был, только служил при дворе.

— Верно, служа при дворе, Ушаков знал с придворными из певческой капеллы. Как-то во

Св. Ксения
Петербургская и
св. прп. Серафим
Саровский.
Ксения родилась
в День памяти
св. прп.
Серафима.

время дружеского ужина неожиданно скончался один из его товарищей. Это так сильно повлияло на Ушакова, что он оставил воинскую карьеру и стал монахом. Ушаков был игуменом Санаксарского монастыря, основал он и женскую Алексеевскую обитель, что близ Арзамаса. Старожилы утверждают, что блаженная Ксения отсутствовала в Петербурге восемь лет, кои провела в Алексеевской обители.

— Батюшка, а как петербуржцы восприняли «возродившегося» Андрея Федоровича?

— Да как? Поначалу многие жалели несчастную, некоторые же глумились над ней, особенно мальчишки. Только блаженная все сносила, пред ней был образ Страдальца-Христа, безропотно сносившего и поругания, и оплевания, и распятие. Заинтересовалась, было, Ксенией Григорьевной и полиция, поскольку она часто пропадала по ночам. Стали следить, куда она ходит, чем занимается. Выследили да успокоились. Юродивая за город уходила да коленопреклоненно посреди поля все ночи напролет молилась до самого восхода солнца, попеременно делая земные поклоны на все четыре стороны света. А днем бродила по Петербургской стороне, в районе прихода церкви святого Апостола Матфея, где обитали в деревянных домишках небогатые люди. Вскоре заметили, что странные безумные речи Блаженной полны смысла, что Господь даровал ей чудесный дар прозорливости, коим она многим помогла.

— Да, да, я что-то слышал, что по ее наущению бездетная женщина сына себе нашла.

Памятник
Ксении
Петербургской
в городе Тверь.

— Верно, — кивнул священник, — сие случилось с Параскевой Антоновой, которой Блаженная дом своей подарила.

Антонова занималась своим делом, когда к ней наведалься юродивая. На радостное приветствие подружки детства та сурово бросила:

— Вот ты тут сидишь да чулки штопаешь, и не ведаешь, что тебе Бог сына послал! Иди скорее на Смоленское кладбище!

— Сейчас, Андрей Федорович, бегу.

Параскева знала, что из уст Ксении никогда не исходит слово неправды, а потому, веря, что должно случиться нечто особенное, поспешила на Смоленское кладбище. Близ него Антонова увидела большую толпу, подошла разузнать, что произошло. Оказалось, какой-то извозчик сбил с ног беременную женщину, та тут же на улице разрешилась от бремени мальчиком, а сама скончалась. Параскева взяла младенца к себе. Узнать, кто были его мать и отец, ни Антоновой, ни полиции не удалось. Так сирота обрел мать. Параскева воспитала приемыша, дала ему хорошее образова-

ние. Он сделался видным чиновником, да вы, я думаю, его знаете. Достойным вырос человек, свою приемную мать до самой ее смерти берег. Он часто заходит в часовню. К памяти блаженной Ксении относится с глубоким благоговением.

В приходе нашем много народу, коим Блаженная помогла. Вот, к примеру, семейство Голубевых.

Блаженная Ксения часто навещалась к вдове Голубевой. Особенно она любила ее семнадцати-

летнюю красавицу-дочь за кроткий, тихий нрав и доброе сердце. Как-то зашла она к ним, а мать с дочерью сидят за столом да кофе готовят.

— Эх, красавица, — обратилась юродивая к любимице. — Ты вот тут кофе варишь, а муж твой жену хоронит на Охте. Беги скорее туда!

— Как так?! — оторопела девушка. — У меня и жениха-то нет, а тут какой-то муж, да еще жену хоронит?

— Иди, — сердито буркнула Ксения, не любившая возражений.

Голубевы, почитавшие Ксению за угодницу Божью, тотчас же отправились на Охту. Здесь они увидели похоронную процессию: хоронили молодую жену доктора, скончавшуюся от неблагополучных родов. Голубевы смешались с провожавшими. После погребения люди стали расходиться по домам, пошли и Голубевы, да только услышали они крик молодого вдовца,

который при виде могильного холма над прахом любимой супруги потерял сознание. Подбежавшие женщины успели подхватить его на руки. Привели несчастного в чувство, познакомились, а через год юная Голубева стала женой доктора.

— Счастливо и безмятежно прожила чета до глубокой старости, — закончил свой рассказ священник. — Перед кончиной они завещали своим детям хранить могилу и чтить память рабы Божией блаженной Ксении.

— Чудеса, — только и мог вымолвить Никольский.

— Чудеса. К тому же горожане стали примечать, что в доме, где побывала Блаженная, всегда водворялся благодатный мир и особенное счастье. Матери замечали, что, ежели Блаженная приласкает или покачает в люльке больного ребенка, тот непременно выздоравливает. Купцы ее особенно жаловали, поскольку стоило Ксении войти

в чью-либо лавку, как тут же народ туда валил, веря, что купленное здесь принесет удачу. Извозчики же, завидев издали Ксению, непременно кричали: «Андрей Федорович, Христа ради, позволь хоть малость тебя подвезти!» Если Блаженная удостоивала кого такой чести, то сие было верным знаком, что работа заладится, и извозчик порадует семью хорошим заработком. Вот так-то.

— Небось, народ ей помогал, — поинтересовался подполковник.

— Желал помочь, только Ксения от помощи отказывалась, все твердила,

что ей ничего не надо. А уж как счастливы были те, у кого она что-то брала. Правда, вещи да копейки (других денег Блаженная не брала) она тут же раздавала нищим. Даже когда камзол и кафтан мужа истлели от времени, она все равно наряжалась в лохмотья. Больно мирянам было видеть ее покрасневшие и распухшие от мороза ноги, обутые в рваные башмаки, да что делать? Не желала она носить новое и добротное. «Мне ничего не надо, — говаривала Ксения. — Вся я тут».

Последнее замечание потрясло подполковника.

— Как же в нашу стужу бродить по улицам в таком одеянии? Разве ж сие возможно?

— Не забывайте великих угодников Божиих, кои силой своей веры творили дивные и не понятные для человеческого разума чудеса. Мы, грешные, лишь удивляемся, как старенькая и слабенькая юродивая выдерживала нашу стужу, наши проливные дожди да трескучие морозы. Но при такой истинно глубокой вере и невозможное становится возможным. Она ведь уже немощной старушкой храм наш помогала строить. Работники стали вдруг замечать, что за ночь кто-то неведомый натаскивает на леса горы кирпича. Решили выяснить, кто им помогает? Каково же было их изумление, когда они застали за сей трудной работой юродивую, что обосновалась на нашем кладбище. Ее трудный подвиг христианского благочестия — юродство о Христе — длился долгих 45 лет.

С кончиной Блаженной Ксении началось на ее могилу паломничество, где истинные чудеса происходят. Сколько раз приходилось землицы насыпать на ее могилу! Миряне, заметив, что и она помогает страждущим, уносили землицу с собой. Положили каменную плиту — и ту по кусочкам растащили, потом и следующую. Наконец, поставили часовенку. А народу все больше и больше приходит. Теперь песок вокруг часовни уносит с собой.

Уж скольким людям она помогла. Но желающих получить ее исцеление или нуждающихся в другой какой помощи не уменьшается. За-

тем благодарные люди приходят сюда, дабы отслужить по рабе Божией Ксении панихиду.

— Кто меня знал, да помянет мою душу для спасения своей души. Аминь, — процитировал Никольский слова, прочитанные им в часовне.

— Думаю, и вы теперь к нам заходите, — улыбнулся священник на прощание.

Владимир Иванович расстался с батюшкой почти у самой остановки конки на углу 17-й линии и Камской улицы.

— Боже мой! — воскликнул пораженный Никольский, понявший, наконец, улыбку священника. — Ведь я совершенно свободно прошел расстояние, на которое перед этим затратил целых два часа!

Вагон, запряженный лошадьми, готов был уже тронуться, но подполковник пожелал «испытать свои ноги» и пройти до следующего разъезда конки на Малом проспекте.

Счастливым чудесным исцелением Никольский не шел, а летел. Разъезда он достиг гораздо раньше вагона, поэтому ему пришлось даже ждать его.

Можно ли описать радость человека, которому советовали писать завещание? Владимир Иванович совершенно выздоровел, и с тех пор предпочитал ходить пешком. Этот участник русско-турецкой войны 1877 — 1878 годов был жив и здоров еще и в следующем столетии — по крайней мере, до 1907 года.

А на могиле блаженной Ксении все продолжают совершаться чудеса. И одно из них стоило отцу

*Богослужение
в часовне Ксении
Петербургской
на Смоленском
кладбище.*

*Часовня
Блаженной
Ксении
Петербургской.*

Сергию Желудкову его места. Произошло это в 1959 году. Наро-ду, как всегда на Смоленском, было много.

Мать привезла свою пятнадцатилетнюю дочь-калеку в специальной коляске, поскольку девочка, переболевшая в детстве полиомиелитом, не ходила. По просьбе несчастной матери, отец Сергей отслужил панихиду по блаженной Ксении.

Поскольку было воскресенье, то после литургии многие прихожане перешли в церковный сад. Тут-то все присутствующие и были поражены.

— Я хочу встать и пойти, — неожиданно заявила калекка.

На глазах у всех девочка встала с коляски, прошла несколько шагов и снова села. Это повторилось несколько раз, пока она окончательно не пошла, и с тех пор начала нормально ходить.

Пораженные свидетели моментально разнесли по Ленинграду эту весть. А отец Сергей за «чудесное исцеление» угодил в тюрьму. Ему предъявили обвинение в «религиозном шарлатанстве». Очевидцев происшествия стали вызывать в соответствующие органы. Запуганные всевозможными репрессиями в случае продолжения распространения слухов, они молчали. Молчали во время следствия и мать с дочерью, а следователи требовали от священнослужителя предъявить «вещественные доказательства» чуда. Отцу Сергию грозил срок заключения до трех лет.

«Двор».
Художник
Мстислав
Добужинский.

Слаб человек, да сильна небесная наша покровительница, не оставившая в беде отца Сергия. Во время обыска в доме арестованного священника в кармане его пальто нашли письмо от матери девочки, в котором она благодарила отца Сергия за исцеление ее дочери.

После обнаружения этого вещественного доказательства следствие прекратили и дело закрыли. И все же отцу Сергию, как пишет Михаил Георгиевич Аксенов, запретили служить в храмах Ленинградской области и не давали приходов в тех местах, куда он вынужден был переселиться.

В результате борьбы с «опиумом для народа» часовню закрыли, и додумались власти открыть здесь сапожную мастерскую. Только, говорят, дело не пошло — Ксения не позволила, «гвозди не забивались, отскакивали от подошв».

Заброшенная часовня была освящена в 1987 году митрополитом Ленинградским и Новгородским, ныне нашим патриархом Алексием II.

На Освященном Поместном Соборе Русской Православной Церкви, посвященном юбилею 1000-летия Крещения Руси, проходившем в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре 6 — 9 июня 1988 года, канонизировали некоторых святых, среди них была и небесная покровительница Петербурга и всех страждущих Блаженная Ксения.

«...Итак, в полном убеждении об истинности и достоверности чудес, по молитвам этих подвижни-

ков совершающихся, отмечая всевозможные виды их христианской добродетели, высокой духовной жизни и Церковного служения, Собор определяет: изволися Духу Святому и нам причислить к лику святых угодников Божиих для всеобщего церковного почитания следующих подвижников христианского благочестия:

...Блаженную Ксению Петербургскую (XVIII — нач. XIX в.), бывшую юродивой, почитавшуюся еще при жизни и на протяжении всего XIX, XX веков скорой помощницей и чудотворицей. Ради спасения и любви к ближним она взяла на себя подвиг казаться безумной. За свои труды, молитвы, лощения, странничества и претерпевания со смирением насмешек Блаженная получила от Бога дар прозорливости и чудотворения. Ее часовня на Смоленском кладбище С.-Петербурга была испещрена благодарениями за соделанные чудеса по ее молитвенному предстательству...»

Нескончаемым потоком продолжают идти письма с разных концов нашей планеты в небольшую часовню на Смоленском кладбище. Одни просят помочь им в беде, другие благодарят за чудо, произошедшее по молитвам святой Ксении.

С чем только ни обращаются к небесной заступнице! И каждый находит свое утешение и исцеление.

«Кто меня знал, да помянет мою душу для спасения своей души».

6 февраля — день памяти Святой Блаженной Ксении Петербургской.

Помянем и мы ее для спасения своей души.

Радуйся, Ксения блаженная, молитвенница о душах наших.

В 70-80 годах XX века философ и лингвист В.Н. Топоров изучал культ Ксении Петербургской, центром которого (как и сейчас) являлась ее могила на Смоленском православном кладбище в Ленинграде. Это исследование дает нам возможность сейчас представить форму и дух народного почитания Блаженной, каким оно было до официальной канонизации. Вот как он описывает обстановку возле могилы: «Когда у часовни собиралось несколько человек (преимущественно женщин), начинались, нередко издалека, разговоры, тема которых — Ксения. Чувствовалась неуверенность, оглядывались по сторонам, иногда давался сигнал («кто-то идет») и собравшиеся расходились в разные стороны: одни спешно, другие — соблюдая достоинство. Мне не раз приходилось присутствовать при появлении милиционера или людей в штатском.» Стены часовни и забора вокруг нее покрывали бесчисленные надписи. Люди обращались к святой с просьбами о помощи. Эти мольбы сами по себе удивительный, трогательный документ, настоящий срез духовной и мирской жизни — страхов и надежд простых ленинградцев конца советской эпохи. Вот некоторые из них:

Блаженная Ксения, помоги от зла. Верни Юрия.

Боюсь одиночества.

Ксения, дай мне келью одной.

Ксения блаженная, помоги мне поступить в театральную студию.

Дорогая Ксения, не покидай меня, прости. Нада

Ксения преподобная, спаси сыновей Григория и Сергея от пьянства и от всего плохого, от хамства. Раба твоя Галина.

Пошли благополучного размена и спокойствия.

И даже:

Ксения Блаженная, сделай так, чтобы «Зенит» выиграл.

Олимпия

Ирина Опимах
У этой картины великого французского художника Эдуарда Мане — сложная, длинная, противоречивая судьба, в которой — и гениальные прозрения ее создателя, и величайшие заблуждения современников, и глубочайшая благодарность потомков — за истинное искусство.

мане

В Париже, на улице Медерик, до сих пор стоит дом, где Эдуард Мане снимал мастерскую с 1861 по 1871 год, правда, в те времена улица называлась Гюйо. В этой мастерской были написаны его знаменитые шедевры — «Завтрак на траве» и «Олимпия». Тут же, в этом районе, жил Золя, неподалеку была мастерская, в которой работали Базиль и Ренуар. Мане очень любил бродить по парижским улицам — здесь он находил персонажи для своих картин, здесь пропитывался духом любимого города. Недаром Бодлер писал, что Париж не знал «фланера, подобного Мане, поскольку фланирование такого фланера было чрезвычайно полезно». Маршрут от дома до мастерской, где художник жил с Сюзанной Ленхоф, позже ставшей его женой, сулил множество неожиданных и приятных приключений. Вдруг встретится хо-рошенькая девушка или талантливый уличный музыкант, или приятель с последними новостями, а еще можно зайти в кафе выпить чашечку кофе... Рядом с площадью Мобер жил ремесленник, который травил

для Мане медные доски для офортов. Как-то, проходя через площадь, Мане увидел девушку, поразившую его с первого взгляда. Стройная, изящная, светлые, с рыжеватым оттенком, пышные волосы, тонкие запястья, прекрасные пропорции. Похоже, ей не больше двадцати. Он просто должен уговорить ее придти в мастерскую! С ее помощью он сможет сделать такое, что не удавалось еще никому!

Мане, когда хотел, мог быть само очарование. «Среднего роста, скорее небольшого. Волосы и борода светло-каштановые. Близко поставленные глаза сияли юношеской живостью и огнем...Тонкие губы изогнуты в постоянной усмешке». — Так описывал своего друга Эмиль Золя. Всегда элегантно одетый, с цилиндром, чуть сдвинутым на затылок, Мане производил неотразимое впечатление как на мужчин, так и на дам. И вот он уже рядом с очаровательной незнакомкой и, с присущим ему обаянием, непринужденно и весело, спрашивает, не согласится ли мадемуазель провести с ним некоторое время — попозировать для одной

из его картин? Его мастерская совсем недалеко...Мадемуазель не составит никакого труда дойти до нее. А кстати, его имя Эдуард Мане. А как зовут мадемуазель?

Викторина-Луиза Меран — так представилась девушка — поначалу растерялась, ведь не каждый раз встречаешь таких приятных молодых и учтивых господ, да еще художников, да еще предлагающих заработать таким, по ее мнению, простым способом — сиди себе, ничего не делай, а потом получай франки, которых всегда так не хватает. А ей, уроженке Монмартра, очень хотелось вырваться из каждодневной нужды, хотелось не думать о том, на что завтра жить. По утрам она рассматривала свое лицо в зеркале — белая безупречная кожа, карие глаза, густые волосы — ну, почему бы ей не стать артисткой, не выступать на сцене какого-нибудь знаменитого парижского театра? Что она — хуже нынешних знаменитостей? И она соглашается на предложение Мане. А вдруг это шанс? Ведь она попадет в мир художников и их друзей, а там, кто знает, как все сложится?... У нее уже был некоторый опыт работы натурщицей — она как-то позировала в мастерской мсье Кутюра, и, признаться, отвращения у нее эта работа не вызвала.

Шел 1862 год, и Викторине было всего 18 лет. В такие годы решения принимаются быстро, и так хочется перемен! И вот она уже в мастерской Мане на улице Гюйо, бренчит на гитаре. О, Викторина умеет играть? И Мане вспоминается незнакомка с гитарой, которую он встретил как-то на улице, когда она выходила из сомнительного кабачка. Женщина грациозно приподняла край юбки, при этом придерживая гитару. Он тут же подошел к ней и предложил попозировать, но красотка дерзко рассмеялась ему в лицо — похоже, зарабатывала она на жизнь совсем иным путем. Так почему бы Викторине не стать уличной музыкантшей? И художник приступил к работе над «Уличной певицей» — она выходит из кабаре, придерживая одной рукой гитару, и ест вишни — типичная парижанка, типичная девушка с Монмартра.

У Викторины, по-видимому, действительно был определенный актерский дар — она могла легко перевоплощаться в совершенно разных персонажей, при этом оставалась поразительно естественной и свободной. Никакой зажатости, полное послушание, точное следование указаниям художника. А какое терпение! О такой модели можно только мечтать. Как же мне повезло! — не раз восклицал Мане и благодарил Бога за ту случайную встречу. Лицо Викторины обладало удивительным свойством — оставаясь узнаваемым, оно могло в каждой новой картине приобретать какие-то новые черты, не теряя своей острой современности. Ее героини — это всегда парижанки конца XIX века. И Мане, прекрасно ощущая эту ее особенность, пользовался уникальным даром своей любимой натурщицы — а она стала его любимой натурщицей. Он писал ее в самых раз-

Проходя через площадь, Мане увидел девушку, поразившую его с первого взгляда. Он просто должен уговорить ее придти в мастерскую! С ее помощью он сможет сделать такое, что не удавалось еще никому!

ных образах, словно гримируя для нового спектакля, новой сцены, новой роли. На его полотнах Викторина несла с собой облик того времени — расставание с прежними романтическими идеалами, цинизм, прагматизм, открытую сексуальность.

Кстати, о сексуальности. Мане пишет Викторину и обнаженной. Оба — люди молодые, ему — 30, ей — восемнадцать, и сексуальности в них хоть отбавляй. Пылкому Мане, известному ценителю женских прелестей, трудно устоять перед прелестями Викторины, да, впрочем, а надо ли себя сдерживать? Связь между художником и моделью — ну, что может быть естественнее? И однажды после сеанса они находят прекрасный способ сбросить напряжение.

Вскоре по артистическому Парижу поползли слухи — у Мане новая любовница, это его нынешняя натурщица мадемуазель Викторина... Наверное, слухи доходили и до Сюзанны, но она прекрасно знала своего друга и многое ему прощала, мудро закрывая глаза на все его шалости, ведь, по меткому выражению его биографа Перрюшо, «он любил любовь, как другие любят мороженое». Кстати, вскоре ее терпение было вознаграждено — в октябре 1863 года, спустя почти 13 лет после знакомства, она, наконец, становится законной мадам Мане (при этом их общий сын выдается за ее брата и носит ее фамилию!). Уж таковы были тогдашние нравы...

А Мане увлечен новым замыслом — ему хочется написать огромную картину с обнаженной натурой. Вдруг повезет, и именно обнаженная натура, выполненная его мастерской кистью, заставит Париж, да что Париж — всю Францию, понять, что он — великий художник. Позировать, конечно же, будет она, его Викторина. А композиция? Ну, тут он, как правило, решения находил быстро. Зачем что-то придумывать, когда великие художники уже создали до него множество прекрасных картин? Антонен Пруст вспоминал, как Мане во время их прогулки по берегу Сены в Аржантее говорил: «Когда я еще учился у Кутюра (это был известный парижский мастер, школу которого прошли многие выдающиеся французские художники), я копировал Джорджоне — нагую женщину с музыкантами (Мане имел в виду картину «Сельский концерт»). ...Но у меня все будет по-другому — я перенесу сцену на воздух, окружу ее прозрачной атмосферой, и люди будут такими, какими мы их видим сегодня. Это будет какая-нибудь загородная прогулка — то ли купание, то ли завтрак на траве, в общем, увеселительная прогулка».

Но просто так переносить персонажей Джорджоне в Париж начала 1860-х годов как-то не хочется, и Мане ищет новые идеи. И вот удача — ему попадается гравюра Раймонди с рафаэлевской картины «Суд Париса». Три фигуры — одна женская и две

мужские — как раз то, что ему нужно! И, пожалуй, он еще добавит четвертую — пусть в глубине картины будет еще одна обнаженная женщина.

Итак, решение найдено. Осталось только воплотить все это на холсте.

Заручившись согласием Викторины, — ее обнаженная фигура будет на первом плане этой огромной — 2,14 х 2,70 м! — картины, — Мане начинает работу. Для мужских фигур ему позировал его брат Гюстав и брат Сюзанны Фердинанд. Первый раз он пишет такое масштабное полотно, но решительности и веры в собственные силы ему не занимать. Он справится со всеми задачами — и композиционными, и живописными, и сделает это, без сомнения, великолепно.

Каково же было его разочарование, когда выставленная в «Салоне Отвергнутых» картина, поразительная по мастерству, дерзости, живости, остроты современности и невероятной свободе, вызвала ругань и насмешки, острое неприятие даже в среде самых просвещенных и авторитетных критиков и художников, не говоря уж о простом обывателе, который воспринял ее как оплеуху, издевательство, как насмешку над нравственностью и моральными ценностями. Золя писал об этой работе Мане: «Боже! Какое неприличие! Женщины без малейшего намека на одежду среди двух одетых мужчин! Где это видано? Между тем такое мнение было грубейшим заблуждением, так как в Лувре найдется более полусотни полотен, где соединены одетые и полуодетые фигуры. Но в Лувре никто не станет возмущаться. В общем, толпа отказывалась судить о «Завтраке на траве» так, как судят о подлинных произведениях искусства. Она увидела на картине только людей, закусывающих на траве после купания, и решила, что в трактовке сюжета живописец преследовал непристойную скандальную цель, тогда как на самом деле он стремился лишь к резким контрастам и смелому изображению цветочных пятен».

Столь общее осуждение стало страшным ударом для Мане. Вместо триумфа его ожидал полный крах!

Но это еще не конец! Он чувствовал в себе невероятные творческие силы. Он им всем еще покажет!

Поразительно, как много значило для Мане общественное признание. Он, столь свободный в творчестве, не нуждавшийся в заработках, — благодаря своему происхождению мог творить, не думая о заработках и не потворствуя вкусам толпы, — был страшно зависим от мнения критиков, журналистов, публики, приходившей на выставки. Ему страстно хотелось, чтобы они все признали его как гениального художника, но они каждый раз почему-то не понимали его. Тот же Золя писал, что этот «восставший художник любил общество... блестящую жизнь среди восхищенной толпы... Несмотря на желание нравиться, его неудержимо влекло к созданию более резких, более революционных произведений», чем те, что мог воспринять в то время Париж.

Одновременно с «Завтраком на траве» Мане работал над еще одной картиной, ставшей «героиней» Салона 1865 года. И в этой картине, в этом живописном спектакле, главную роль снова сыграла Викторина Меран.

На сей раз Мане решил обойтись без мужчин — пусть на его картине теперь будет только женская фигура. Обнаженная, прекрасная женщина — что может быть лучше? Вдохновлял его и недавний шумный успех другой обнаженной — «Венеры» любимца парижской публики Кабанеля, чья богиня любви была признана символом чистоты, целомудрия, гармонии, и даже король был восхищен этим творением настолько, что купил картину за немалые деньги!

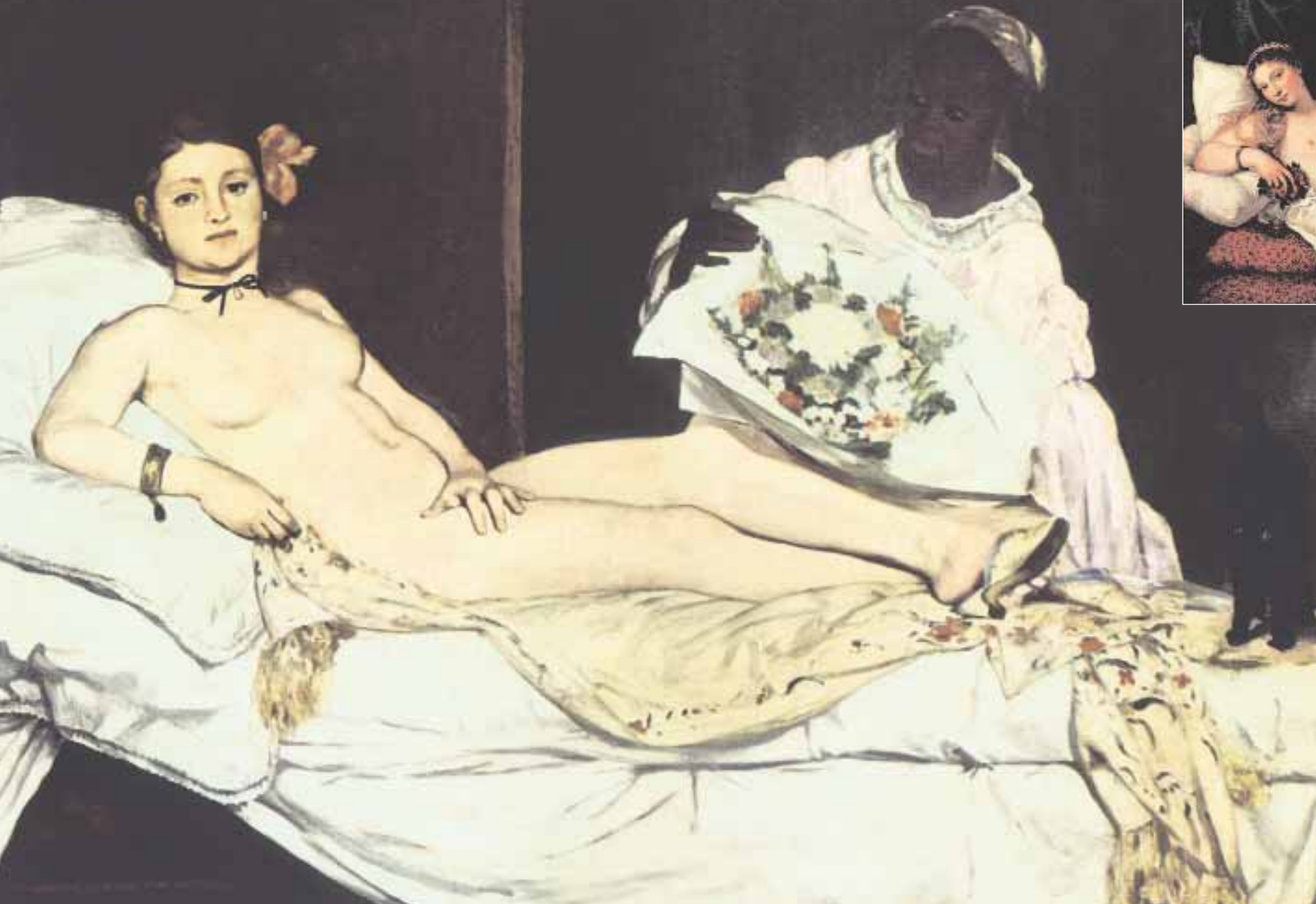
И в этот раз Мане не мучается с разработкой композиции — теперь он решает переосмыслить на собственный лад титиановскую «Венеру Урбинскую», которую когда-то с восхищением копировал в стенах флорентийской галереи Уффици. Постепенно, после огромного количества подготовительных рисунков, рождается его Венера. Тоненькая Викторина лежит на белоснежных простынях. В правой части картины художник ста-

Уличная певица.
Около 1862 г.

вит служанку, подносящую Венере букет, и для большей выразительности делает ее негритянкой (возможно, то была идея Бодлера). Титиановскую собачку Мане смело заменяет на черного кота — он всегда предпочитал кошек собакам. Мане работал, как сумасшедший — картина не оставляла его, требовала внимания, времени, сил, неудержимо

Олимпия.
1863 г.

Тициан.
Венера Урбинская.

влекла к себе. Это было настоящее вдохновение! Закачивая ее, он нисколько не сомневался, что создал истинный шедевр. Но чем больше Мане смотрел на свое творение, тем большие сомнения мучали его душу. Красавица Викторина, эта шейка с бархоткой, стройные ножки, домашние туфельки. Он писал ее так, как видел. А вдруг эта картина тоже вызовет скандал? Он словно слышит все эти улюлюкания, все эти смешки, которыми наградила публика его «Завтрак на траве». Ничего подобного снова он просто не переживет. И Мане решает пока не выставлять полотно, а спрятать его в мастерской. Там его Венера подождет, пока он осмелится показать ее людям. Она его простит...

А пока Мане едет в Голландию — там, в Залт-Боммеле, после тринадцати лет преданности, терпения, любви Сюзанна Ленхоф становится мадам Мане. Мать Мане счастлива — наконец-то, приличия соблюдены, и на радостях она даже добавляет сыну капитал к тому наследству, которое ему и так положено после смерти отца.

Поездка в Голландию и женитьба внесли успокоение в душу художника. Похоже, теперь он снова готов вступить в бой. Решено — он выставит свою «Венеру» на Салоне 1865 года. Только теперь ее зовут «Олимпия».

пия» — так ее назвал Закари Астриук, пришедший в дикий восторг при виде полотна с обнаженной Викторией. Бойкий Астриук тут же сочинил поэму «Дочь острова», и первая строфа ее — решено! — помещена под названием картины.

*Лишь успеет Олимпия ото сна пробудиться,
Черный вестник с оханкой весны перед ней.
То посланец раба, что не может забыться,
Ночь любви, обращая цветением дней,
Величавая дева, в ком пламя страстей.*

Жюри в том году было весьма либерально — картина, конечно же, не понравилась, но зато никто не обвинит их в ортодоксальности, пусть публика сама вынесет приговор этим сомнительным поделкам господ художников. Так «Олимпия» попадает на главную выставку года.

1 мая Салон был торжественно открыт. Когда там появился Мане, его встретили с поздравлениями — какие замечательные работы он выставил в этот раз, говорили ему самые разные люди. Ему прекрасно удаются пейзажи!

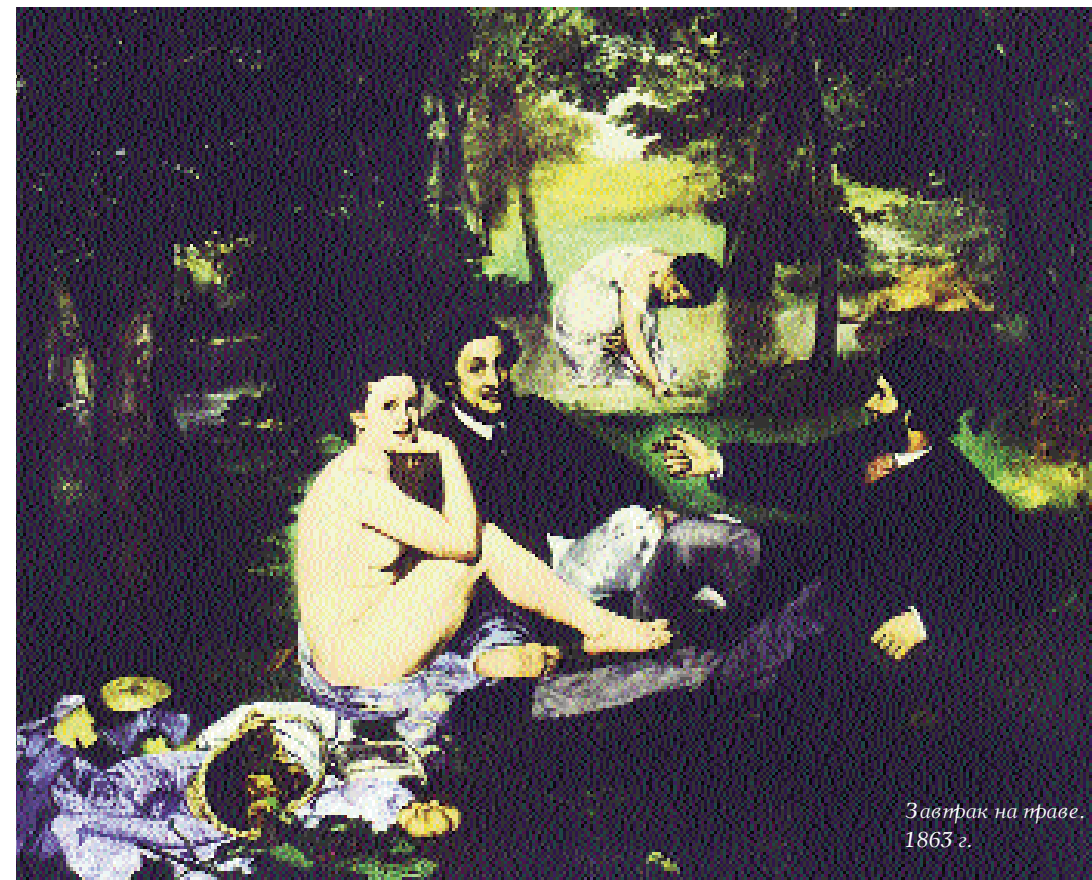
Какие пейзажи? О чем они все говорят? Мане ничего не понимал. Все стало ясно, когда он вошел в зал, где висели работы художников с фамилиями на «М». Там действительно висели два пейзажа некоего Клода Моне. Да что же это такое! Мане взбешен. Откуда взялся этот проходимец? Его действительно все хвалят, зато в «меня швыряют гнилыми яблоками!» Да, сказать, что «Олимпию» не заметили, никак нельзя. По сравнению с накалом страстей, которые она вызвала, история с «Завтраком на траве» казалась невинной пасторалью. Кто эта Олимпия? Не намекает ли автор на одну из героинь «Дамы с камелиями» младшего Дюма, ту самую куртизанку, бесстыдную, развращенную, циничную? Что себе позволяет этот, с позволения сказать, художник? Надругался над женщиной, над красотой и чистотой, изобразил на своем полотне какую-то девчонку-проститутку, создал образ, вполне соответствующий поэзии своего приятеля, этого Бодлера с его «Цветами зла». Порнограф, грязный порнограф!

И все эти крики раздавались в Париже, столице удовольствий, куда устремлялись в поиске острых ощущений молодые прожигатели жизни со всего света, где имена блестящих львиц полусвета звучали громче, чем имена членов правительства, где жили самые дорогие куртизанки, где в полицейской префектуре было зарегистрировано пять тысяч проституток, а сколько девушек занимались этим ремеслом нелегально! В высшем обществе с удовольствием смеялись над двусмысленными шутками, на Монмартре всегда можно было раздобыть порнографические открытки, в театрах распевали скабрзные куплеты, а Мане оказывается развратником!

Так чем же так возмутила посетителей Салона «Олимпия» Мане?

Они увидели худенькую раздетую молодую женщину, на ноге — вполне современная туфелька, в ушах — современные серьги, а еще — черная бархотка на шейке. Все это выглядело весьма вызывающе. Это была не абстрактная мифическая Венера, к которой публика привыкла, а вполне конкретная женщина, чьи занятия и образ жизни легко угадывались. Натурщица, кокетка, дама из кафешантана, проститутка во всей своей очаровательной, победительной порочности. Парижанка, их современница, живая, красивая, только вот усталость и затаенная боль в глазах. «Чистота совершенной линии очерчивает Нечистое по преимуществу — то, чье действие требует безмятежного и простодушного незнания всякой стыдливости», — писал Поль Валери. Именно это так и выводило из себя парижских обывателей — уж слишком живо и честно была написана эта картина. Они еще не были готовы видеть на полотне не условность, а настоящую жизнь, с ее болью, мясом, кровью...

Устроители выставки, опасаясь, что посетители способны в приступе праведного гнева броситься со своими зонтиками и тростями на «Олимпию», поставили у картины двух вооруженных охранников. «Если полотно не было разодрано на полоски, то только благодаря мерам предосторожно-

*Завтрак на траве.
1863 г.*

сти, принятым администрацией», — писал Антонен Пруст.

В начале июня картину переносят в самый последний зал и помещают над огромной дверью так высоко, как никогда не вешали даже самые бездарные работы. Теперь детали трудно различить, но публика, как сумасшедшая, валит в зал поглядеть на эту проститутку Мане.

На столь выдающееся событие, как явление «Олимпии» народу, с удовольствием откликнулась пресса. «Что это за одалиска с желтым животом, жалкая натурщица, подобранная Богом, знает где?» — спрашивал журналист «L'Aristie» Жюль Кларети. Обозреватель «Grand Journal» возмущался: «Никогда и никому не приходилось видеть чего-либо более циничного, чем эта «Олим-

пия». Это самка гориллы, сделанная из каучука... Молодым женщинам в ожидании ребенка, а также девушкам, я бы посоветовал избегать подобных впечатлений». Журналисты, как могли, изощрались, придумывая новые сравнения и оскорбления. «Толпа теснится перед «Олимпией», как в морге». — Так рассказывали своим читателям о самом громком скандале года в «La Press». Самое обидное было то, что даже многие замечательные художники и критики не смогли оценить картину Мане по достоинству. Посетив Салон, Курбе говорил об «Олимпии»: «Но это плоско, здесь нет никакой моделировки! Этот какая-то пиковая дама из колоды карт, отдыхающая после ванны!»

Выносить все это просто невозможно! Его обвиняют в каких-то извращениях, его на-

зывают порочным! Кто же не прав — он или все, кто с такой неистовостью глумится сейчас над ним и его Олимпией? «Ругательства сыплются на меня градом, еще никогда на мою долю не выпадало такого праздника....От этих криков можно оглохнуть, но очевидно одно — кто-то здесь ошибается», — пишет Мане Бодлеру. Поэт, понимая, в каком положении оказался художник, пытается поднять его дух, снова вселить веру в собственные силы, веру в свой талант: «...Над вами смеются, насмешки раздражают вас, к вам несправедливы и т.д. И т.п. Но вы думаете, вы первый человек, попавший в такое положение? Вы что, талантливее Шатобриана или Вагнера? А ведь над ними издевались ничуть не меньше. Но они от этого не умерли. ...Вы — первый посреди упадка искусства нашего времени...»

Это письмо Мане помнил всегда, а тогда, в те страшные дни мая и июня 1865 года, оно

Картину перенесли в последний зал и поместили над огромной дверью так высоко, как никогда не вешали даже самые бездарные работы. Теперь детали трудно было различить, но публика, как сумасшедшая, валила в зал поглядеть на эту проститутку Мане.

стало для него невероятно важным, поддержало, подбодрило, не позволило отчаяться.

В конце июня он бежит из Парижа — едет в Булонь, затем — в Испанию. Поездка немного его успокаивает, а картины Веласкеса и Гойи вдохновляют на новые замыслы. Он снова ощущает желание писать. На вокзале в Андеи, по возвращении во Францию, он протягивает свой паспорт служащему. Тот, прочитав имя Мане, возбужденно зовет жену посмотреть на автора «Олимпии». С любопытством поглядывают на него и другие пассажиры. Мане приобрел всенародную славу!

Сколько же лет Эдуарду Мане пришлось ломать стену непонимания, пробивать новый взгляд на искусство, бороться с косностью, пошлостью, ортодоксальностью публики и критиков! А за ним шли его верные друзья — Ренуар, Моне, Сезанн, Дега, все те, кому он прокладывал дорогу в будущее. Им тоже было нелегко, но он был первым, и ему пришлось труднее всех.

Труд, страдания, непрерывная борьба с обстоятельствами не могли пройти даром. В конце 1870-х годов он стал ощущать неполадки со здоровьем — появились боли в ногах, мучила скованность в движениях. Выяснилось, что это связано с воспалительными процессами в венах. Вскоре он уже писал сидя — стоять было трудно. Но забывая о невыносимых болях, он создает свой последний шедевр — «Бар в Фоли-Бержер». В этой работе Мане достигает невероятных вершин, здесь все, чему он служил и поклонялся — правда и красота жизни. В 1883 году пришлось ампутировать ногу. Операция прошла успешно, но началась лихорадка, которую он уже не перенес. 30 апреля 1883 года Эдуард Мане умер в окружении близких и родных.

Все газеты откликнулись на уход одного из самых ярких художников Франции: «Мы ограничимся тем, что признаем его своим и не вычеркнем его из списка живых, несмотря на преждевременную смерть, которая похитила его у искусства».

За его гробом шел весь цвет французской культуры — Золя, Пруст, Дега, Писсарро, Ренуар...

«Тотчас после кончины, — писал Золя в статье, посвященной посмертной выставке своего друга, — Мане был удостоен неожиданного апофеоза. Вся пресса объединилась, заявляя, что погиб великий художник. Все те, кто накануне издевались и высмеивали его, обнажили головы и заговорили о всенародном признании мастера, триумфом которого стало его погребение... Что ж — повторилась вечная история: людей убивала человеческая тупость, чтобы потом ставить им памятники...»

А картины Мане ждали своего часа в его мастерской — музеи пока не покупали его полотна. Их еще только ждала всемирная слава. Продолжалась история и многострадальной «Олимпии».

В 1889 году Клод Моне объявил об общественной подписке — на собранные деньги он хотел выкупить у вдовы художника «Олимпию» и преподнести ее государству. Удивительно — слава Мане росла, а «Олимпию» очень многие еще не готовы были видеть в стенах государственного музея! «Мне рассказывали, — писала Моне Берта Моризо, замечательная художница и большой друг Мане, — что некто, чье имя мне не известно, отправился к Кэмфену (директору департамента изящных искусств), дабы выяснить его настроение (по поводу «Олимпии»). Кэмфен пришел в ярость, словно «взбесившийся баран», и заявил, что, пока он занимает эту должность, Мане в Лувре не бывать. Тут его собеседник поднялся со словами: «Что ж, тогда придется прежде заняться вашим уходом, а после мы откроем дорогу Мане». Даже Антонен Пруст, друг, блестящий критик, и тот сомневался, стоит ли «Олимпии» появляться в стенах Лувра. Однако он все-таки прислал Моне 500 франков. Золя, к огромному удивлению Моне, денег не дал, сказав, что достаточно защищал Мане своими текстами. В конце концов, нужная сумма была собрана, успешно шли и переговоры с государственными чинами, которые, правда, не давали гарантий по поводу Лувра. В ноябре 1890 года «Олимпия» была принята в Люксембургский музей. Прошло еще семнадцать лет, и, наконец, благодаря другу Моне Клемансо, в то время премьер-министру Франции, картина все-таки заняла свое место в главном музее страны.

Тихим мартовским утром 1907 года, спустя почти четверть века после смерти Эдуарда Мане, к Лувру подъехал фиакар, и два служащих внесли в Лувр «Олимпию». Шедевр повесили в главный зал, напротив «Большой одалиски» Энгра. Так закончилась история этой великой картины.

Сейчас картины Мане («Завтрак на тра-

ве», «Олимпия» и другие) и полотна его друзей-импрессионистов украшают парижский музей Орсе.

А как сложилась жизнь Викторины Меран? Викторина, видя, как принимают картины Мане, очень сочувствовала ему и даже порой отказывалась от денег за позирование — она тогда не нуждалась, поскольку неплохо зарабатывала, позируя другим. Актрисой ей стать не удалось, но, подкупив небольшую сумму, она отправилась в Америку — попытаться там счастья. Через несколько лет Виктория вернулась. Мане пригласил ее поработать с ним еще раз — она стала героиней его картины «Железная дорога, вокзал Сен-Лазар». В усталой молодой женщине с книгой и щенком на коленях трудно узнать чаровницу Олимпию, но Викторина всегда прекрасно умела перевоплощаться в самые разные образы... Она стала брать уроки рисования — долгие часы позирования и общения с художниками не прошли даром — и на Парижском салоне 1885 года она представила автопортрет. Специалисты вспомнят еще две ее работы — «Нюрнбергская горожанка XVI века» (Салон 1879 года) и «Вербное воскресенье» (Салон 1885 года). Однако карьера художницы не сложилась. Постепенно Викторина пристрастилась к горячительным напиткам, завела интрижку с натурщицей Мари Пеллегри, торговала рисунками сомнительного содержания, позже купила обезьянку, играла на гитаре перед заведениями на площади Пигаль, а потом La Glu, Липучка, как ее прозвали обитатели Монмартра, совсем опустилась — в каких-то жалких лохмотьях попрошайничала в кафе и барах. Около 1893 года Тулуз-Лотрек, помнивший, что это та самая Олимпия Мане, изредка навещал ее в ее убогой лачуге, приносил ей сладости, которые она любила. Викторина Меран, любимая натурщица великого Мане, умерла в 1927 году, в весьма преклонном возрасте и в полном забвении.

Но мы ее помним — благодаря замечательному художнику Эдуарду Мане, даровавшему ей вечную жизнь на своих полотнах.

Ирвин Шоу

Маленький Генри Ирвинг

Кости заскакали, как кавалеристы, по бетонному полу первого этажа академии.

— Восемь. — Эдди дернул воротник своей кадетской формы. — Восемь, приходи в восемь, ровно в восемь. — Он поднялся и отряхнул пыль с острых стрелок на коленях. — Смотри сам.

Сторож покачал головой — откинулся на спинку кресла.

— С тем же успехом я могу лечь и умереть. На Рождество! Надо же, чтобы человеку так не везло на Рождество!

— Сыграем на все, — вкрадчиво предложил Эдди.

— Мой внутренний голос советует отказаться, — усмехнулся сторож.

— Сыграем, — просительно повторил Эдди.

— Если я проиграю, у меня не останется ни цента, и на Рождество я не смогу купить себе даже пинту пива.

— Хорошо. — Эдди начал собирать серебряные монеты. — Хочешь закончить, оставшись в проигрыше...

— Сыграем на все, — мрачно перебил его сторож. Он достал последние доллар и двадцать центов с отчаянным спокойствием человека, подписывающего свой смертный приговор. — Давай, Алмазный Джим.

Эдди нежно сжал кости в руках и закачался взад-вперед на костлявых коленях.

Ирвинг, Генри (настоящие имя и фамилия — Джон Генри Бродрибб) — английский актер, режиссер, прославившийся постановками пьес Шекспира.

— Настал момент! — воскликнул он. — О, милые вы крошки...

— Бросай! — раздраженно крикнул сторож. — Довольно поэзии!

— Четыре и три, пять и два, шесть и один, — наставлял Эдди свои руки.

— Бросай! — взревел сторож.

Эдди бросил кости на холодный твердый пол. Они упали рядом, словно любовники, оберегающие друг друга от ударов судьбы.

— Мы видим семь? — спросил Эдди.

— На Рождество! — Голос сторожа переполняло отчаяние.

Эдди тщательно подсчитал деньги и начал рассовывать их по карманам.

— Ты честно сражался, — заверил он сторожа.

— Да, — пробормотал тот, — да. Пройграть мальчишке. Сколько тебе лет? Миллион?

— Мне тринадцать лет, — последние монетки исчезли из виду. — Но я приехал из Нью-Йорка.

— Тебе следовало быть дома, с семьей. Все-таки Рождество. Ты ведь еще маленький. Чертовски жаль, что не проводишь это Рождество с семьей.

Большие темные глаза Эдди вдруг наполнились слезами.

— Папа сказал, что не желает меня видеть весь год.

— Что же ты натворил? — спросил сторож. — Украл его штаны на прошлое Рождество?

Эдди высморкался, и слезы мгновенно высохли.

— Ударил сестру лампой. Большой настольной лампой. — Он насутился. — Я бы

снова ударил. Ее зовут Диана. Ей пятнадцать лет.

— Ай-ай-ай, — покачал головой сторож. — А я-то думал, что ты — хороший маленький мальчик.

— Ей наложили четыре шва. Она плакала целых пять часов. Диана сказала, что я загубил ее красоту.

— От удара настольной лампой красоты не прибавляется, знаешь ли, — резонно заметил сторож.

— Диана собирается стать актрисой. Театральной актрисой.

— Хорошее занятие для девушки.

— Да ладно, — отмахнулся Эдди. — Что в этом хорошего? У нее учитель танцев, учителя английского и французского, верховой езды и музыки, папа всегда целует ее и называет маленькой Бернар. А от нее всегда смердит.

— Негоже так говорить о своей сестре, — покачал головой сторож. — Не желаю слушать маленького мальчика, который отзывается о своей сестре так плохо.

— Да заткнись ты! — с горечью бросил Эдди. — Маленькая Бернар! Подумаешь! Мой папа — тоже актер. В нашей семье все актеры. Кроме меня. — В голосе мальчика слышалась некоторая обреченность.

— Зато ты умеешь бросать кости, — усмехнулся сторож. — Так что, волноваться тебе не о чем.

— Маленькая Бернар! Папа возит ее с собой по всей стране. Детройт, Даллас, Сент-Луис, Голливуд. А меня отправили в Военную академию.

— Юношам учеба в Академии только на пользу. — В стороже, вероятно, взыграла верность учреждению, в котором он служил.

— Ага, — буркнул Эдди и повторил: . — Маленькая Бернар. Хотелось бы потоптаться сапогами на ее физиономии.

— Нельзя так говорить, тем более о сестре.

— Три раза в неделю она ходит в театр и смотрит, как папа играет на сцене. Со времен сэра Генри Ирвинга никто не играл так хорошо, как отец.

— И кто это сказал? — полюбопытствовал сторож.

— Он сам. Мой папа — поляк. У него дар перевоплощения, настоящий дар. Все об этом говорят. Тебе бы посмотреть, как он играет.

— Я хожу только в кино, — ответил сторож.

— У него роль в «Венецианском купце». Он там с длинной белой бородой, даже не подумаешь, что это — мой отец. Когда он говорит, люди в зале смеются и плачут. Готов спорить, голос моего отца будет слышен за пять кварталов.

— Такая игра мне нравится, — покивал сторож.

Эдди театральным жестом выкинул вперед руку.

— Мой отец на сцене... в мире нет ничего более прекрасного.

— Не следовало тебе бить сестру лампой, — назидательно произнес сторож. — Тогда ты смог бы увидеть сегодня отца на сцене.

— Мой папаша порол меня пятнадцать минут. Он весит двести пятнадцать фунтов и сложен, как скаковая лошадь, он бил наотмашь, но я ни разу не вскрикнул и не объяснил ему, почему ударил сестру настольной лампой. Я показал им — ему и его маленькой Бернар. — Эдди решительно поднялся. — Какого черта, в Военной академии Рождество можно встретить ничуть не хуже, чем в любом другом месте, — и выглянул в белесый декабрьский день.

— Послушай, Эдди, — затараторил сторож, боясь, что мальчик сейчас юркнет за дверь. — Я хочу задать тебе один вопрос.

— Какой? — холодно переспросил Эдди, догадываясь, о чем пойдет речь.

— Сегодня канун Рождества.

— Я знаю, что сегодня — канун Рождества.

— Я — старик, — сторож печально провел рукой по седым усам, — и у меня нет ни одного родного мне человека.

— И что?

— На Рождество, Эдди, я обычно покупаю себе пинту чего-нибудь горячительно, чаще всего, яблочного бренди, чтобы согреть сердце и забыть, что в этом мире я

один-одинешенек. Ты поймешь, о чем я говорю, когда станешь старше.

— Угу. — Эдди, похоже, придерживался другого мнения.

— А в этом году, — сторож заерзал в кресле, — в этом году ты выиграл все мои деньги. Вот я и подумал, а может...

— Нет! — резко перебил его Эдди и двинулся к двери.

— В канун Рождества, для старика, Эдди. — Ты проиграл, — бесстрастно ответил мальчик. — Я выиграл. Вопрос закрыт.

И он вышел за дверь, оставив старика в потертом кресле у камина. Сторож проводил мальчика тоскливым взглядом.

Эдди бесцельно бродил по припорошенной снегом территории Военной академии.

— Военная академия! Ну и ну! — тихо проговорил он и печально покачал головой. Ему бы сейчас быть с семьей, в Нью-Йорке, залитом сверкающими огнями, красными, зелеными, белыми, где улицы запружены счастливыми людьми, которым едва хватает рук, чтобы унести купленные ими подарки, где Санта-Клаусы позвякивают колокольчиками на углах, предлагая жертвовать Армии спасения, где тысячи кинотеатров зазывают зрителей. Он посмотрел бы спектакль, в котором играл отец, потом пообедал бы с ним в ресторане на Седьмой авеню, съел бы утку, картофельные оладьи, выпил бы глинтвейн, а потом дома слушал бы, как отец во весь голос распевает немецкие песни, аккомпанируя себе на стареньком пианино.

Эдди вздохнул. Вместо этого он сидит здесь, в Военной академии в Коннектикуте, и все потому, что дома считают его плохим мальчиком. С шести лет его держали в плохих мальчиках. Он не забыл, как Эдди на праздновании шестого дня рождения, когда он пребывал на седьмом небе от счастья, наслаждаясь тортом, сладостями, мороженым и велосипедами, Диана вышла на середину комнаты и продекламировала монолог из комедии «Как вам это понравится», который выучила с подачи учителя английского языка. «Весь мир — сцена, — прочувствованно произнесла она с бостон-

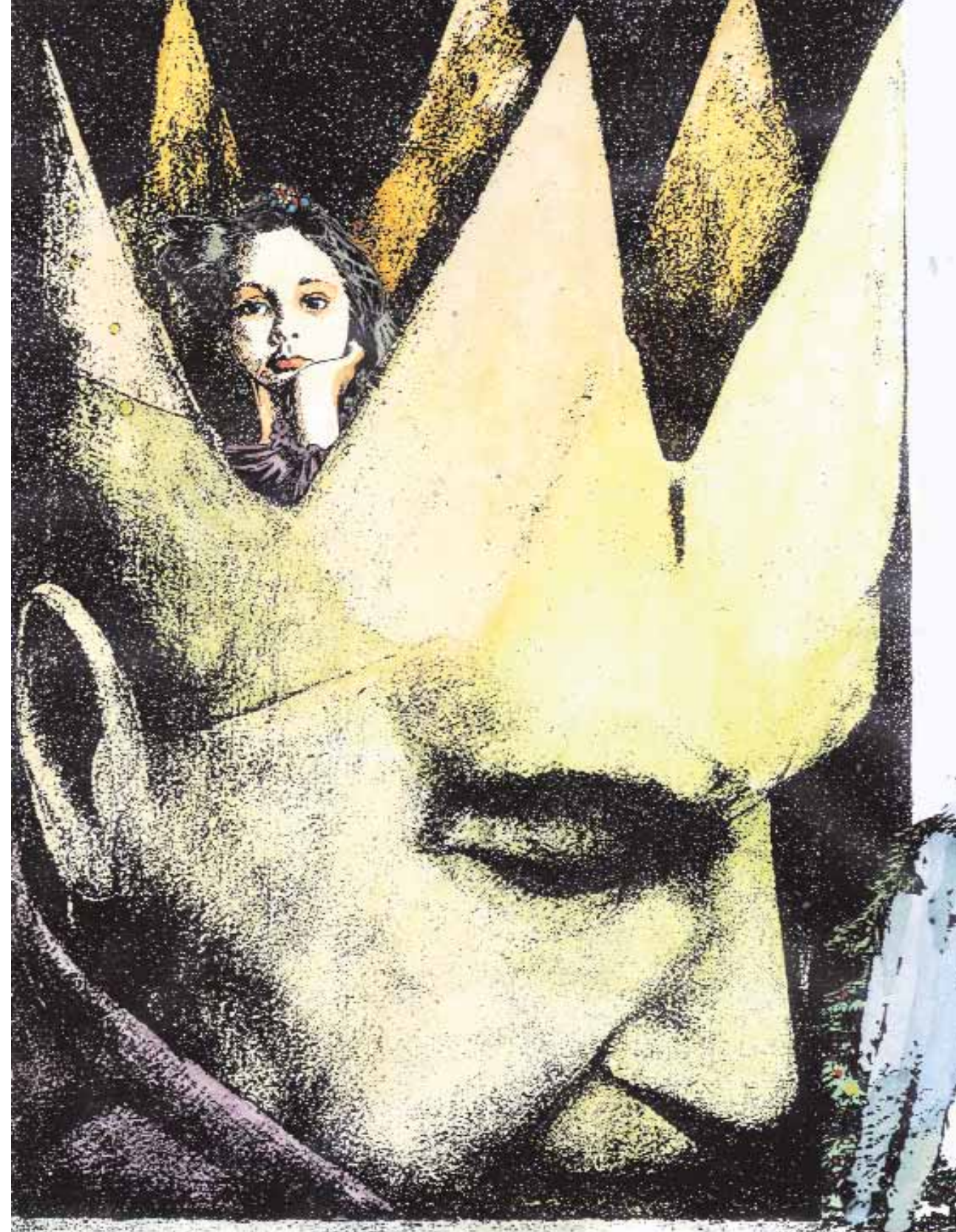
ским акцентом, — а женщины, мужчины — актеры лишь, играющие роль...» И все закричали: «Браво!» Отец подхватил ее на руки, целовал светлые кудряшки и повторял снова и снова: «Маленькая Бернар! Моя маленькая Бернар!»

Эдди бросил в нее тарелку с мороженым, мороженое попало на костюм отца, Диана плакала два часа, а Эдди отшлепали и отравили спать.

— Я ненавижу Коннектикут, — доверительно сообщил он потерявшему листву вязу, чуть наклонившемуся над грязным снегом дорожки.

Именно тогда он столкнул Диану с крыльца, порвав ей связки на руке, уплыл на весельной лодке от побережья Нью-Джерси, и Береговая служба нашла его только в десять вечера. Его выгнали из семи частных и муниципальных школ. Его ловили выходящим из театра миниатюр с приятелями куда старше возрастом. Ни одна просьба или желание отца им не выполнялись. Его пороли трижды в месяц, чем он очень гордился, потому что именно в эти моменты папа, пусть злой и ужасный, уделял ему хоть какое-то внимание, выказывал хоть и своеобразную, но все же родительскую любовь.

Эдди привалился к дереву и закрыл глаза, переносясь мысленно в гримерную отца в театре. Папа — в шелковом халате, с остатками бороды на лице, припудренными волосами. Красавицы в мехах входят, говорят, смеются, их голоса журчат, как весенние ручейки, отец представляет его: «Это мой сын, Эдди. Он — мой маленький Генри Ирвинг». Женщины радостно улыбаются, обнимают его, прижимают к надушенным мехам, целуют. Их прохладные от зимнего воздуха губы приятно холодят разгоряченное лицо. Отец сияет, добродушно похлопывает его по плечу: «Эдди, не нужно тебе ехать в Военную академию, и ты не будешь встречать Рождество у тети в Дулуте. Ты проведешь Рождество со мной. Иди в кассу и возьми билет на сегодняшний спектакль. Ряд А, середина. Да, папа, да, папа, да...»

Эдди моргнул, глядя на сложенные из толстого бруса стены Академии. Тюрьма, тюрьма!

— Что б ты сгорела. — Голос его переполнял ненависть к облупившейся краске, мертвому плющу, колокольне. — Сгорела! Сгорела!

Вдруг он мгновенно успокоился. Прищурился и оглядел здание из-под козырька форменной фуражки, лицом напоминая охотника, выследившего дичь в густом лесу.

Если Академия сгорит, он же не сможет спать под деревом на декабрьском морозе, не так ли? Его отправят домой, по-другому просто и быть не может. А если его спасут из горящего здания, папа будет так благодарен судьбе, что... Академия должна сгореть дотла, чтобы его уже не послали сюда, а такое возможно, если пожар начнется на первом этаже. Но на первом этаже сейчас сидит сторож, одинокий старик, мечтающий о пинте горячительного...

Эдди развернулся и пружинистым шагом направился к входной двери.

— Послушай, — обратился он к сторожу, который по-прежнему сидел у камина. — Послушай, мне тебя жалко.

— Да. — В голосе сторожа не слышалось надежды на лучшее. — Я это вижу.

— Клянусь. Такой старик, как ты не должен встречать Рождество в одиночестве. Никто не утешит, не поздравит. Это ужасно.

— Да, — снова согласился сторож. — Да. — И даже без капли спиртного, чтобы согреть душу и тело.

— Без капли. На Рождество! — Сторож печально покачал головой. — Проще лечь и умереть.

— Я решил облегчить тебе жизнь, — улыбнулся Эдди. — Сколько стоит бутылка яблочного бренди?

— Ну... — сторож замаялся. — Яблочное бренди бывает разное.

— самого дешевого, — отрезал Эдди. — Или ты принимаешь меня за миллионера?

— Бутылку первого класса яблочного бренди можно купить за девяносто пять центов, Эдди, — торопливо ответил сто-

рож. — Я с радостью возьму у тебя эти деньги. Ты совершишь добрый поступок, ублажишь старика, устроишь мне праздник.

Эдди медленно достал из кармана монеты и отсчитал девяносто пять центов.

— Ты понимаешь, обычно это не в моих правилах.

— Разумеется, нет, Эдди, — заверил его старик. — Я и не ожидаю...

— Я выиграл их честно, — настаивал мальчик.

— Естественно, Эдди.

— Но на Рождество...

— Конечно, Эдди, исключительно на Рождество... — Сторож уже сидел на краешке кресла, облизывая языком уголки губ.

Эдди протянул ему руку с монетами.

— Ровно девяносто пять центов. Хочешь — бери, хочешь — нет.

Рука сторожа, когда он брал деньги, дрожала.

— У тебя — доброе сердце, Эдди. По твоему виду этого не скажешь, но у тебя — доброе сердце.

— Я бы сам сходил и купил тебе бутылку, но мне нужно написать письмо отцу.

— Ничего страшного, Эдди, мой мальчик, ничего страшного. Короткая прогулка до города мне не повредит. — Сторож нервно рассмеялся. — Подышу свежим воздухом. Только пойдет мне на пользу. Спасибо тебе, Эдди. Ты просто молодец.

— Ладно уж. — Эдди направился к двери. — Веселого Рождества!

— Веселого Рождества, — откликнулся старик. — Веселого Рождества, мой мальчик, и счастливого Нового года!

Когда Эдди закрывал за собой дверь, старик уже пел: «Три корабля проплыли мимо. Три корабля...»

Через четыре часа Эдди шагал по Сорок пятой улице города Нью-Йорка, без пальто, дрожа от холода, но счастливый. Шел он от Грэнд-сентрал, лавируя среди толп улыбающихся горожан и поглядывая на уличные фонари, неоновые вывески, синюю форму полицейских. Затем пересек Шестую авеню и свернул в переулок, где находился служебный вход в театр, на фа-

саде которого красным неоном светилось: «Венецианский купец» Вильяма Шекспира». «Если вы предаете нас, разве мы не должны отомстить?» — прокричал Эдди стенам переулка, распахнул дверь служебного входа и взбежал по лестнице к примерной отца.

Через открытую дверь увидел, как отец сидит перед зеркалом и гримируется. Эдди тихонько переступил порог.

— Папа, — и остановился у двери. — Папа. — Ага. — Отец маленькой расческой распушал и без того кустистые брови.

— Папа, это я.

Отец положил на столик расческу и медленно повернулся.

— Эдди! — выдохнул он.

— Веселого Рождества, папа, — нервно улыбнулся Эдди.

— Что ты тут делаешь? — спросил отец, глядя ему в глаза.

— Приехал домой, папа, — быстро ответил Эдди. — Приехал домой на Рождество.

— Я заплатил этой Военной академии лишних сорок два доллара за то, чтобы ты остался там, а ты говоришь мне, что приехал домой на Рождество! — Голос переполняла та самая страсть, которая заставляла трепетать от восторга полторы тысячи зрителей. — Телефон! Мне нужен телефон! Фредерик! — позвал он своего костюмера. — Фредерик, ради Бога, телефон!

— Но, папа... — начал Эдди.

— Я поговорю с этими паршивыми оловянными солдатиками, этими затянутыми в форму школьными мымрами! Фредерик, ради Бога!

— Папа, папа! — заверещал Эдди. — Ты не сможешь им позвонить.

Отец поднялся во всем величии своих шести футов и трех дюймов и сверху вниз глянул на Эдди, одна бровь насмешливо поднялась.

— Мой сын говорит, что я не могу им позвонить. Маленький зазнайка указывает мне, что я могу делать, а чего — нет.

— Ты не можешь им позвонить, папа, — закричал Эдди, — потому что говорить не с кем. Понимаешь?

— О, — голос отца сочился иронией, — школа исчезла. Пуф, и все дела. Арабские ночи. В Коннектикуте.

— Поэтому я здесь, папа, — поспешно добавил Эдди. — Военной академии больше нет. Сгорела дотла. Сегодня, во второй половине дня. Вместе с моим пальто. Видишь, я без пальто.

Отец замолчал, его холодные серые глаза сверлили сына из-под знаменитых седых бровей. Знаменитые длинные пальцы барабанили по столу, пока сын, в кадетской форме, переминаясь с ноги на ногу, рассказывал о случившемся.

— Да, папа, сгорела дотла, клянусь Богом, ты можешь спросить у кого угодно. Я лежал на кровати, писал письмо, пожарные вытащили меня из горящего здания, можешь их спросить, они не знали, что со мной делать, дали мне денег на билет, я приехал на поезде и... Можно мне остаться с тобой, папа, на Рождество, что ты на это скажешь?

В голосе мальчика звучала мольба, но взгляд отца не потеплел ни на йоту. Эдди замолк, но мольба читалась в его лице, глазах, опущенных уголках рта, замерзших руках. Отец величественно шагнул к нему, поднял руку и отвесил затрепещину.

Эдди не сдвинулся с места, губы его задрожали, но он не заплакал.

— Папа! За что ты меня ударил? Моей вины тут нет. Академия сгорела, папа.

— Если Академия сгорела, а ты там был, — отчеканил отец, — это твоя вина. Фредерик, — посмотрел он на костюмера, наконец-то возникшего в дверях, — посади Эдди на следующий поезд в Дулут. Пусть едет к тете. — И, отвернувшись, непреложный, как судьба, направился к столу, сел перед зеркалом и вновь принялся гримироваться.

Часом позже, в поезде до Дулута, глядя на проплывающий мимо Гудзон, Эдди, наконец-то, заплакал.

*Перевод с английского
Виктора Вебера.*

Иллюстрация Романа Львова

Ирина Беспалова

Человек, подаривший мечту

В нем все было противоречиво, так же, как была противоречива его сложная и изломанная жизнь, жизнь трудная и странная.

Природа, обделив его внешней красотой: длинное, худощавое, вечно угрюмое лицо с глубоко посаженными темными глазами, выражающими постоянное раздражение, — дала ему взамен красивую и мятежную душу романтика и мечтателя.

Именно таким был писатель Александр Грин, открывший мир прекрасных надежд и несбыточных желаний, подаривший нам Ассоль, Грзя, Друда, Гнора, Нока, Биче, Гарвея и Фрэзи Грант, чудесную «Бегущую по волнам», которая на протяжении вот уже восьмидесяти лет будоражит сердца читателей, зовя их в неизведанную страну Мечты и Любви.

А начиналось все так прозаично...

11 августа 1880 года в семье помещика управляющего пивным заводом в селе Слободском близ Вятки Степана Евсеевича Гриневского родился сын, которого называли Александром.

Когда семья переехала в Вятку, мальчика отдали в земское реальное училище. Он оказался нерадивым учеником, предпочитая занятиям чтение приключенческих романов Жюль Верна и Майн Рида. А если ко всему этому добавить озорной, непоседливый характер, станет понятно, почему пребывание в училище закончилось так быстро — ученика Гриневского исключили за неуспеваемость и, в частности, за пасквильное стихотворение в адрес одного из преподавателей.

С большим трудом отцу удалось пристроить сына в другое учебное заведение. Его Александр все-таки закончил в 1896 году, а получив аттестат, неожиданно собрался к морю, в Одессу. Поначалу семья бурно протестовала против отъезда — ведь он был еще так юн, — но постепенно отец смирился с неумным нравом сына, и не только дал согласие на отъезд, но даже наскреб ему на первое время целых 25 рублей.

Никогда не выезжавший из Вятки Александр отправился в путь, мечтая о том, как устроится

матросом на корабль и совершит на нем кругосветное путешествие. *Памятник Александру Грину.*

Одесса встретила юношу неприглядно. Лишь взглянув на тщедушного, плохо одетого шестнадцатилетнего подростка, капитаны кораблей сразу же отказывали ему в работе. Скучные отцовские деньги закончились очень быстро — ведь он был так непрактичен и не приспособлен к реальной жизни!

Но жить как-то надо было — и началось полуголодное скитание по ночлежкам, случайная поденная работа. Но на поденщине и ночлежках долго не продержишься. Что же делать дальше? И Александр решает уехать обратно в Вятку. Он возвращался домой с разбитым сердцем и разбитыми мечтами. Да, карьера моряка не удалась.

Дома Александра встретили без особой радости, семья еле-еле сводила концы с концами. Но все

же это был родной дом, близкие люди, и его голова и руки оказались отнюдь не лишними.

Юноша сразу же устроился на работу в железнодорожные мастерские, к тому же еще и подрабатывал, переписывая роли для театра, а летом плавал по Волге на барже.

Так буднично и серо и продолжалось бы дальше, но в 1902 году жизнь Александра круто изменилась: он познакомился с эсерами и активно включился в политическую борьбу. Начались многочисленные поездки по заданию партии. Как агитатор Гриневский переезжал из города в город — Симбирск, Нижний Новгород, Тверь, Саратов, Тамбов и, наконец, Севастополь. Именно в Севастополе его первый раз арестовали. В документах следственного дела было написано: «Александр Гриневский обвиняется в том, что в 1903 году в городе Севастополе занимался пропагандой революционных идей среди нижних чинов Черноморского флота».

В феврале 1905 года состоялся суд, и Гриневский был осужден на десять лет ссылки в Сибирь. Но высласть его не успели — спасла первая русская революция, и Александр был освобожден вместе со всеми политзаключенными.

Оставив Севастополь, он сразу же уехал в Петербург, чтобы заниматься там подпольной работой. Снова пришел на помощь отец, доставший ему каким-то образом паспорт умершего «личного почетного гражданина» А.А.Мальгина. Под этой фамилией Гриневский и жил в Петербурге.

И именно здесь, в Петербурге, начинается его литературная деятельность. Все пережитое, множество впечатлений от встреч с са-

мыми разными по духу и сословию людьми, новые ощущения, рожденные бурными революционными событиями, требовали выхода и просились на бумагу.

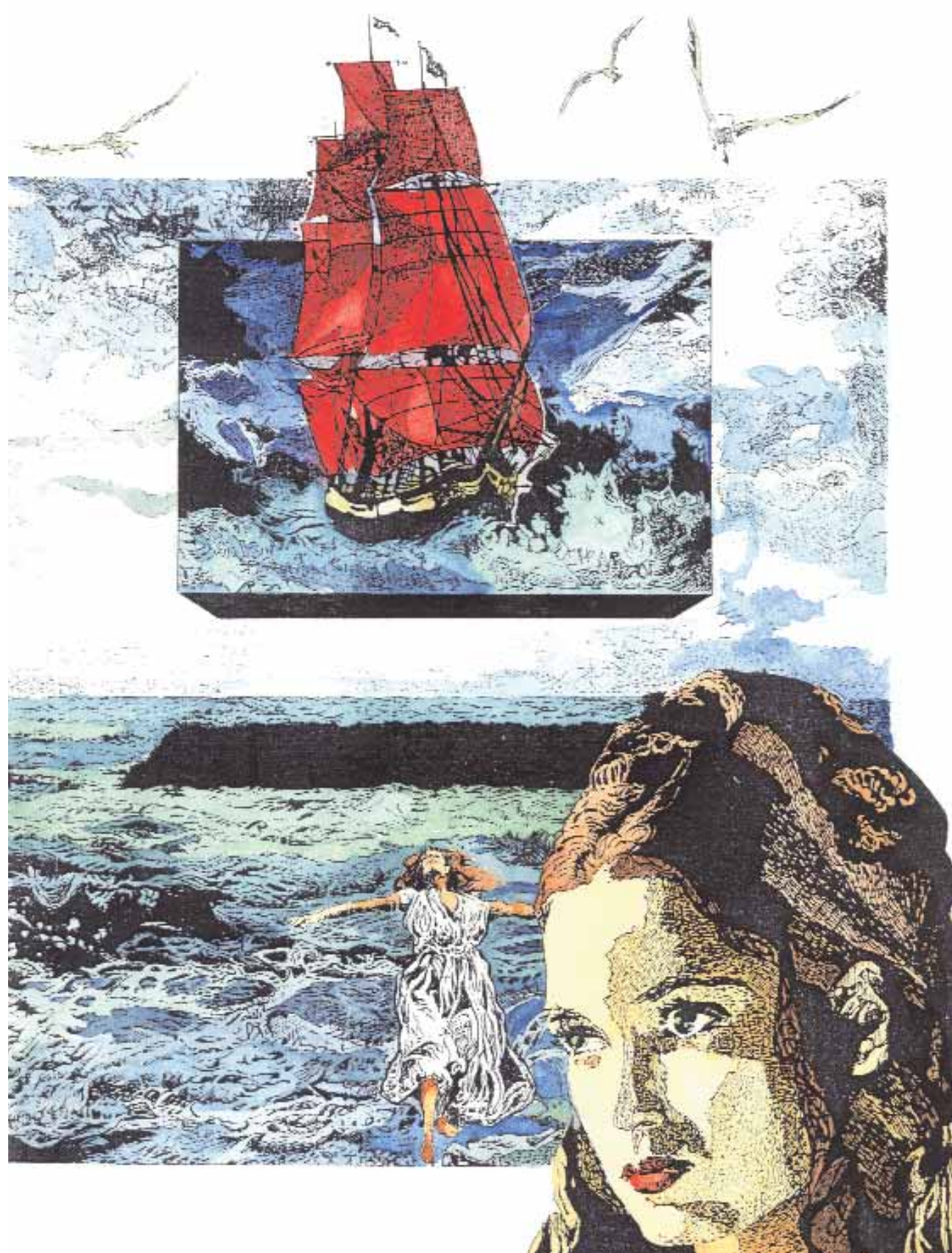
Так появились первые рассказы, подписанные псевдонимом «А.С.Грин» — мальчишеская кличка, которой называли его друзья по школе. В них уже чувствовался настоящий мастер, и вскоре о Грине как о молодом писателе заговорили в литературных кругах.

А что же политика? Постепенно Грин начал разочаровываться в эсеровских идеалах, этому способствовал и грандиозный скандал, разразившийся в самой верхушке партии: организатор убийства министра внутренних дел Плеве и московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича Азеф оказался провокатором и сотрудником царской охранки.

После долгих колебаний Грин все же вышел из партии. Так осталась не осуществленной его очередная мечта: стать борцом за счастье обездоленных.

Наступил 1914 год, и началась Первая мировая война. Грин оказался в трудном положении: его рассказы, от которых веяло экзотикой, печатались неохотно, журналы требовали писать о войне, как говорится, на «злобу дня», и ему приходилось выдавать «пятирублевую продукцию», как он сам выражался, чтобы как-то выживать. «Я желал бы писать только для искусства, но меня заставляют, меня насилуют. Мне хочется жрать...»

Летом 1919 года Грина призывают в Красную Армию. Он служил в городе Острове, но тиф, косивший бойцов, свалил и его. После довольно продолжительной болез-

Дом-музей
Александра Грина

ни он вышел из больницы и оказался... без пристанища, без работы, без пайка.

Казалось, вот он — конец! Но неожиданно, узнав о трудностях молодого писателя, на помощь приходит Максим Горький. Он выхлопотал для Грина паек, рекомендовал

его в члены Дома искусств, где Грину предоставили отдельную комнату, и заказал две книги — одну о Ливингстоне, другую — о походе Нансена к Северному полюсу. Одним словом, Горький в трудную минуту спас Грина.

Втянувшись в работу над этими книгами, Грин параллельно продолжал писать рассказы и закончил свою знаменитую феерию «Алые паруса». Многие были удивлены: как можно было в суровом и голодном 1921 году создать такую светлую сказку, своеобразный гимн «романтике человеческих отношений»?!

«Алые паруса» не сразу нашли своего издателя — слишком необычной и даже ненужной казалась в то время эта повесть. Она была напечатана только в 1923 году.

Подобное «неприятие и непонимание» Грина продолжалось очень долго: от него ждали рассказов об окружающей действительности, о советских людях, а он жил в своем выдуманном мире и писал сказочно-фантастические произведения, искренне веря, что романтика будет жить всегда, независимо от войн и революций.

И хотя его не понимали, Грин продолжал усиленно работать. Вслед за «Алыми парусами», в том

же 1921 году, появился роман «Блистающий мир», потом «Золотая цепь» (1925), «Бегущая по волнам» (1928), «Джесси и Моргиана» (1928), «Дорога в никуда» (1930).

Почти каждый год — по роману, и множество самых разных по стилю и сюжету рассказов! Откуда брались силы, в чем черпал он свое вдохновение?

Грин считал, что если нельзя показать людям красивую быль, им нужно рассказать красивую сказку, чтобы зажечь их — ведь в каждом человеке заложено столько хорошего! Увлеки его красивой сказкой — и он сможет сделать красивой быль.

Как говорил сам Грин: «Я настолько сживаюсь с моими героями, что порою и сам поражаюсь, как и почему не случилось с ними чего-нибудь на редкость хорошего! Я даю герою кусок счастья — это в моей воле, и при этом думаю: пусть и читатель будет счастлив!»

«Бегущая по волнам» — это вершина писателя, скорее не роман, а настоящая поэма, тема которой — встреча с Мечтой. Но, к сожалению, как и «Алые паруса», «Бегущую» не хотели издавать. Для писателя это было большим ударом. «Неужели конец, и мои способности иссякли на этом романе? Странно... Ведь я еще хочу говорить свое.

Эпоха мчится мимо. Я не нужен ей — такой, какой я есть. А другим быть не могу и не хочу...»

Но он, уже состоявшийся писатель Грин, был ей нужен.

А что любовь? — спросите вы. Неужели всю глубину чувств, дарованных ему природой, он отдал своим книжным героям, не оставив для реальной жизни даже толику? Конечно, оставил, и не толику, а очень много! Были у

него и женщины, и увлечения, и настоящая большая любовь, и даже три брака.

Первой женой Грина была Вера Павловна Абрамова, дочь богатого чиновника.

Когда Грин в очередной раз сидел в тюрьме в Петербурге, передачи ему носила сводная сестра Наталья (ее Гриневские взяли в семью из приюта). Но ей нужно было срочно уехать из города, и кто-то из знакомых посоветовал найти «тюремную невесту». Так называли девушек, навещавших заключенных, у которых не было ни родных, ни знакомых.

Вот такой «невестой» и стала Вера Абрамова, работавшая в Красном Кресте. Сначала невестой, а потом и настоящей женой. Ее отец пришел в ужас, узнав, что единственная любимая дочь сошлась с каким-то бродягой без определенных занятий, и отказался помогать ей деньгами.

Но молодые все-таки поженились. Хотя все сложилось совсем не так, как мечталось.

Александр и Вера прожили вместе семь трудных лет, с годами все меньше и меньше понимая друг друга. Веда богемный образ жизни, Грин просаживал все деньги, и свои гонорары, и то, что зарабатывала она, к тому же постоянно ругал ее за мещанство и очень много пил. Кроме того, он оказался в быту трудным человеком, часто впадал в тоску, пропадал из дома на несколько дней...

Как странно, он так искал и тянулся к семейному очагу, и одновременно так тяготился им.

Так не могло продолжаться долго, и в 1913 году их брак все-таки распался. Грин несколько раз предлагал Вере снова вер-

нуться к нему, но она категорически отказывалась. Пути бывших супругов окончательно разошлись.

Грин ужасно переживал. Он до конца своих дней сохранил уважение и самые теплые чувства к этой женщине, а она еще на протяжении многих лет материально поддерживала его. Заболев тифом, Грин написал завещание, в котором все права на его произведения безраздельно передавал «жене Вере Павловне Гриневской».

Второй брак Грина был очень кратковременным — с Марией Долидзе они познакомились осенью 1918 года, а уже зимой — расстались. Грин не выдержал обывательского образа жизни, который предпочитала его вторая жена. Когда потом они случайно встретились на улице, она даже не узнала бывшего мужа и прошла мимо. А он, смеясь, говорил после этой встречи: «Не удалось ей из меня выгодного мужа сделать, я же, видимо, и виноват остался. Это дерево не для меня росло».

С третьей женой, Ниной Николаевной Коротковой, Грин встретился в Петрограде. Она работала в одной из петроградских газет, ей было всего 23 года, и этой озорной, насмешливой девушке Грин поначалу совсем не понравился, мало того, он показался ей почти стариком, угрюмым, побитым жизнью. Когда они все-таки стали встречаться, окружающие предупреждали Нину: «Грин к вам неравнодушен, но берегитесь

«Трона Грина» — дорога по которой Александр Грин ходил к своему другу М. Волошину

его, он — опасный человек, и прошлое его очень темно».

Грин же при встречах вел себя весьма деликатно. Правда, эти встречи были редкими: иногда вместе ходили на концерты, иногда она его навещала в Доме искусств, иногда просто гуляли по петроградским улицам. Нина даже не думала, что их отношения могут перерасти во что-то серьезное, и была поражена, когда в марте 1921 года Грин неожиданно сделал ей предложение. Она попросила день на раздумье, а затем все же согласилась стать его женой. Не потому, что любила его, просто чувствовала, что ей нужен защитник. А Грин, суровый, немолодой, церемонный, соответствовал этому образу.

Они поженились 7 марта, правда, Нина оговорила, что в любой момент имеет право уйти от него.

Грин был счастлив. «Бог мой! Дай мне силы сберечь ее... Я счастлив, как только можно быть счастливым на Земле...»

Их супружеская жизнь текла по-разному: было в ней и много хорошего, и много плохого. Но самой большой бедой оказался алкоголь. Нина позже вспоминала: «Мы жили сыто и спокойно, но А.С. опять начал втягиваться в богемскую компанию. И чем больше гонорары за изданные книги, тем больше он пьет».

Что же делать? Нина уже не могла оставить Грина, она по-настоящему полюбила его, о чем говорит одно из ее писем: «Благодарю тебя, мой родной, мой хороший. Нет, не скажешь словом «благодарю» всего, что не может вместиться в душе, — за твою ласку, нежную заботу и любовь, которые согрели меня и дали мне большое, ясное счастье».

Надо было срочно вытягивать любимого из той трясины, в которой он все глубже увязал. И в 1924 году, спешно продав почти за бесценок только что купленную и отремонтированную квартиру, Грины покидают Петроград и уезжают в Крым. Этот отъезд можно назвать прямым бегством, но как иначе уберечь Грина от пьянства?

Супруги поселились в Феодосии, на Галерейной улице, в небольшой, но уютной и светлой квартирке. И море было совсем рядом!

Потекла спокойная, размеренная жизнь, постепенно вернувшая Грину творческие силы, — он снова много работал, часто засиживаясь до полуночи, над «Автобиографической повестью», а также над романом «Недотрога», которые, к сожалению, так и не были закончены

В этом размеренном и творческом для Грина ритме они прожили четыре года, как считали сами, четыре хороших года. Нина Николаевна была довольна и просила мужа только об одном — не пить. Грин старался, как мог, но при этом, будучи трезвым, становился угрюмым и раздражительным. Он вообще принадлежал к тому типу людей, которые не могут жить в обществе и стремятся быть вдали от всех.

Он старался, но все возобновилось с новой силой. Это была уже болезнь, страшная и тяжелая, именуемая «запоем».

Нина страдала, грозила оставить его и вернуться в Ленинград. Он рыдал, раскаивался, не пил недели две, а потом снова срывался, и пил еще больше, еще злее.

Осенью 1930 года Грины оставляют Феодосию и переезжают в

Старый Крым. Там не было моря, но городок утопал в зелени и садах, да и жизнь была намного дешевле. А это было важно — денег в семье становилось все меньше. Грин иногда ездил в Москву, выбивал для себя субсидии, просил помощи у Горького, но все равно этого было мало.

Весной он почувствовал себя плохо. Врач не нашел ничего особо серьезного, но с алкоголем велел покончить любыми способами. А в конце августа, когда, вернувшись из очередной поездки в Москву, Грин неожиданно потерял сознание, срочно вызванный врач определил у него воспаление легких. Грин пролежал всю осень, и всю осень температура у него почти не спадала. Но они еще не знали, что у него начался рак. Зимой Грин как-то пережил, а весной уже совсем не вставал. Есть он почти не мог и с каждым днем слабел все больше. Нина Николаевна, уже понимая, что муж обречен, поддерживала его, как могла, не отходила от него ни на шаг, внушала, что он обязательно должен выздороветь, что он обязательно встанет на ноги к любимому празднику, к Пасхе.

Но болезнь победила любовь, он не поднялся — ни к Пасхе, ни после ее.

8 июля 1932 года Александр Степанович Грин скончался. Похоронили его на городском старокрымском кладбище.

На высоком холме юные почитатели Грина сложили из камней пирамиду, на вершине которой высечена бригантина с алыми парусами.

Он боялся, что не нужен своей эпохе, но он ошибался — его любили, книги его зачитывали до дыр, а многие писатели поддержи-

вали Грина и при жизни, и после его смерти.

Мариэтта Шагинян говорила: «Это замечательный писатель. Его будут читать многие поколения после нас, и всегда его страницы будут дышать свежестью — такой же, как дышат сказки».

А Юрий Нагибин очень точно выразил суть гриновского творчества: «Если любовь к Грину сохраняется в зрелые годы, значит, человек уберечь свое сердце от постарения».

Как прекрасно, что человек, живший Мечтой и подаривший ее людям, и сегодня живет в сердцах нынешних романтиков и мечтателей.

В Феодосии, на улице Галерейной, где жили Грины, сейчас открыт дом-музей Грина, а по черноморским волнам курсирует теплоход, на борту которого золотятся буквы — «Александр Грин». Сбылась заветная мечта писателя — он все-таки вышел в море.

Определить жанр прозы этого «певца Несбыточного» невозможно, да, наверное, и не нужно. Скажем одно: она — волшебство, феерия, стремление к красоте и желание сделать реальность чище и светлее.

И если бы мы хоть изредка вспоминали слова гриновского героя Артура Грэя: «Когда душа человека таит зерно пламенного растения — чуда, сделай ему это чудо, если ты в состоянии. Новая душа будет у него, и новая — у тебя», — мир вокруг нас действительно стал бы намного честнее и лучше.

Иллюстрация Льва Рябинина.

Могила писателя.

Светлана Бестужева-Лада

«Клуб первых жен» ПО-РУССКИ

Глава первая. Трехместный номер. Майя

Несколько лет тому назад мне в руки — совершенно случайно! — попала книга какой-то американской писательницы с интригующим названием «Клуб первых жен». Вообще-то, я литературу такого рода не жалую, но этот самый «Клуб» почему-то прочла.

Суть данного шедевра заключалась в том, что три богатые женщины были подло и нагло брошены своими мужьями ради молоденьких красоток. А четвертая — самая богатая из них — взяла и перерезала себе вены. Три оставшиеся подруги решили отомстить мужу несчастной самоубийцы, заодно и своим собственным. Отомстить, естественно, чисто по-американски, то есть наняли хороших адвокатов, разорили негодяев дотла, а сами обрели простое женское счастье.

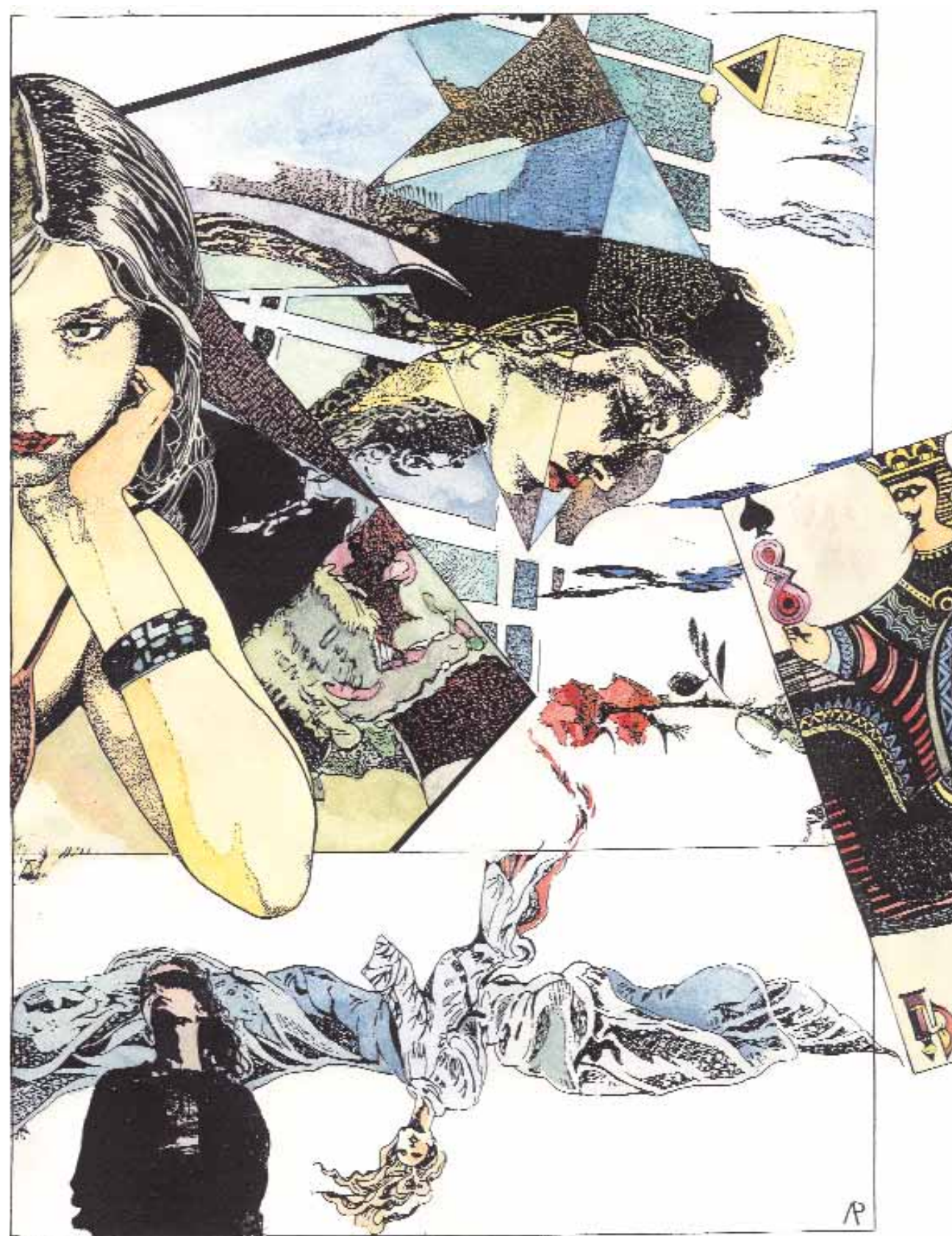
Сколько я ни пыталась понять высокий смысл этой новой американской трагедии, у меня ничего не получилось. Наверное, другое мышление. Или, что гораздо более вероятно, другой образ жизни. У меня нет и никогда не было двухэтажной квартиры с видом на Центральный парк в Нью-Йорке, и от меня не уходил богатый муж. Меня бросил муж с доходом чуть выше среднего, по российским, разумеется, меркам. У меня самой доход еще ниже: я — переводчица. Перевожу, в основном, справочники и энциклопедии, сидя дома за компьютером и изредка, по мере необходимости получения денег, наведываясь в издательство. Так вот, как раз в тот злополучный вечер я закончила перевод восьмого тома Энциклопедии ЮНЕСКО, и предалась сладким мечтам о том, на что, как и когда потрачу причитающийся мне гонорар. Тут-то и случилось ЭТО.

Муж пришел с работы поздно, что в последнее время случалось все чаще. Я традиционно осведомилась, будет ли он ужинать. Он не менее традиционно отказался. И добавил:

- Майя, нам нужно поговорить.
- Что-нибудь случилось? — слегка взволновалась я. — У тебя неприятности на работе?
- Нет. Я давно собирался тебе сказать... Тебе не кажется, что мы стали совершенно чужими друг другу?

Я вытаращила глаза в немом изумлении. Десять лет вполне благополучного брака — и на тебе! Что происходит?

- У тебя появилась другая женщина?
- Это совсем не то, что ты думаешь.
- А что же?

— Нам нужно... Как бы тебе сказать?
 — Так, чтобы я поняла.
 — Так и знал, что ты устроишь истерику! Мне это все уже до чертиков надоело! — Супруг демонстративно развернулся и хлопнул дверью кухни. Я, естественно, поплелась за ним в гостиную.

— Дай мне побыть одному, — раздраженно проговорил он.
 — Но ведь ты хотел поговорить...
 — Хотел. Но мне не нужны истерики.
 — Я спокойна, как горное озеро. Слушаю тебя внимательно.

Минут десять после этого я выслушивала пламенный монолог супруга, который он произносил практически без пауз. Из него следовало, что он устал жить с женщиной без духовных запросов, равнодушной к искусству и природе, всем компаниям на свете предпочитающей книгу или телевизор. Что со мной не о чем говорить, что мне совершенно безразличен его внутренний мир в частности и жизнь вообще, и что даже когда он приходит домой не поздно, а очень поздно, меня это мало волнует.

— Дима, — мягко спросила я, — ты хочешь от меня уйти?
 — А есть другие варианты? Уйдешь ты? Куда?
 — А ты — куда?
 — Как-нибудь устроюсь.
 — Хорошо. Но почему так — вдруг?
 — Накопилось.

Продолжать беседу мне почему-то расхотелось. А еще я почувствовала, что к глазам подступают слезы, и сейчас действительно начнется та самая истерика, которой меня заранее попрекал муж. Я вышла на лоджию и села в одно из плетеных кресел. Полюбоваться видом, сделать несколько глубоких вдохов-выдохов, взять себя в руки... Если получится, конечно.

Я подошла к открытой створке лоджии и облокотилась на подоконник. Седьмой этаж, не так уж и высоко, голова, во всяком случае, не кружится. Это была последняя мысль, пришедшая в голову. А потом...

А потом я открыла глаза и увидела над собой относительно белый потолок. Кроме того, обнаружила, что в моей левой руке торчит игла, а от нее прозрачная пластмассовая трубочка тянется к какому-то замысловатому сооружению. Прошло довольно много времени, пока я сообразила, что лежу под капельницей в больничной палате, и что у меня ощутимо побаливает правое плечо. Но как я сюда попала и почему, так и осталось задачей со многими неизвестными.

Еще через какое-то время рядом с кроватью возникла миловидная молодая брюнетка в белом халате и шапочке.

— Проснулись? — прошептала она, ловко освобождая мою руку от иглы. — Вот и чуденько.

— Где я?
 — В больнице, конечно. Сейчас доктора позову.

Появление еще одной фигуры в белом халате я восприняла как-то равнодушно. Но врач был, судя по всему, настроен на обстоятельную беседу.

— Как мы себя чувствуем? — осведомился он.
 — Никак, — честно ответила я. — Почему я в больнице?

— А зачем было из окна выбрасываться, голубушка? Чудо, что вы вообще остались живы и даже ничего не сломали. У вас под балконом деревья и кусты очень хорошо расположены.

— Я не бросалась из окна, — с искренним изумлением ответила я. — С какого перепугу мне из него бросаться?

— Ну, с какого — это мы определим. Пока имеется как бы временное помутнение рассудка и частичная потеря памяти. Ничего, это лечится. Вы ведь больше из окон прыгать не станете? Или еще осталось такое желание?

— Как оно могло остаться, если его вообще не было?

— То есть вы настаиваете на версии несчастного случая? Или, может быть, вас кто-то выбросил из окна?

Последнее предположение показалось мне настолько диким, что я даже улыбнулась. Кто мог выбросить меня с лоджии? Муж? Абсурд!

Внезапно я вспомнила, что муж вроде бы собирался от меня уходить. Кажется, у нас с ним состоялся не очень приятный разговор. Кажется, я собралась разреветься и ушла на лоджию, чтобы успокоиться. Дальше, как говорится, тишина.

Вот тут-то я и заплакала.

— Ну-ну, голубушка, успокойтесь. Сейчас укольчик сделаем, поспите, головка прояснится. Наговориться мы с вами еще успеем, у нас пациенты лежат долго...

— Где — у вас? — сквозь слезы спросила я.

— В психиатрическом отделении, голубушка. Попытка суицида, сами понимаете...

Врач ушел, вместо него появилась давешняя медсестра и очень ловко вкатила мне обезболивающий укол. Я тут же провалилась то ли в сон, то ли в беспмятство. А когда очнулась, в палате уже сгущались сумерки. Я приподнялась на локте и обнаружила, что уже не одна. На одной из коек, повернувшись лицом к стене, неподвижно лежала женская фигура, на второй сидела особа примерно моего возраста, почему-то в туго завязанном платке, покрывавшем всю голову. Она читала какую-то замусоленную книгу, но, почувствовав мой взгляд, оторвалась от этого занятия и негромко произнесла:

— Здравствуйте. Меня зовут Нина.

— Майя, — так же негромко ответила я.

— Сейчас на ужин позовут, — продолжила Нина. — А нам сюда принесут. Первое время в столовую не ходят.

Ждать пришлось недолго. Дверь открылась, и вошла санитарка с подносом в руках:

— Девчата, ужинать. Вика, вставай, ночью отлежишься. Вставай-вставай, нечего голодовки устраивать.

Неподвижная фигура с глубоким вздохом приняла сидячее положение и оказалась очень молодой женщиной, скорее даже девушкой. Я увидела лицо такой красоты, что у меня от неожиданности перехватило дыхание. Тонкие, точеные черты, высокие скулы и огромные глаза какого-то необыкновенного фиалкового цвета, обрамленные густыми длинными ресницами.

Когда она встала, то даже не слишком элегантно, явно больничный халат не скрыл того, что фигура полностью соответствует лицу. Добавьте к этому черные пышные локоны... Ей бы на конкурсе красоты короны получать, а не в больничной палате отлеживаться. Вот только тонкие запястья обеих рук были перебинтованы...

Я так загляделась на Вику, что и не заметила, как санитарка поставила рядом со мной на тумбочку тарелку с какой-то размазней и кружку, прикрытую куском хлеба.

— Сидеть можешь? — спросила она.

Я кивнула.

— Ну, и ладно. Туалет при палате, в коридор выходить не нужно.

Санитарка ушла, захлопнув за собой дверь.

Мои соседки к ужину практически не притронулись, поковырялись в мисках чисто символически, но чай выпили.

Тут дверь снова отворилась, и вошел врач в сопровождении медсестры. Вика даже не шелохнулась, хотя именно к ней врач обратился в первую очередь:

— Ну, как мы сегодня? Все еще молчим? Виктория, красавица моя, ну, нельзя же так! Депрессия депрессией, но те лекарства, которые мы вам даем, должны помогать. А вы третий день рот не открываете. Как вас лечить прикажете? Хорошо, добавим еще одно средство. Оно, правда, вызывает некоторое возбуждение, но, я думаю... — Доктор прервался и повернулся к Нине: — А вы сегодня как?

— Как и вчера! — неожиданно резко отозвалась Нина. — Сюда нужно было не меня, а моего супруга определить, тут ему самое место. А я бы и дома в себя пришла, быстрее, кстате, чем в вашем заведении.

— Нина, но ведь попытка самосожжения...

— Обычно заканчивается летальным исходом. А тут все здорово красиво: волосы сгорели, кожа на голове слегка пострадала. А остальное — в целости и сохранности.

— Милиция определила это как попытку суицида...

— Ах, Петр Андреевич, — с неожиданной горечью отозвалась Нина, — милиционеры, как и все люди, могут ошибаться. И ошибаются.

— Но признаки депрессии-то налицо...

— Точнее, на лице, — усмехнулась Нина. — Знаете, женщины — странные существа, очень трепетно относятся к своей внешности. А у меня волосы были — все бабы от зависти дохли. Такие только в рекламе по телевизору можно увидеть, и то — редко. Теперь нужно ждать, пока отрастут. И будут ли прежними... Как же тут без депрессии?

— Вылечим, — бодро пообещал Петр Андреевич. — Сон наладили и с депрессией справимся. Вместе, конечно. — Теперь он переключил внимание на мою персону. — Как самочувствие, Майя?

— А никак. Не понимаю, где я, что я, и кто во всем этом виноват. И откуда вам известно мое имя, если документов при мне нет?

— Ну, где вы, мы, кажется, прошлый раз определили. А имя ваше назвал человек, который вызвал «скорую». Кажется, ваш сосед по подъезду. Вы одна живете?

— Нет. С мужем.

— А где же вечером был ваш муж?

— Насколько я помню, дома. Это он меня сюда определил?

— Не думаю. Милиция звонила к вам в квартиру, но никто не открыл.

— Ничем не могу помочь, — сухо ответила я. — Когда выходила на лоджию, муж точно был дома. Наверное, решил разговор не продолжать, собрал вещи и ушел.

— Завтра к вам придет следователь. Обычная процедура, ничего страшного. А мы вас пока полечим. Приведем в порядок, пообследуем...

— Не получится, — покачала я головой.

— Почему?

— То, что я без документов и денег — это полбеда. Но я без сигарет и без мобильного...

— Кстате, мобильники у нас запрещены. С шести до восьми вечера можно позвонить с поста дежурной медсестры, если врач позволит.

— Я без сигарет жить не могу.

— Так пусть вам принесут. Передачи принимают ежедневно.

— Кто мне их принесет, если никто не знает, где я?

— Скажите, кому позвонить, мы сообщим.

— Мужу, — буркнула я.

— Кому еще?

Помимо названной кандидатуры, у меня имелась еще только одна: Марина, моя единственная настоящая подруга еще со школьных времен. Но она в данный момент наслаждалась морем и солнцем в Испании вместе с очередным бой-френдом. В издательстве коллеги вряд ли обрадуются перспективе снабжать передачами знакомую в психушке.

Но сообщить, конечно, придется, иначе будет нарушен контракт, а это, как говорится, чревато...

— Нужно сообщить на работу, иначе меня уволят. Но передачи оттуда мне никто носить не будет: я не состою в штате, работаю по контракту.

— А родители?

— Отца я вообще не помню, они с мамой развелись, когда мне и двух лет не было. А мама живет за границей, в Дании. Она туда уехала, выйдя замуж во второй раз, — ответила я. — Сообщить ей, конечно, нужно, но вопрос с передачами по-прежнему остается открытым.

— Так, — задумчиво произнес Петр Андреевич, и воцарилось молчание.

Потом он достал из кармана почти полную пачку сигарет, зажигалку и положил на мою тумбочку.

— На первое время хватит, а там что-нибудь придумаем. Засим, милые дамы, желаю вам доброй ночи. Я сегодня дежурю, если что...

Оставшаяся после ухода врача медсестра снова вкатила нам каждой по уколу, и я мгновенно вырубилась.

Глава вторая. Костер любви. Нина

Наша новая соседка отключилась после укола сразу. Даже головы от подушки не подняла. Мне бы так! Но на меня, к сожалению, снотворное действует медленнее, так что, я успела кое о чем поразмыслить. Точнее, снова восстановить в памяти реальный ход событий.

До того, как угодить в психушку, я работала старшим менеджером в довольно большом отеле. Работа — нервная, день — ненормированный, но мне нравилось решать неразрешимые, казалось бы, проблемы, каждый день встречаться с новыми людьми, руководить многочисленным персоналом. Это было мое.

К сожалению, муж так не думал. Имея изрядную долю восточной крови, он совершенно искренне полагал, что место женщины — в доме. На кухне или в спальне — неважно, главное, чтобы сидела дома и рожала детей. А мне как раз не хотелось ни того, ни другого. Плюс бешеная ревность.

Как меня угораздило выйти замуж за такого человека?! Он все в более категоричной форме требовал, чтобы я оставила работу и посвятила все время решению проблемы зачатия. Но тут уж я уперлась насмерть. И даже заговорила о разводе.

Это было с моей стороны невероятной глупостью. Во-первых, с точки зрения Армена, инициатива развода могла принадлежать исключительно мужчине. Во-вторых, если я так цепляюсь за свою работу в отеле, значит... правильно, у меня там имеется любовник. А может быть, и не один. Жизнь медленно, но верно начала превращаться в небольшой домашний ад.

В результате, одним далеко не прекрасным вечером, когда я вернулась домой чуть живая от усталости, выслушав очередные выпады супруга, я заявила, что завтра же подаю на развод.

— Хочешь гулять на свободе? — подозрительно спокойно осведомился Армен.

— Хочу нормально жить.

— С кем?

— Этот вопрос не обсуждается.

— Правильно. Обсуждать мы его не будем. Но если ты действительно хочешь от меня уйти, то...

— То что? Убьешь?
 Армен покачал головой.
 — Нет. Но уму-разуму научу на всю оставшуюся жизнь.
 Он вышел из кухни и тут же вернулся — с канистрой бензина. Зачем-то достал из кармана зажигалку и протянул ее мне.
 — И что? — опешила я.
 — Урок начинается, — невозмутимо отозвался Армен. — Потерпи чуть-чуть, дорогая.
 Он зажег все четыре конфорки нашей газовой плиты, потом вдруг крепко сжал мне за плечи и толкнул к ней. Не просто толкнул — нагнул так, что мои распущенные волосы накрыли собой всю поверхность плиты. Я услышала легкое потрескивание, запахло паленым волосом, но вырваться из железных объятий мужа не могла.
 Огонь опалил кожу на голове, я закричала от боли и, кажется, на какое-то время потеряла сознание. Очнулась на полу, почему-то вся мокрая, а от тошнотворного запаха бензина резало глаза и першило в горле.
 — Последний штрих, дорогая, — услышала я откуда-то издали голос Армена.
 И в рот мне полилась жгучая жидкость крепостью градусов в сто. У меня мелькнула дикая мысль, что это — тоже бензин, потом краем сознания прошла другая, более здравая — это водка. А потом — полный провал, мрак и безмолвие.
 Очнулась я уже в больничной палате, а возле моей койки сидел симпатичный молодой мужчина в белом халате.
 — Как вы себя чувствуете? — задал он традиционный вопрос.
 — Скверно, — призналась я. — Голова просто раскалывается. — Проведя по ней рукой, и ощутив марлевую повязку, я испугалась. — Что со мной? Я попала в аварию?
 — Нет. Насколько мне известно, пытались покончить с собой в состоянии сильного алкогольного опьянения.
 — А зачем повязка на голове?
 — Легкие ожоги кожи. Ничего страшного.
 — У меня сгорели волосы?
 — Да, и вы очень легко отделались. Просто чудо, что ваш муж успел помешать вам сгореть живо.
 — Я не пыталась покончить с собой, — собрав всю силу воли, ответила я. — И не пила. Я вообще равнодушна к спиртному.
 — Да? А когда вас доставили вчера поздно вечером, вы были смертельно пьяны. Если это называется равнодушием к спиртному...
 — Меня насильно напоили. И сожгли мне волосы.
 — Какие-нибудь садисты-маньяки? — участливо осведомился врач.
 — Нет. Мой муж. Я сказала, что хочу развестись с ним, а он...
 И тут у меня началась настоящая истерика. Я только теперь поняла, какую жестокую шутку сыграл со мной муженек.
 Мне сделали укол, дали выпить какую-то жидкость, сопроводив ее парой таблеток, а когда я немного притихла, поставили капельницу. Так с иглой в вене я и уплыла в вязкий сон без сновидений. Продолжалось это состояние, как я потом узнала, больше суток.
 Когда я снова начала ориентироваться во времени и пространстве, оказалось, что я нахожусь в трехместной палате с решеткой на окне. Одна койка была пустой, на второй неподвижно лежала под капельницей молодая женщина. По подушке рассыпались роскошные локоны цвета вороново крыла...
 Где-то через час появился знакомый мне врач.
 — О, уже на ногах! — весело заметил он. — Уникальный, должен сказать, случай в моей практике.

— И что же в нем уникального? — поинтересовалась я.
 — Ну, суицидники у нас обычно дня три пластом лежат, а если в комплекте с алкоголем — и того дольше.
 — Я лично, уважаемый...
 — Петр Андреевич, — любезно подсказал он.
 — Я лично, Петр Андреевич, ничего уникального не вижу. Потому что на жизнь свою не покушалась и спиртного не пила. Добровольно. Весьма вероятно, меня им накачали принудительно, для убедительности общей картины.
 — Какой картины?
 — Той, которую, надо полагать, зафиксировала «Скорая помощь».
 — Но ведь все так и было!
 — Не совсем. Позвольте изложить мою версию?
 Петр Андреевич позволил. Он слушал молча, лишь изредка приподнимая брови, а когда я закончила, подвел итог:
 — Значит, это не попытка суицида, а проявление одним из супругов насилия по отношению к другому супругу. Будем вызывать следователя?
 — Однозначно, — кивнула я. — Муж и жена, конечно, одна сатана, двое дерутся — третий не мешай, и так далее. Но я твердо намерена с этим браком покончить, так что, будем привлекать нашу доблестную милицию.
 — Так и сделаем, — согласился Петр Андреевич. — Если принять на веру вашу версию, то за супругом следует забронировать место за решеткой, причем в другом заведении.
 — А это реально? — усомнилась я.
 — Определенная доля вероятности имеется. Кстати, он известил о случившемся вашу матушку, та уже с утра пораньше примчалась сюда. Но разрешить вам свидание я пока, увы, не могу. Есть определенные правила...
 — Понимаю. Что ж, может, это и к лучшему. Вряд ли маму порадует мой теперешний вид.
 Петр Андреевич кивнул и отошел к соседней койке. Красавица на ней по-прежнему была неподвижна и безмолвна.
 — Виктория! Виктория, вы меня слышите? Откройте хотя бы глаза.
 Никакой реакции.
 — Тоже суицидница? — спросила я у Петра Андреевича.
 — Других здесь не держат, в смысле, в таких палатах. Мы недавно открылись, у нас тут, все по науке. Увидим, что пациент становится адекватным, — переводим в открытую палату, разрешаем телефонные переговоры, прогулки, свидания... Я распоряджусь, чтобы вам принесли мамину передачу. И от таблеток не советую отказываться, нервы лечить нужно в любом случае.
 В пластиковом пакете, который мне вскоре принесли, обнаружили фрукты, пакет сока, минеральная вода и конфеты, а также какой-то старый детектив и... шелковая косынка. Невооруженным глазом было видно, что хотя мама собирала все это в страшной спешке и растрепанных чувствах, все необходимое она положила. Об этом же красноречиво свидетельствовала и приложенная к передаче записка.
 «Доченька! Как же ты так?! Хорошо, что Арменчик успел вовремя. Лечись, береги себя, я буду ходить через день. Арменчика, как назло, в командировку отправили. Целую тебя. Напиши, что нужно. Мама».
 Прочитав записку, я оглянулась и обнаружила, что соседка очнулась и смотрит широко открытыми глазами прямо перед собой.
 — Привет, — сказала я как можно более жизнерадостно. — Меня зовут Нина. А ты — Вика?

Длинные пушистые ресницы дрогнули, на миг опустились и тут же снова распахнулись.

— Пить хочешь? — продолжила я.

Та же реакция. Я подошла к ней, взяла стоявшую на тумбочке кружку и помогла Вике приподняться. Она пила так же жадно, как и я какое-то время назад. Когда кружка опустела, а голова Вики снова упала на подушку, я услышала даже не шепот — шелест:

— Спасибо... — И Вика отвернулась к стенке.

Очень кстати, как оказалось: щелкнул замок, и в палату в сопровождении медсестры вошел мужчина средних лет и средней наружности, белый халат был наброшен на милицейскую форму.

— Данилова, к вам пришли!

— Майор Степанов, — представился прибывший. — Пришел побеседовать с вами о недавних... событиях.

— Спасибо большое, — искренне поблагодарила я.

— Не за что, работа такая. Так в чем проблема, Нина Максимовна?

— Проблема в том, что я не покушалась на свою жизнь, так что, психически вполне здорова.

— А волосы зачем спалили?

— Зачем их спалили мне? — уточнила я. — Затем, чтобы раз и навсегда отбить охоту затевать разговор о разводе. Это чисто мужская привилегия, как оказалось.

— То есть волосы вам сжег муж? Я правильно понимаю?

— Абсолютно. Зажег все четыре конфорки и нагнул меня над плитой.

— В заключение «скорой» написано, что вы были в состоянии...

— Сильного алкогольного опьянения, — устало завершила я уже знакомую фразу. — Только в заключении не сказано, что водку мне в рот влили тогда, когда я была в шоковом состоянии от страха и боли.

— Вы хотите сказать, что вас напоили силком?

— Не напоили, а напоил. Вполне конкретный человек, мой собственный супруг. Сначала он расправился с моей шевелюрой, а потом соответствующим образом выстроил мизансцену.

— А вы не преувеличиваете?

— Господин майор, вам наверняка доводилось видеть попытки саможжения. Ну, если не лично наблюдать, то хотя бы в кино. Человек обливает себя бензином с ног до головы, а потом подносит спичку или зажигалку...

— К одежде, — машинально закончил майор.

— Именно. Очень неудобно поджигать волосы, особенно длинные. И как я, по-вашему, ухитрилась их спалить, не причинив вреда всему остальному?

— Все, что вы рассказываете, действительно странно. Хотите написать заявление о применении к вам силовых методов?

— Знаете, не просто хочу — мечтаю.

— Посадить собираетесь?

— Обязательно. Только не в тюрьму.

Майор взглянул на меня в полном изумлении:

— А... куда же?

— Да хоть сюда вот, — безмятежно ответила я. — Или в другую какую-нибудь психушку, покруче. Чтобы палаты — на двенадцать человек, пациентов к койкам привязывают, и в туалет — только под конвоем.

— Мысль интересная, — хмыкнул майор. — Но если дать делу ход, вашего супруга все равно для начала могут только в КПЗ упрятать.

— Это уже детали. Я хочу выйти отсюда и развестись. Не хочу жить с человеком, способным на такое. Не хочу и не буду.

— Пишите заявление, Нина Максимовна.

— Давайте бумагу, ручку и диктуйте.

Написание заявления ушло минут пятнадцать, после чего майор счел своим долгом меня предупредить:

— Вы особенно не обольщайтесь. Свидетелей не было, как все произошло на самом деле, знаете только вы двое. И у каждого — своя версия.

Майор ушел. А я посмотрела на соседку и увидела, что она снова лежит с открытыми глазами и разглядывает потолок.

— Пить хочешь? — спросила я. — Или покурить?

— Умереть хочу, — неожиданно внятно, хотя и тихо произнесла Вика. — Вот и все.

— Ты это брось! Один раз уже попробовала не жить, сама видишь, что получилось. И врачу ничего не говори.

— А с врачом я вообще разговаривать не собираюсь.

— И сколько ты будешь молчать?

— Ровно столько, сколько потребуется, чтобы все обдумать и понять. Я слышала твой разговор с милиционером. Одна ты с этим делом не справишься. Если только твой муж чисто сердечен во всем не признается, точнее, не явится с повинной.

— Это вряд ли, — вздохнула я. — Мама записку прислала, муженек мой в срочную командировку отбыл.

— А пока не объявится, дело никто не начнет. Верно?

— Более чем, — согласилась я.

— Вот видишь... Надо барахтаться. Сбивать молоко в масло, иначе потонем. Думаешь, я сама себе вены резать решила? Нет, Нина, не одну тебя подставили, мы обе — в одной команде.

Глава третья. Золотая клетка. Виктория

Сколько себя помню, столько мечтаю стать некрасивой. Да-да, именно об этом мечтаю, хотя у всех нормальных девушек мечты прямо противоположны моей. Они грезят об идеальной фигуре, смазливом личике, поскольку считают, что все это автоматически обеспечивает яркую и невероятно счастливую жизнь.

Если бы это было так, я была бы самой счастливой женщиной на свете.

Меня угораздило родиться в семье с достатком, мягко говоря, ниже среднего, зато с целой кучей практически неразрешимых проблем. Мы жили в двухкомнатной смежной «хрущобе» с совмещенным санузелом и крохотной кухней, причем на первом этаже, а значит — даже без балкона, зато всегда — в полумраке. Отец систематически пропивал всю зарплату слесаря ЖЭКа, мать работала медсестрой на две ставки, да еще бегала делать уколы частным образом, бабушка медленно, но верно сползала в маразм, а мой старший брат старался проводить дома как можно меньше времени. Где его носило целыми днями — оставалось только догадываться, и просто чудо, что все как-то обходилось без конфликтов с милицией.

Подруг у меня, естественно, не было, ни на какие вечеринки и дискотеки я не ходила, зато научилась виртуозно обращаться с пьяным отцом и полусумасшедшей бабкой. То время, которое у меня оставалось свободным от них и разных домашних дел, я тратила на чтение.

А потом в нашей школе появился компьютерный класс... Господи, как же я была счастлива! Этап «чайника» я преодолела за считанные недели и с каждым днем становилась все более и более умелым компьютерщиком. Мне казалось, что мы с умной машиной — одно целое. А уж когда я научилась сама писать программы и создавать компьютерные игры,

все остальное фактически потеряло для меня смысл. Я жила только тогда, когда сидела перед монитором и нажимала на клавиши.

Школу я закончила с золотой медалью и подала документы в МГУ на мехмат. Вступительных экзаменов у меня не было: за время учебы в школе я столько раз становилась лауреатом и победителем всевозможных физико-математических олимпиад, что грамотами можно было бы обклеить всю нашу квартиру.

Постепенно жить стало легче: бабушка умерла, брат подался на ПМЖ куда-то за границу, и в квартире стало просторнее. Отец, правда, пил по-прежнему, но у меня теперь была своя маленькая комната, где я могла какое-то время побыть совершенно одна, ни с кем не общаясь.

Кое-какие деньги я зарабатывала сама: писала программы, делала сайты, разрабатывала игры. Мама могла ограничиться одной ставкой и не надрываться — нам бы хватило. Но тут случилась настоящая беда: у мамы обнаружили какое-то редкое и плохо поддающееся лечению заболевание крови. Больница, лекарства, усиленное питание, снова больница... Теперь мне хватало денег только на то, чтобы не умереть с голоду.

Маму в очередной раз положили в больницу, и я в очередной раз пришла ее навестить. Но до палаты не дошла: меня перехватила заведующая отделением.

— Зайдите ко мне, деточка, — медовым голосом сказала она.

Я похолодела. Такое предложение могло означать только одно: смертный приговор матери. Но я ошиблась.

— Деточка, — сказала заведующая, усадив меня в кресло в своем кабинете, — вашей маме можно помочь. Появилось одно новое, очень эффективное лекарство. Но... очень дорогое.

Я оторопела: смеется она надо мной, что ли? Ведь прекрасно знает, что денег на дорогое лекарство у нас нет, едва хватает на дешевое.

— Я все понимаю, — закивала она сочувственно. — Но есть человек, который мог бы вам помочь. То есть оплатить весь курс лечения.

— И что от меня для этого требуется? — осведомилась я.

— Просто встретиться с ним и рассказать о своей проблеме.

— И все?!

— Ну, дальше вы уже сами договаривайтесь, но я думаю, ничего такого страшного или упаси Бог, криминального вам делать не придется. Он очень богат и очень... щедр. Любит помогать людям. Позвоните ему вот по этому телефону, сошлитесь на меня. — И она протянула мне белую визитную карточку с золотым обрезом, на которой было написано: Забелин Александр Борисович. И номер телефона. Ни должности, ни титула, ни звания.

На следующий день я позвонила. По-видимому, это был служебный телефон, поскольку приятный женский голос осведомился, как меня представить. И почти тут же я услышала в трубке сочный мужской баритон:

— Слушаю вас, Виктория.

— Александр Борисович, мне сказали, что...

— Да-да, я в курсе. Вот что мы с вами сделаем: приезжайте ко мне в офис... ну, скажем, через час. И мы спокойно побеседуем.

Если у меня и были какие-то страхи и предчувствия, то после этого короткого разговора они испарились. Я поехала по названному мне секретаршей адресу. В окружении стандартных пятиэтажек находился обнесенный забором участок, размером с футбольное поле, а на участке — внушительных размеров особнячок, выстроенный в довольно затейливом стиле, эдакая смесь средневековой готики и раннего модерна.

Ворота распахнулись, едва я назвала в переговорное устройство свою фамилию. В вестибюле, в стеклянной будке солидных размеров, сидел охранник. Он попросил у меня паспорт, а взамен выдал кусочек пластмассы: универсальный ключ, как оказалось.

Но ключ мне не потребовался. В вестибюле возник молодой человек атлетического сложения и осведомился:

— Вы Виктория?

Я кивнула.

— Я провожу вас к Александру Борисовичу. Пойдемте.

Мы поднялись на второй этаж, прошли через запертую на кодовый замок дверь и, миновав небольшой коридор, оказались в приемной. За столом, уставленным всякой оргтехникой, сидела элегантная женщина средних лет, надо полагать, секретарша. При нашем появлении она встала, открыла одну из выходящих в приемную дверей и громко произнесла:

— Александр Борисович, ваша гостья прибыла.

Несколько шагов по устлавшему пол нежно-зеленому покрытию, и я оказалась в святой святых — кабинете самого шефа.

Это была просторная комната, значительную часть которой занимали письменный стол хозяина и приставленный к нему торцом длинный стол с креслами. Надо полагать, для заседаний. Целую стену занимали полки с книгами и разными сувенирами. Вот, пожалуй, и все.

Зато сам Александр Борисович поразил мое воображение. Это был жгучий брюнет, волосы у которого росли, кажется, везде, кроме... головы. Она была абсолютно лысой. Цепкие темные глаза украшали очки в символически-тонкой оправе. Ни золотой цепочки на груди, ни перстней... Не так я себе представляла мецената-миллионера.

— Присаживайтесь, Виктория, — мягко улыбнулся он.

— Можно просто Вика, — пискнула я, неловко плюхаясь в комфортное кресло для посетителей.

— Слушаю вас.

А я не знала, с чего начать. С того момента, как заведующая отделением вручила мне визитную карточку Забелина, я сто раз мысленно репетировала свой монолог. Но сейчас все тщательно подготовленные слова вылетели у меня из головы.

— В принципе, я в курсе вашей проблемы, — пришел на помощь Александр Борисович. — И готов вам помочь. Оплата лечения — уже решенный вопрос. Но сейчас, после личного знакомства, мне кажется, что этого недостаточно. В чем нуждается вы сами?

«В хорошем компьютере», — чуть не брякнула я, но вовремя прикусила язык.

— Вы работааете, Вика? — прервал затянувшуюся паузу Александр Борисович.

— Учусь в институте. И подрабатываю, конечно.

— У такой красивой девушки есть для этого масса способов.

— Простите? — не поняла я.

— Вы можете быть манекенщицей, фотомоделью...

— Актрисой, — устало закончила я. — Увы, меня эти предложения совершенно не прельщают.

Брови моего собеседника изумленно поползли вверх.

— А что же вас... прельщает?

— Программирование. Работа с компьютером.

— Очень интересно.

Постепенно Александр Борисович сумел вытянуть из меня информацию о, так сказать, «детстве, отрочестве, юности». И воспринял ее как-то очень эмоционально.

— Бедная девочка, досталось вам... Ну, теперь считайте, что все ваши неприятности позади. Маму вылечим, с отцом разберемся, ваши материальные проблемы тоже... аннулируем. А с такими внешними данными, как у вас, быстренько найдем мужа-миллионера.

— Ну, это уже лишнее, — даже испугалась я. — Я и так буду перед вами в неоплатном долгу.

— Почему? Есть разные способы возвращать долги. Впрочем, в данном случае ни о каком долге и речи не идет. Я люблю помогать людям.

— Большое спасибо, — вежливо сказала я. — Вы, наверное, очень заняты. Я...

— Вас отвезут домой, — прервал меня Александр Борисович. — Прямо сейчас отвезут. Но... Но я бы хотел увидеть вас еще когда-нибудь.

— Ну... разумеется... я только... у мамы в больнице... институт... — Ничего более связного я произнести не могла, как ни пыталась.

— Я вам позвоню, — опять пришел мне на помощь Александр Борисович. — Вы не откажетесь как-нибудь со мной пообедать?

— Конечно! — с огромным облегчением выдохнула я.

Только долгое время спустя я поняла, что именно в этот момент и щелкнула пружина мышеловки, в которую я ринулась, как говорится, «добровольно и с песней». Но тогда события стали разворачиваться стремительно. Мамино здоровье заметно улучшилось, отца каким-то волшебным образом определили на лечение от алкоголизма, дома было тихо и спокойно, а я с головой ушла в институтские занятия и работу.

Кстати, первый обед с Александром Борисовичем прошел великолепно. Маленький, почти пустой зал какого-то ресторанчика, вкусная еда, интересная беседа. Мой покровитель не делал никаких сомнительных предложений, не рассыпался в пошлых комплиментах и вообще как бы не замечал, что я — особа противоположного пола. Проводил меня до подъезда и раскланялся, отбив по своим делам. После этого примерно раз в неделю звонил, но, опять же, как добрый и заботливый дядюшка.

Месяц спустя он снова пригласил меня пообедать. Маму уже выписали из больницы, настроение у меня было прекрасное, и я не видела причин для отказа. Этот обед начался так же, как и первый, но закончился несколько неожиданно. Для меня.

— Вика, — заговорил Александр Борисович проникновенным голосом, — я хотел бы попросить вас об одном одолжении. Вы мне не откажете?

— Разумеется, нет, — не задумываясь, отозвалась я. — А что я должна сделать?

— Не должны, Вика, а можете... если захотите. Меня пригласили на одно очень важное мероприятие, но туда нужно идти со спутницей, такие правила игры. Я не женат, постоянной подруги у меня нет, некогда, знаете ли, ухаживать, и все такое... Если бы вы согласились сопровождать меня...

Честно говоря, я растерялась. Мероприятие? Какое? Почему на него нужно идти обязательно с дамой? И в чем я пойду на это самое мероприятие? Тем более, что я их вообще ненавижу.

— Вы не волнуйтесь, — словно прочитал мои мысли Александр Борисович, — парадную форму одежды и все такое вам обеспечат. От вас потребуется только мило улыбаться и поддерживать светскую беседу... если понадобится, конечно.

— Я не умею... светскую...

— Значит, будете просто мило улыбаться. Это даже лучше. Вы согласны?

Как я могла отказать ему в такой ерунде?

Через неделю Александр Борисович сам заехал за мной вечером. То есть за рулем машины, конечно же, был шофер, но мой покровитель впервые переступил порог моего, мягко сказать, непрезентабельного жилища. И надо отдать ему должное: никаких эмоций не выразил, хотя наверняка был шокирован увиденным. Я имею в виду квартиру, потому что меня к этому вечеру подготовили по полной программе: косметические процедуры, прическа, макияж и элегантный вечерний туалет.

— Вы неотразимы, дорогая, — только и сказал Александр Борисович.

Руку он поцеловал, только не мне, а моей маме, задал ей несколько учтивых вопросов о ее здоровье и отмахнулся от выражений благодарности. Пообещал доставить меня домой не слишком поздно в целостности и сохранности, и мы с ним отправились на «мероприятие».

Сколько подобных приемов мне потом пришлось посетить! Но если в первый раз все было ново и интересно, да и трусила я порядком, хотя действительно пришлось только улыбаться и в порядке исключения произнести несколько ни к чему не обязывающих слов, то потом для меня все это стало настоящей пыткой. Просто потому, что нагоняло смертельную скуку, и еще... и еще по некоторым более важным причинам.

Спустя два месяца я получила от Александра Борисовича... предложение руки и сердца. Точнее, получила не я, а моя мама, которая на своего «спасителя-благодетеля» только что не молилась. Естественно, она чуть ли не на коленях умоляла меня это предложение принять: в случае отказа могло произойти все, что угодно, включая прекращение материальной и прочей поддержки, к которой она уже успела привыкнуть. Что мне оставалось?

— Но вы же меня совсем не знаете, — попробовала я поговорить на очередном обеде вдвоем. — Зачем я вам понадобилась?

— Во-первых, знаю я о вас, Вика, почти все. После вашего визита ко мне за вами месяц следили, и очень пристально. Все подтвердилось. Вы — редкая девушка: не лжете, не кокетничаете, равнодушны к «красивой жизни», хотя сами невероятно красивы. О такой жене можно только мечтать.

— Но я... я не люблю вас.

— А вы никого не любите, — усмехнулся Александр Борисович. — И меня это вполне устраивает. Привыкнете. Быть моей женой значительно интереснее, чем просто сопровождать меня на всякие тусовки. Любое ваше желание будет исполняться мгновенно. И ваши родители... словом, вам о них не придется беспокоиться.

— Но я хотела бы закончить институт...

— Ради бога, Вика, заканчивайте хоть три! Я же сказал: любое ваше желание будет исполнено. Просто будете ездить на занятия на машине с шофером, и возвращаться — так же. И не придется подрабатывать, будете жить в свое удовольствие.

— Похоже, у меня нет выбора, — улыбнулась я, наивная идиотка.

— Похоже на то, — подтвердил Александр Борисович.

Через месяц я стала его женой. Свадьба — по моей просьбе — была сверхскромной, медового месяца, как такового, не было: Александр Борисович на три дня отвез меня в Вену, которую я почему-то с детства мечтала увидеть. И еще я переехала в его загородный дом, где у меня было все, о чем только можно мечтать. Все, кроме... свободы.

На машине с шофером-телохранителем — в институт. Таким же образом — домой. Никаких факультативов, никакого общения с однокурсниками вне аудитории, никакой подработки. Конечно, я могла сколько угодно ездить по магазинам, всяким салонам красоты и прочим местам, о которых большинство женщин может только мечтать. Но... это мне было решительно неинтересно.

Через год внезапно скончался мой отец. Официальная версия — сорвался и снова запил, вот сердце и не выдержало. Но мое собственное сердце подсказывало мне, что все не так просто, хотя никаких доказательств у меня, естественно, не было. Впрочем, я бы покривила душой, если бы сказала, что смерть отца нанесла мне глубокую травму. К сожалению, подобную травму она нанесла маме. Понять ее страдания по поводу ухода из жизни человека, который не принес ей ничего, кроме горя, я не могла. Но мама страдала и, в свою очередь, не могла понять моего равнодушия.

В результате, наши с ней отношения стали заметно прохладнее — с ее стороны, во всяком случае. Встретаться мы стали реже, в моей помощи она не нуждалась: сотрудники Александра Борисовича обеспечивали ее всем необходимым. Но все-таки это был единственный человек, которого я любила. И которого горько оплакивала после внезапной, необъяснимой смерти во сне. «Остановка сердца», — сказали мне. Возможно, так оно и было, только мне казалось, что сердце остановилось у меня.

Квартиру Александр Борисович распорядился продать, деньги перевел на мой личный счет, который, правда, всецело находился под его контролем. И какое-то время спустя я осознала, что меня очень умело заперли в клетку: роскошную, необыкновенную, но клетку.

Единственной остававшейся отдушиной был мой персональный компьютер, с которым я, собственно, и проводила практически все свободное время. И довольно быстро сообразила, что все мои занятия, а главное — путешествия по сети интернет, контролируются не менее жестко, чем мое собственное поведение. Но тут я могла оказать достойное сопротивление: установила защиту такого уровня, что моим надсмотрщикам была доступна лишь крохотная вершинка огромного айсберга...

На самом деле, я научилась всему, что может дать современная электроника. Для меня не существовало никаких кодов, паролей и сложнейших систем защиты, я их даже не взламывала, просто открывала одним движением руки. Не могу сказать, что мое поведение было безупречным: я потихонечку таскала деньги из самых разных банков и складывала на специальный счет, доступ к которому имела только я. Зачем мне это было нужно? Затем, что через два года счастливой семейной жизни я начала всерьез задумываться о бегстве.

К этому времени я уже знала достаточно много о деятельности своего супруга. Пожалуй, даже слишком много. В том числе удостоверилась в том, что меценатство и благотворительность вовсе не являлись его любимыми занятиями. Случай со мной был, пожалуй, уникальным, но объяснялся очень просто: меня купили, только оставили это очень изысканно, я бы даже сказала, затейливо. И Александр Борисович патологически не любил выпускать из своих рук то, что в них попало, даже если ему это было не слишком нужно.

Мое терпение кончилось в тот день, когда я получила диплом об окончании института. «Красный диплом», разумеется.

- Моя жена работать никогда и нигде не будет, — отрезал супруг.
- Но что же мне делать?
- Господи, да что хочешь!
- Я хочу работать.
- Зачем это тебе, скажи на милость?
- Затем, что интересно.
- Заинтересуйся чем-нибудь другим.
- Например?
- Ну... чем угодно. Другие женщины ведь находят себе занятие по душе. Хочешь, куплю пару хороших коней, будешь кататься верхом? Очень полезно для здоровья.
- Я, кажется, на здоровье не жаловалась. В общем, я бы хотела работать. Пусть даже в твоей фирме.
- Забудь. На фирме тебе вообще делать нечего.
- Мне и так нечего делать.
- А мне некогда придумывать тебе развлечения. Все, разговор закончен. Надеюсь, мои пожелания будут учтены.

Я промолчала. А про себя решила, что нужно освободиться от этого брака, который все больше и больше напоминал рабство.

Я все же посмела послушаться. Составила резюме и разослала по нескольким адресам, где вакансии представляли для меня какой-то интерес. И, получив первый ответ, отправилась на собеседование, совершенно открыто, не делая из этого никакой тайны. За что и была наказана мгновенно и достаточно жестоко.

За ужином Александр Борисович подозрительно кротким голосом осведомился у меня о том, как я провела день. Я отчиталась — коротко, без излишних деталей. Но и этого оказалось достаточно.

— Я же сказал — забудь, — все тем же кротким голосом сказал мне муж. — Но мои слова для тебя, по-видимому, пустой звук. Что ж, поступим иначе. Возможно, тогда ты что-нибудь поймешь.

Я глазом моргнуть не успела, как один из личных помощников Александра Борисовича крепко прижал меня к стулу, удерживая за плечи, а второй сделал какой-то укол в вену. Подействовало мгновенно: предметы сначала расплылись, потом все вокруг потемнело, я перестала слышать, а потом — перестала быть вообще...

Когда я очнулась, то обнаружила, что нахожусь в помещении, похожем на больничную палату. Это и оказалось палатой, только в психиатрическом отделении. Запястья обеих рук были перебинтованы, а появившийся врач объяснил мне, что я пыталась перерезать себе вены, и меня спасли только чудом. А попытка суицида — это проявление душевного расстройства, которое нужно лечить.

Вот так из одной тюрьмы я попала в другую — куда менее комфортабельную. Сказать, что я испытала потрясение, значит, ничего не сказать. Остатков моей сообразительности хватило только на то, чтобы хранить молчание. Я не разговаривала ни с врачами, ни с сестрами, ни с санитарками. Почти не притрагивалась к роскошным передачам, исправно доставлявшимся в палату. И только несколько дней спустя, осознав, что обе мои соседки, точнее, сестры по несчастью, оказались точно так же «подставлены», как и я, начала думать, как из этой ситуации выбираться. Задача была почти невыполнимой, но трудности меня никогда не останавливали, только подстегивали. Нужно было создать программу, только не для компьютера, как обычно, а для нас троих. Такую, чтобы мы вышли на свободу с минимальными потерями, а наши обидчики расплатились по полной программе.

Трудно, конечно. Но — возможно, если все тщательно обдумать, выверить все ходы и начать действовать методически и целеустремленно. Причем не одной, а с двумя помощницами, которые, к счастью, психически были вполне полноценны. Нужно было только объединить имевшиеся у каждой из нас возможности.

Глава четвертая. Одна за всех и все за одну

— Девочки, я здесь, кажется, пятый день, — сказала Майя как-то утром, — а вы сюда попали раньше меня. Так и будем сидеть?

— А что ты предлагаешь? — поинтересовалась Нина. — Выломать решетку и сбежать с третьего этажа по водосточной трубе? Или простыни связать и по ним спуститься? Глупости все это. Нам нужна реальная связь с внешним миром. А ее пока нет

— Нужен человек, понимающий толк в розыске, — подала голос Вика, — но не из милиции, а со стороны. Кто-нибудь вроде начальника охраны моего супруга. Вот он бы быстро нашел обоих ваших красавцев, если бы, конечно, получил от хозяина соответствующее распоряжение.

— У нас в отеле тоже есть начальник службы безопасности! — внезапно обрадовалась Нина. — Отставной полковник, отличный мужик, у меня с ним всегда был полный контакт. Он мог бы помочь.

— Если только сможешь с ним связаться, — остудила ее порыв Вика.

— Ну, выпустят же нас когда-нибудь из этой камеры. А там есть телефон, я знаю...

— Это несерьезно, нужен мобильник, — снова перебила Нину Вика.

— Нина, ты могла бы попросить Петра Андреевича, — поддержала Вику Майя. — Он, по-моему, хороший мужик, да и к тебе испытывает особую симпатию...

На какое-то время в палате воцарилась тишина. Действительно, лечащий врач оказывал Нине куда больше внимания, чем двум остальным пациенткам. Но станет ли он рисковать,

чтобы помочь им? Если бы речь шла только о Нине — да, возможно. Но помогать заодно и двум ее соседкам — это, как говорится, вряд ли.

— Я могла бы попросить мобильный телефон, — нарушила молчание Вика. — Мне бы его доставили, уверена. Но также уверена, что все разговоры с него прослушивались бы и записывались. Именно так со всеми моими разговорами и происходило. Правда, я почти ни с кем не общалась...

— Ну, и пусть пишут, на здоровье, — усмехнулась Нина. — Мне бы только с Вадимом связаться, а уж он-то найдет возможность установить непосредственный контакт и без телефона.

— По-моему, лучше попробовать вариант с Петром Андреевичем, — пожала плечами Вика.

— А по-моему, — вмешалась Майя, — нужно попробовать оба варианта. А мне бы дожидаться возвращения в Москву подруги. Она такая шустрая, любую проблему в шесть секунд сможет разругать.

«Военный совет» был прерван неожиданным появлением Петра Андреевича.

— Нина, ваша матушка сегодня придет побеседовать со мной.

Молодые женщины переглянулись: такое развитие событий можно было считать очень даже благоприятным.

— А я могу передать для нее записку? — спросила Нина.

— Можете, конечно. Хотя... вы же знаете, записки пациентов у нас проверяют.

— Так я и не делаю из нее тайны. Всего несколько строк, можете сами прочитать. Просто у меня на работе остались дела, нужно, чтобы коллеги их завершили. Сама же я не могу им позвонить, правда?

— Пишите, — согласился Петр Андреевич. — Бумага и ручка у вас есть?

— Есть. Мама передала.

Нина присела к столу и настроила на бумажке несколько строк. Затем передала ее врачу.

— Вот записка, Петр Андреевич. Можете прочитать.

Петр Андреевич пожал плечами:

— Знаете, Нина, я вам доверяю. И, между прочим, не считаю, что у вас нелады с психикой. — Он положил сложенный вдвое листок в карман и молча вышел.

— Нина, — подала голос Вика, — а ведь наш милый доктор к тебе равнодушен.

— С чего ты взяла? — изумилась Нина.

— Не слепая, вижу, какими глазами он на тебя смотрит. Ни Майя, ни я такого внимания не достаиваемся.

Нина только махнула рукой, снова и снова прокручивая в голове несколько фраз, которые она написала матери:

«Мама, позвони, пожалуйста, на мою работу, попроси связать тебя с Вадимом Петровичем Гришиным. Передай ему, где я и почему, и скажи, что мне нужна помощь и связь. Как можно более эффективная. Целую тебя...»

Вадим Петрович был начальником службы безопасности отеля, и отношения у них с Ниной с самого начала сложились очень хорошо. Он никогда не пытался за ней ухаживать, но они частенько заходили друг к другу выпить кофе, покурить и поболтать «за жизнь». Нина была уверена, что отставной полковник ей поможет.

— Пожалуй, и я напишу своему супругу, — нарушила тишину Вика. — Попрошу мобильник. Для него слово «нельзя» — совершенно непонятное. По-моему, он его в детстве забыл выучить. Или просто забыл. В любом случае, найдет способ передать, хотя бы из любопытства.

Вика замолчала и устало прикрыла глаза. У нее было только два варианта.. Первый — самый легкий и наиболее вероятный — умереть. Уж в этом-то ей помогут, можно не сомне-

ваться. Второй — из области научной фантастики: выйти отсюда так, чтобы никто этого не заметил, сменить фамилию и уехать. Желательно — за границу, причем там законспирироваться так, чтобы не нашли. Хотя...

Хотя есть еще один путь, но для него обязательно нужен выход в интернет. Компромат на дражайшего супруга собран отменный, и можно запустить информацию о его скрытой деятельности во Всемирную паутину, а там пусть разбираются. Но как в этот самый интернет попасть? Собственно, трудность только в этом и заключалась, все остальное, как говорится, дело техники.

Ближе к вечеру снова зашел Петр Андреевич и как бы между делом сообщил Нине, что записку ее матери передал. Но посоветовал особенно не обольщаться: передачи проверяют очень тщательно, ничего «такого» не пропустят.

— А я ничего «такого» и не просила, — округлила в изумлении глаза Нина. — Просто попросила позвонить мне на работу. Вы же читали записку...

— Представьте себе, не читал, — неожиданно улыбнулся Петр Андреевич. — Поверил вам на слово. И вообще, я врач, а не тюремный надзиратель, напрасно вы меня подозреваете.

— Мы не подозреваем... — растерялась Нина.

— Вот и хорошо. Сам я мало чем могу помочь, но не заметить что-либо вполне способен. Не понимаю, правда, почему... А вам, Майя, ни с кем связываться не нужно?

— Нужно, но практически не с кем. Мама — за границей, ничем конкретно помочь не сможет. Есть еще близкая подруга...

— Ну, так позвоните этой подруге, — сказал Петр Андреевич, доставая из кармана мобильный телефон.

Это простое действие произвело на присутствовавших эффект разорвавшейся бомбы. Все три женщины смотрели на телефон, как на что-то сверхъестественное, появившееся перед ними точно по мановению волшебной палочки. Никто даже не шевельнулся.

— Ну, звоните же, — повторил Петр Андреевич. — Или вы не помните номер?

— Помню, — пролепетала Майя, протягивая к телефону дрожащую руку. — Спасибо.

Она набрала нужные цифры и даже зажмурилась от внезапно накатившего страха. А вдруг Маринка еще не вернулась? Вдруг...

— Слушаю, — раздалось в телефоне знакомое контральто.

— Марина? Это Майя...

— Слава Богу, объявилась! Где тебя черти носят, я уж обзвонилась, даже твоего благоверного пыталась достать...

— Я — в больнице, Маринка, говорю с чужого телефона.

— А твой где?

— Дома остался. Марина, я в закрытой больнице...

— В каком смысле?

— В смысле — в психиатрической, здесь нельзя мобильники держать.

— Пусть она позвонит мне вечером по этому номеру, я все объясню, — тихо проговорил Петр Андреевич.

Майя взглянула на него с благодарностью.

— В общем, позвони по этому номеру вечером, часов в девять, тебе все расскажут. Какое счастье, что ты снова в Москве!

— Ничего не поняла, но все сделаю. Координаты твои тоже узнаю?

— Все узнаешь, говорю же тебе. Ну, пока, целую, конец связи.

Петр Андреевич аккуратно забрал у нее телефон и усмехнулся:

— Я сообщу своему начальству, что, с моей точки зрения, вас уже можно переводить на более свободный режим, но больше ничего конкретного сделать не могу. Только еще какую-нибудь записку передать или по телефону поговорить.

— А этого вполне достаточно, — отозвалась Вика. — Главное — начать, и за это большое вам спасибо. А там уж будем сами барахтаться, глядишь, и выплывем.

— А ну как не выплывете?

— Значит, туда нам и дорога.

— Виктория, вы рассуждаете совершенно по-мужски, позвольте вам заметить.

— А во мне от женщины — только внешность. Честное слово, продала бы ее за возможность спокойно жить, ни с кем не связываясь. От моей внешности всю жизнь только неприятности, и ничего больше.

— А я все думаю, — вмещалась Нина, — какие у меня волосы отрастут. Вряд ли прежние, конечно. Хотя... рыжий цвет мало кому нравится.

— Мне нравится, — усмехнулся Петр Андреевич. — До завтра, дамы. Я распорядился, чтобы вечерние лекарства вам сократили, а со снотворным уж сами как-нибудь разберетесь.

Следующий день принес несколько приятных неожиданностей. Во-первых, при утреннем обходе Петр Андреевич сообщил Майе, что ее подруга теперь обладает всей необходимой информацией и обещала «всех поставить на уши и поднять волну на полстраны». Зная характер Марины, Майя в этом и не сомневалась. Затем принесли передачи: на сей раз, все троим, включая Майю. Правда, в ее пакете, кроме сигарет и всяких вкусных вещей, ничего особенного не оказалось, зато Нина, разбирая передачу, обнаружила большой пакет ваты.

— Это еще зачем? — с недоумением спросила она, вертя бумажный цилиндр.

— Дай-ка сюда, — попросила Вика.

Она ловко распотрошила обертку и выгатила «сюрприз» — миниатюрный мобильный телефон и блок питания к нему, и взвизгнула:

— Девочки! Это же классная модель, с выходом в интернет. То, что нужно. Нина, неужели твоя мама додумалась...

— Вряд ли, — покачала головой Нина. — Чувствуется рука профессионала. И я, кажется, даже знаю, чья именно. — Она забрала у Виктории телефон, включила его и нажала несколько кнопок. — Привет, Вадим. Считаю, что я — твоя должница по гроб жизни. А если еще сможешь организовать личную встречу... Ах, работаешь в этом направлении? Замечательно. А еще в одном направлении можешь поработать? Нет, не для меня, для моей соседки по камере. Ее благоверный исчез, как и мой. Анкетные данные? Сию минуту. — Обернувшись к Майе, Нина прошептала: — Быстренько фамилию, имя, отчество и место работы твоего... — Потом передала полученную информацию, выслушала то, что сказал ей собеседник и ответила: — Если сможешь, буду работать у тебя золотой рыбкой до конца жизни. Все, кстати, так серьезно, что я действительно на это готова. Иначе меня тут сделают клинической идиоткой на счет три. Не допустишь? Спасибо. Поняла, поставлю на вибрацию. Слава Богу, пока не обыскивают. Ну, до связи. — И она сунула аппарат в карман халата.

— Дай мне эту игрушку, пожалуйста, — попросила Виктория. — Хочу кое-что смастерить из подручных средств.

Кодовала Вика с телефоном больше часа, потом удовлетворенно вздохнула:

— Ну, вот, процесс пошел. Теперь будет чем торговаться в случае чего. Только бы случай представился. Ладно, пойду на сближение: попрошу о встрече. С первого раза, конечно, может и не получиться, но попробовать все равно нужно.

— Что ты собираешься делать? — поинтересовалась Майя.

— Совершенно официально попрошу мужа прислать мобильник. Уверена, ему тут никто не откажет. А там посмотрю по обстоятельствам... Спрячьте игрушку получше, де-

вочки, она сейчас — наша единственная надежда на благополучное завершение этого кошмара.

«Игрушку» успели надежно спрятать очень вовремя: открылась дверь палаты и медсестра с некоторым удивлением в голосе произнесла:

— Нина Максимовна, пройдемте в комнату для свиданий.

— Куда? — ошеломленно переспросила Нина, не поверив своим ушам.

— В комнату для свиданий. К вам — посетитель. Начальство разрешило.

В просторной комнате с мягкой мебелью, куда Нину привела медсестра, находился только один человек, который стоял спиной к двери и любовался пейзажем за окном, забраным решеткой. Мужчина обернулся на звук открываемой двери:

— Нинель! Ну, наконец-то.

Медсестра окинула его безразличным взглядом и сказала:

— У вас четверть часа. Потом я приду.

— Спасибо, сестренка, — душевно поблагодарил ее посетитель.

Дверь закрылась. Нина никогда не думала, что так обрадуется при виде Вадима.

— Вадим! Как тебе удалось добиться свидания? Да еще так молниеносно!

— Обижаешь, подруга, — улыбнулся Вадим. — Подумаешь, проблема: увидеться с кем-то в больнице не самого строгого режима. Особенно если учесть, что с начальником охраны этой самой больницы мы когда-то... Впрочем, это к твоему делу не относится. Я здесь, давай в темпе информацию. Посылку получила?

— Получила, спасибо. Но это же, наверное, дорогой аппарат...

— Не бери в голову, свои люди, сочтемся. Меня интересует, как все с тобой произошло. Потому что я — последний человек на свете, который поверит в то, что ты напилась, во-первых, и решила свести счеты с жизнью, во-вторых. Вот в то, что ты рассказала милиционеру, я верю абсолютно. Теперь главное отыскать твоего муженька, верно?

— Верно. И еще — мужа моей соседки по палате. Он вообще как сквозь землю провалился. Армен наврал матери про командировку...

— Наврал. На службе он взял неделю отгулов, потом по электронке попросил еще неделю в счет очередного отпуска. Но бесконечно бегать он не сможет. Как только вернется в Москву, так я его и встречу... с большим удовольствием. Один вопрос: какую меру наказания ты для него определила? Высшая мера, как ты понимаешь, хоть и очень желательна, но... А все остальное — по желанию заказчика.

— Сумма?

— Быстро сечешь, умница. Постараюсь расходы свести до минимума, но сама понимаешь... Что ты хочешь?

— Принудительное лечение в психушке.

— Можно. Думаю, тысячи в полторы уложишься. Потянешь?

— Да уж как-нибудь. Только мне бы выбраться отсюда...

— Ну, это тоже сделаем.

— Сумма?

— Обижаешь. Подарок от фирмы. Ведь единственный, кто заинтересован в твоём пребывании здесь, твой муженек, верно?

— Абсолютно.

— Значит, обе проблемы сливаются в одну. Умная девочка, сама бы могла догадаться.

— Тут умных не держат, тут, в основном, на голову больные, — огрызнулась Нина.

— Остынь. С головой у тебя все в порядке, остальное сделаем. Данные на мужа подруги у меня есть, что с ним прикажешь делать?

— Найти, наверное. Для начала. Она и сама не знает, виноват он в чем-нибудь или нет. Не помнит ничего.

Глава пятая. Страсти по телефону

— Посмотрим. Я снова приеду через несколько дней, а ты уж постарайся не слишком залечиваться. И не впадай в депрессию, пережить можно все, кроме собственной смерти.

— Согласна. Слушай, свяжись с моим лечащим врачом. По-моему, он правильный мужик, может помочь...

— Свяжусь, лишняя голова в таком деле не помешает. Ага, вот и твоя надзирательница идет...

Действительно, щелкнул замок, и появившаяся на пороге медсестра сухо сообщила:

— Время вышло.

— А мы в него уложились, — жизнерадостно проинформировал ее Вадим. — Все вопросы утрясли, теперь пусть Нина Максимовна у вас спокойненько выздоравливает. Спасибо вам, милая девушка.

— Пожалуйста, — пожала плечами медсестра. — По мне хоть до вечера общайтесь, но время свиданий начальство определяет.

— И это правильно, — покладисто согласился Вадим. — А вы чайку с конфетками попейте, при вашей работе очень способствует. — И жестом фокусника извлек откуда-то внушительных размеров плитку шоколада.

— Ну, зачем вы, — зарделась медсестра, но шоколад, естественно, взяла.

Нина вернулась в палату, где ее нетерпеливо ждали девушки.

— Ну, что? Кто приходил?

— Приходил Вадим, то есть Вадим Петрович, начальник нашей службы безопасности. Как у него все получается, ума не приложу! Ведь из такой палаты, как наша, на свидания не пускают...

— Нина, пропусти пять страниц эмоций, давай суть, — слегка поморщилась Вика.

— Ах, ну, да, конечно, извини. В общем, он сделает все возможное и для меня, и для Майи. С тобой, Вика, конечно, сложнее...

— Ничего, и со мной разберемся. Для себя я план уже составила, помощники, конечно, будут нужны, но деньги теперь — не проблема. Если твой Вадим Петрович назовет номер счета, на который нужно будет перечислить определенную сумму, я это сделаю в пять секунд. Кстати, девочки, вас обеих это тоже касается. Я на каждую из вас открыла особый счет и положила на него деньги. Все-таки интернет — великая штука!

— Ты что, ограбила банк? — ахнула Майя.

Вика усмехнулась.

— Ты явно читала не те детективы, Майя. Заработать деньги на электронной бирже для знающего человека — пара пустяков, удвоить их или утроить — еще пара. Для себя стараться нет необходимости, у меня давно все это есть, а вот вы теперь — дамы состоятельные. Когда разведетесь, отбоя от кавалеров не будет, так что, бдительности не теряйте.

— Прежде чем развестись, нужно отсюда выйти, — пробормотала Нина.

— А мне, вообще-то, хватало того, что я в издательстве зарабатывала, — задумчиво проговорила Майя.

— Не сомневаюсь. Только чтобы выйти отсюда без ощутимых потерь, твоих заработков не хватит.

— Я тебе обязательно верну...

Вика пренебрежительно отмахнулась.

— Чепуха! Мы просто помогаем друг другу. У вас с Ниной — друзья и знакомые, у меня — возможность без проблем раздобыть деньги. Нормальное творческое сотрудничество, девочки. Один за всех и все за одного.

— Не так, — улыбнулась Майя. — Одна за всех и все за одну. Мы ведь пока еще все-таки женщины, несмотря на все заморочки.

На следующий день сюрприз ожидал Майю. Ей принесли передачу, причем в двух пакетах, и оба — от верной подруги Марины. У подруги, преуспевающей коммерческой директрисы одной из крупных компьютерных фирм, были свои представления о том, что нужно женщине для счастья в любой ситуации. Красивая пижама — раз, не менее красивая ночная рубашка — два, домашние туфельки без задников, но на каблучке — три, французская туалетная вода, шампунь, лак для волос, фен, гель для душа, полный набор декоративной косметики, блок дорогих дамских сигарет, коробка шоколадных конфет и много-много всяких милых мелочей, которые в психиатрической лечебнице совершенно не нужны. Зато неплохо поднимали настроение.

Помимо этого, к пакетам прилагалось послание, написанное на компьютере и распечатанное.

«Майка, ну, ты даешь! Никогда в жизни не поверю, что ты решила самоубиться. Твоя мама тоже в это не верит, она собирается в Москву, так что, очень скоро мы все выясним и вытащим тебя из этой бодяги. Извини, подруга, но только ты могла влететь в такую идиотскую ситуацию: упасть с балкона и этого не заметить.

В причастность ко всему этому твоего муженька мне не очень верится, но... Но, понимаешь, какая штука: я звонила ему на работу, и мне там сообщили, что он давным-давно уволился. Тут-то я и засомневалась. Ведь тебе он о переменах в своей трудовой деятельности словечком не обмолвился, правда? Плюс, по рассказам вашего милого доктора, который мне позвонил, у вас там намечался развод. Насколько я тебя знаю, дело можно было уладить полюбовно. Зачем ему выбрасывать тебя с балкона? Чтобы иметь дополнительные неприятности с милицией? Или чтобы не раскрывать какие-то тайны собственной биографии? По-любому ему не повезло: ты выжила. И это главное. Не переживай, мы его обязательно разыщем. Все образуется, ты же меня знаешь. М.»

А во время дневного обхода Петр Андреевич протянул Майе маленький, плоский аппарат. Еще один мобильный телефон с устройством для подзарядки. Еще одна ниточка, которая свяжет их палату с окружающим миром.

— Между прочим, если бы она попросила передать пистолет, я бы тоже не смог отказать, — усмехнулся доктор. — К счастью, дело ограничилось мобильником, но мне почему-то кажется, что это только начало. И еще кажется, что я для нее — пройденный этап, теперь она возьмется за вышестоящих. Честно говоря, я им не завидую.

— Она пишет, что мой муж давным-давно уволился с прежнего места работы, — сказала Майя, пряча мобильник. — Об этом обязательно нужно уведомить милицию.

— Не беспокойтесь, ваша подруга и об этом позаботится. Теперь мне остается только наблюдать, как дело пойдет дальше.

— Нет уж, Петр Андреевич, — внезапно подала голос Вика. — Вам, между прочим, в этой постановке выделена своя роль.

— Это какая же? — опешил Петр Андреевич.

— Защитника сырых и убогих, естественно. Вы же прекрасно понимаете, что нам троим здесь делать абсолютно нечего, и можете помочь. Я попрошу вас позвонить моему супругу и передать ему, что я хочу отсюда выйти. Мой драгоценный должен знать, что я как бы осознала и перестроилась. Это, во-первых.

— Это легко. А что во-вторых?

— А во-вторых, мне нужно назначить такое обследование, какое в этих стенах произвести невозможно. Выездное, так сказать. Причем обследование должно четко вписываться в картину моего лечения...

— С вами, милые дамы, не соскучишься. Ну, да ладно. Супругу вашему, конечно же, общат все, что вы хотите. А вот над вторым заданием мне нужно подумать, поскольку, с моей личной точки зрения, вы, если и больны, должны лечиться вовсе не здесь.

— А с точки зрения посторонних, — вмешалась в разговор Нина, — мы тут все на голову больные. Но теперь ведь и голову можно, как бы это сказать, насквозь увидеть. Где-то я об этом читала...

— И я читала, — подхватила Майя. — Томография мозга называется. Нет, компьютерная томография, точно.

— Точно-то точно, — со вздохом сказал Петр Андреевич, — только это довольно дорогое обследование. И у нас его не делают, действительно, нужно ехать чуть ли не на другой конец Москвы.

— Какая разница, — пожалала плечами Виктория. — Это даже хорошо, что дорогая. Мой супруг дешевых вещей и процедур не признает в принципе. А вот если мне нужно что-то дорогое — это нормально...

— Хорошо, это легко организовать. Но зачем это вам, Вика?

— Не скажу, — с легким смешком отозвалась та. — Лучший способ не проговориться — это ничего не знать. И врать вам, Петр Андреевич, не придется. Томография нужна? Нужна. Вы ее организовали? Организовали. Деньги, допустим, мой супруг заплатил? Заплатил. Вот и все. Остальное будет сюрпризом.

— Для кого?

— Думаю, для всех.

Вечером обитательницы палаты долго шушукались, вели какие-то таинственные переговоры по имевшимся у них уже двум мобильным телефонам, то и дело бегали курить и вообще спать улеглись где-то ближе к полуночи. А утром в палате неожиданно появился заведующий отделением собственной персоной. Вальяжный мужчина лет шестидесяти, с ухоженной седой бородой и пышной шевелюрой, в белоснежном накрахмаленном халате.

— Виктория, я к вам, — объявил он с порога.

— Слушаю вас, — прохладно отозвалась Вика.

— Наши правила запрещают больным иметь мобильные телефоны. Но ваш лечащий врач подтвердил, что все симптомы стабилизации психики налицо. А ваш супруг очень просил сделать для вас исключение. Вот, телефон специально для вас. Надеюсь, вы мое доверие не обманете, и другие этим аппаратом пользоваться не будут.

— Не сомневайтесь, не обману. Я умею быть благодарной и слово всегда держу.

— Спасибо, — сказал профессор и протянул Виктории крохотный мобильный телефон. Крохотный-то крохотный, но не из дешевых.

— Мне разговаривать при вас? — все так же холодно осведомилась Виктория.

— Да что вы! — как бы даже испугался профессор. — Я оставляю его вам, беседуйте, сколько хотите и когда хотите.

Вика взяла в руки телефон, сделала глубокий вдох и нажала несколько кнопок. По тому, как напряглось и отвердело ее лицо, соседки поняли, что соединение состоялось.

— Это я. Спасибо за телефон... Да, я поняла, что мои желания тебя не волнуют, точнее, волнуют лишь в определенных пределах... Да, дошло, не волнуйся, я не тупая... Нет, выпивать пока рано, я еще не в том состоянии... Нужно пройти обследование... Платное, и не здесь, а в другом месте... Не знаю, насколько серьезно, но у меня постоянно болит голова... Спроси врача, у тебя же все схвачено... Нет, я не знаю, сколько это стоит, об этом тоже спроси врача... Хорошо, я подожду, мне, в принципе, все равно, где сидеть взаперти... Нет, мне больше ничего не надо, спасибо... Нет, не надо компьютер, я же сказала, у меня болит голова. Да, буду ждать твоего решения... Да, поняла, что инициатива наказуе-

ма, только не нужно меня запугивать Кащенко, там такой изоляции не будет. Хорошо... До следующего звонка.

— И что теперь? — с любопытством осведомилась Нина, когда Виктория закончила разговор.

— А теперь, — загадочно улыбнулась Виктория, — ты позвонишь своему приятелю, у которого, как я понимаю, половина московских милиционеров — добрые друзья-приятели, и скажешь ему, чтобы открыл счет в любом банке и прислал реквизиты. В течение часа на этом счету будет столько денег, сколько нужно.

— Для чего?

— Для реализации операции «План перехват». Или «Сирена». Или еще какого-нибудь, название пусть придумывают сами. Нинок, не беги впереди паровоза. Мне все равно придется разговаривать с твоим приятелем при тебе, так что, все узнаешь в самом ближайшем будущем. Давай, звони Вадиму, соедини его со мной. Если моя задумка сработает...

То, что услышали потом Майя и Нина в процессе телефонных переговоров Виктории, показалось им отрывком из какого-то крутого зарубежного боевика. Хотя все было просто и даже, можно сказать, изящно. Всего-то и требовался настоящий или подставной инспектор дорожного движения в нужное время и в нужном месте, а с ним — пара помощников. И требовалось на все максимум три минуты. Как Виктория додумалась до такой комбинации, оставалось только гадать, но — додумалась. И не только до этого.

Ко всему прочему, план идеально монтировался с тем, что уже, оказывается, придумал Вадим по отношению к супругу Нины. Вышеозначенный персонаж требовалось обнаружить и водворить в заранее выбранное отделение милиции. Там уже вступали в действие иные силы и даже иное ведомство. Но тоже — простенько и со вкусом, с минимальным количеством действующих лиц и исполнителей, зато, в случае удачи, с максимальной отдачей. А в удаче Вадим, похоже, не сомневался.

Для Майи все эти планы, переговоры, обсуждения оказались совершенно непосильной задачей. У нее разболелась голова, она прилегла на кровать, закрыла глаза и постаралась отрешиться от всего и вся. Но тут завибрировал мобильник, спрятанный под подушкой.

— Майка! — раздался в трубке веселый голос подруги. — Ну, как ты там? С телефоном веселее?

— Просто обхохочешься, — довольно сухо ответила Майя. — Спасибо тебе, Маринка, только звонить мне некому.

— А я на что? Слушай, а ведь нашелся твой супругник.

— То есть? — ошарашенно переспросила Майя.

— То и есть, что нашелся. Мне один умный человек подсказал, а второй, тоже умный, проверил. И вот — пожалуйста.

— Спасибо, — машинально поблагодарила Майя. — И где же он?

— В тюрьме.

— Что?!!

— В тюрьме, моя дорогая, — веселилась Марина, — в любимых всем народом Бутырках. Еще не знаю, за что и каким образом он туда угодил, но факты — вещь упрямая. Может быть, убил кого-нибудь или участвовал в вооруженном ограблении.

— Ты все шутишь. Но это же...

— Это здорово, это значит, что никуда он теперь от нас не денется и все расскажет, как миленький. Не мне, конечно, но это уже детали. Все, целую!

— Целую, — машинально ответила Майя в уже отключившийся аппарат.

Глава шестая.

Волшебная палочка дорожного инспектора. Виктория

План, разработанный мною и одобренный не ведомым мне пока лично Вадимом Петровичем, был прост и незамысловат. К счастью, нервы у меня достаточно крепкие, и я смогла относительно спокойно дожидаться того желанного часа, когда медсестра объявила мне:

- Поедете завтра на томографию. Машина будет в двенадцать часов.
- А куда мы поедем?
- Шофер адрес знает.

Я благоразумно промолчала, просто глубоко вздохнула и устремила на медсестру самый жалостливый взгляд, какой только могла изобразить.

— На юго-запад поедете, — сжалась она. — Там клиника акушерства и гинекологии, у нас с ними договор.

По-моему, мои соседки нервничали больше меня, хотя знали куда меньше. С моей точки зрения, совершенно напрасно: их мужья либо нашлись, либо вот-вот найдутся, а дальше медико-бюрократическая машина со скрипом раскрутит свои колесики, и выйдут они на свободу в прямом и переносном смысле слова. Я же не могла рисковать и менять одну клетку на другую, пусть даже в сто раз более комфортабельную. Спасибо, насиделась.

Второй разговор по мобильному телефону с драгоценным пока еще супругом тоже, как ни странно, принес мне некоторое душевное успокоение. Наверное, потому, что я знала: если мой план удастся, это последний супружеский диалог в нашей жизни.

- Ты поняла, что произошло? — вместо приветствия спросил меня муж, когда я позвонила ему.
- Более чем.
- Можешь дать слово, что ничего подобного больше не повторится?
- Естественно, — спокойно ответила я, ни капельки не покривив при этом душой.

Надейся, надейся. Надеяться ты можешь на все, что твоей душеньке будет угодно. Но меня ты больше не увидишь, разве что во сне. Потому что у моего плана есть продолжение, о котором не знает ни одна живая душа, слишком он для меня важен.

- Хорошо. Я согласился на твое обследование для собственного спокойствия. Вдруг у тебя действительно что-то не в порядке с головой.
- Не исключено, — осторожно проговорила я.
- Томографию везде делают одинаково. А если выявится что-то неправильное, поедешь лечиться за границу, в лучшую клинику. Согласна со мной?
- Абсолютно согласна.

За границу я, милый, безусловно, поеду, только не лечиться. И ни ты, ни твои деньги не будут иметь к этому ровным счетом никакого отношения.

- Кстати, заодно решим там проблему с наследником.
- Не поняла.
- Ну, если у тебя какие-то отклонения, то вряд ли разумно рожать ребенка. Есть же, в конце концов, суррогатные матери. Главное, что это будет мой ребенок.
- Совершенно верно, — поддакнула я. — И с наследственностью ты очень правильно все обдумал. Что мама, что отец, гены в любом случае не то, чтобы очень... Но мы же не будем решать этот вопрос сейчас по телефону, правда?

— Конечно. А ты, кажется, действительно взялась за ум. О твоей наследственности я, знаешь ли, не подумал, ты мне подсказала очень здравую мысль.

Сказать, что я хорошо спала эту ночь, значит, погрешить против истины. Снотворное я принимать не стала, мне была нужна абсолютно ясная голова. Петр Андреевич мою просьбу выполнил: принес яркую косынку и темные очки. Справедливости ради, следует ска-

зать, что доставила ему все эти вещи подруга Майи Марина, и я мысленно сделала зарубку на память: отблагодарить эту милую даму по мере возможности. Ох, думаю, многих мне придется благодарить, но ради того, чтобы обрести вожаделенную свободу, я готова была снять с себя последнюю рубашку.

Все когда-нибудь кончается, закончилась и эта ночь. От приема утренних лекарств я увильнула под предлогом того, что для компьютерной томографии необходимо иметь совершенно ясную голову.

К двенадцати часам я была готова. Одета в тот самый легкий серый брючный костюм, в котором меня сюда привезли, волосы надежно упрятаны под косынку, глаза прикрыты черными очками.

Ехать мы должны были в «Скорой помощи», ожидавшей нас у служебного входа. Сопровождала меня совершенно незнакомая медсестра, которая мазнула по мне безразличным взглядом и сделала приглашающий жест. Я приглашение приняла безропотно и уселась в самый угол салона, так, что медсестра волей-неволей вынуждена была устроиться спиной ко мне. Что и требовалось доказать.

Машина медленно покинула территорию больницы, притормозив, естественно, возле будки охранника, потом покружила по переулкам и выехала на довольно оживленную магистраль. Оставалось надеяться, что шофер последует традиционным маршрутом, тогда мой план сработает безукоризненно.

Видимо, кому-то из небожителей я для разнообразия понравилась. Мы ехали уже полчаса, когда я услышала милицейский свисток. Водитель что-то пробормотал сквозь зубы и прижал машину к обочине. Дверь распахнулась. За нею обнаружили двое симпатичных инспекторов.

- Прошу всех выйти, — сказал один из инспекторов. — Проверка документов.
- Я везу больную на обследование, — возмутилась медсестра.
- Вот это мы сейчас и обследуем, — ухмыльнулся второй инспектор.

Медсестру с моими сопроводительными документами и шофера пригласили пройти в припаркованную неподалеку милицейскую машину. Как только они туда уселись, рядом со мной, точно из-под земли, выросла женщина, одетая в точности так же, как я, с таким же платком на голове и в темных очках.

— Быстро налево, за те кусты, — прошипела она, не разжимая губ. — И дождитесь, пока машина уедет.

Я не заставила себя просить дважды и ускользнула в указанном направлении. А мой двойник уселась в «скорую». Ровно через минуту появился явно матерящийся сквозь зубы шофер и абсолютно спокойная с виду медсестра. Они заняли свои места, машина фыркнула и продолжила свой путь к месту назначения. А рядом со мной оказался приятный с виду мужчина средних лет, который мог быть только Вадимом Петровичем. Им он и оказался.

— Ну, здравствуйте, Виктория, — приветливо сказал он. — Времени у нас — ноль, поэтому давайте в темпе в машину, информацией обменяемся по дороге. Если все сделать грамотно, успех гарантирован.

Почему-то я была уверена в том, что все будет сделано грамотно.

Меня повезли во Внуково, снабдив по дороге дорожной сумкой «со всем для первого ночлега», билетом на самолет «Москва-Санкт-Петербург» и мобильным телефоном нужной мне конфигурации. Заодно я обрела два паспорта: российский и заграничный, с моими фотографиями, но с совершенно другой фамилией.

Отвечаю на недоуменный вопрос: откуда взялись фотографии? Оттуда же, из нашей замечательной больничной палаты. Сейчас практически каждый мобильный телефон снабжен фотоаппаратом, так что, сделать более или менее приличное фото и отослать

его Вадиму Петровичу труда не составило. Дальше, как говорится, уже дело техники.

— Не спрашиваю, куда вы отправитесь из Санкт-Петербурга, потому что знаю: в Бельгию. Быстро удалось купить билет только туда, а с шенгенской визой сами определите дальнейший маршрут. Самолет ваш вылетает через два часа после прибытия рейса из Москвы, так что, «засветиться» в северной столице не успеете. Ну, а уж дальше — сами, Виктория, сами. Я — не волшебник, хотя, кажется, учусь им быть.

— Спасибо большое, — искренне ответила я. — А с двойником моим никаких неприятностей не будет?

— Не будет. Она сбежит на обратной дороге. Не беспокойтесь, девушка — профессионал, свое дело знает прекрасно, нет проблем. Ну, а пока ее будут искать, у вас появится дополнительное время.

— Которое, как известно, деньги, — машинально добавила я. — Передайте, пожалуйста, девчонкам, что я им очень благодарна и обязательно скоро их разыщу. Номера их счетов вам известны, денег я туда накидала достаточно, так что, думаю, и тут особых проблем возникнуть не должно. Что же касается моего ненаглядного, то есть у меня для него хитрая компьютерная мина-сюрприз. Если вдруг он начнет к вам приставать со всякими глупостями, просто скажите, что знаете про секретный файл в интернете и можете в пять минут устроить вселенский переполох. Но вам не придется с ним общаться, хватит с него моих устных гарантий неприятностей.

— А неприятности будут крупные? — неподдельно заинтересовался Вадим Петрович.

— Крупнее не бывает, — заверила его я. — И никакие миллиарды не спасут, прецеденты уже были. Сидит, например, господин Златоусский в местах не столь отдаленных, а уж до чего был крут, не передать. Мой-то помельче калибром будет, так что, и управу на него сыщут быстрее. Нет, информация все-таки великое дело. Кто владеет ею, тот и правит бал.

До Внукова мы доехали точно ко времени начала регистрации на рейс. Вадим Петрович не стал дожидаться, пока я взлечу, и умчался по своим неотложным делам. А я прошла в самолет, устроилась в кресле и, когда пришло время пристегнуть ремни и привести спинки кресел в вертикальное положение, была уже отдохнувшей, свежей и готовой к новым подвигам.

Надо было пройти паспортный и таможенный контроль в Пулкове. Первый я миновала без проблем, на втором немного удивились, что молодая женщина летит за границу с одной небольшой дорожной сумкой. Но вполне удовлетворились объяснением того, что основной багаж отправился из Москвы вместе с мужем, а я, навестив родственников в Питере, следую налегке.

В полете я окончательно успокоилась, даже вздремнула. А когда проснулась, мы уже были в Бельгии.

— Цель приезда? — осведомился у меня по-английски бельгийский полицейский.

Мне удалось более или менее внятно объяснить, что я — фотомодель, подписавшая контракт с агентством, и вот прилетела месяц поработать. При этом я смотрела на полицейского тем взглядом, который сама про себя определяла как «взгляд раненной газели». Им я пользовалась очень редко, и он меня никогда не подводил. Не подвел и на этот раз.

— Удачи, мисс, — пожелал мне полицейский, и я оказалась на свободе.

Поскольку Бельгия возникла спонтанно, ориентироваться мне пришлось на месте. Я и сориентировалась: узнала, как проехать на вокзал, откуда идут поезда в Париж, добралась туда, купила билет и скоротала несколько часов в зале ожидания, представляя себе, что сейчас происходит в Москве. По идее, мое исчезновение уже должны были обнаружить и приступить к радикальным мерам. Поэтому я сочла целесообразным позвонить по новому мобильному телефону своему благоверному и расставить, так сказать, все точки над «i».

— Ты где? — прорычал он в трубку. — Что за цирковые номера?

— Где я — не имеет принципиального значения. Во всяком случае, достать ты меня уже не сможешь.

— Ну, не обольщайся...

— Никогда! Я прекрасно понимаю, с кем имею дело. Поэтому выслушай меня внимательно, это недолго.

— Надеюсь. Более того, надеюсь, что уже вечером мы побеседуем лично.

— Это вряд ли, — мягко ответила я. — Советую вообще прекратить поиски и забыть о моем существовании. Меня нет, я умерла, пропала без вести.

— Ты...

— Не перебивай. Если ты все-таки начнешь меня активно разыскивать и вдруг случится невероятное — найдешь, то очень скоро об этом пожалеешь. Потому что каждые три дня я должна находиться вблизи любого компьютера и давать соответствующую команду соответствующей программе. Если же я этого не смогу сделать, то очень симпатичный материал о твоей, так сказать, «внештатной» деятельности мгновенно разлетится по бесчисленным сайтам интернета. Правоохранительные органы будут в восторге, уверяю тебя. И все твои связи, все деньги не помогут избежать катастрофы. Ты меня понял?

— Я понял, что ты меня шантажируешь, — взорвался Александр Борисович.

— Как ты мог такое подумать? — с неподдельным возмущением отозвалась я. — Ни о каком шантаже и речи быть не может! Просто я защищаюсь, как могу. Оставь меня в покое, забудь о моем существовании — и спи спокойно, никакие компроматы никогда и нигде не всплывут. Даю тебе слово, а ты знаешь, слово держать я умею. Надеюсь, ты понимаешь, что физически устранять меня не только бесполезно, но даже вредно. Опять-таки, для тебя.

— Какая же ты неблагодарная и бессердечная стерва! Вспомни, из какой помойки я тебя вытащил.

— Помню, и очень тебе за это благодарна. Но долг я тебе уже вернула — многократно. За все эти годы ты переплатил бы куда больше денег девицам из службы эскорта и прочим профессионалкам. Так мы договорились? Мне нужно только одно твое «да», и больше мы с тобой никогда друг друга не увидим и не услышим.

— Я люблю тебя, — с огромным трудом выдавил из себя Александр Борисович.

— Перестань. Любимую женщину не запирают в психушку. Так «да» или «нет»?

— Да, дрянь паршивая! Да, у меня нет выбора, ты загнала меня в угол.

— Долг платежом красен, — вздохнула я. — Ты тоже загнал меня в угол, но я из него выбралась. Тебе же с этой минуты вообще ничего не угрожает.

Я дала отбой и только после этого обнаружила, что у меня слегка дрожат руки. Что ж, вполне естественная реакция. Нужно быть сумасшедшей, чтобы ввязываться в борьбу с многоуважаемым Александром Борисовичем, и он сам меня этой сумасшедшей и объявил. Теперь можно было расслабиться и готовиться к поездке в Париж.

До Парижа я добралась без приключений, быстро нашла дешевый отель недалеко от вокзала, а чуть позже — интернет-кафе, которое мне, собственно, и было нужно.

Я ведь собиралась сделать, ни больше, ни меньше, пластическую операцию, желая, чтобы мое прекрасное лицо исчезло из этого мира раз и навсегда.

Клинику пластической хирургии с вполне божескими ценами я нашла в городе Лионе. На следующий день положила оставшиеся у меня деньги на счет в небольшом банке и с пластиковой карточкой в сумочке отправилась в очередное путешествие. Не могу передать, до чего приятно было ощущать себя свободной и независимой, а это чувство подкреплялось еще и тем, что у меня существовал еще один счет в малоизвестном оффшорном банке, естественно, на вымышленное имя. Туда я вложила достаточ-

но денег, чтобы не слишком задумываться о хлебе насущном и крове над головой в ближайшем будущем.

А к концу дня я уже водворилась в прелестную комнатку, меньше всего напоминавшую больничную палату, обговорив абсолютную анонимность и исключив возможность встречи с кем-нибудь из других пациентов. До операции предстояло два дня анализов и прочих процедур, которые я, потребовав персональный компьютер, провела с огромной пользой для себя и своего будущего. Помимо всего прочего, выбрала тот внешний облик, который хотела бы иметь. Когда я посмотрела на получившийся портрет, то осталась крайне довольна. Такие лица не замечают, о таких в соответствующих документах пишут «без особых примет», такие люди живут долго и счастливо, не привлекая внимания окружающих к своей персоне.

Вторым полезным делом был поиск работы. Искать себе занятие во Франции я не хотела: мешал пресловутый языковой барьер. И учить французский язык мне как-то не хотелось. Программисты, особенно такого класса, как я, нужны в любой стране, так что, можно выбрать ту, где говорят по-английски. Например, Англию. И совершенно не обязательно жить и работать в Лондоне, сойдет и что-нибудь менее пафосное.

В конечном итоге, я выбрала три объявления: два из Эдинбурга и одно — из Дублина. Что Ирландия, что Шотландия — мне без разницы, лишь бы работа была интересной, и жильем можно было бы обзавестись без особых проблем. Отослала резюме по всем трем адресам и стала ждать часа «икс», то есть операции.

Когда мне, наконец, сняли бинты, я в первый момент даже испугалась. Красные отеки, черные швы — ужас! Но все постепенно приходило в норму, отеки спадали, швы бледнели, и все отчетливее вырисовывался мой новый облик: молодой, не слишком привлекательной, но и не уродливой женщины. Что, собственно, и требовалось. А контактные линзы серого цвета мне прислали прямо в палату: сервис в этой клинике был на должном уровне.

Словом, через три недели из лионской клиники вышла совсем другая женщина. Первым делом, я посетила парикмахерскую, остриглась и покрасила волосы. А потом отправилась в Гавр, где преспокойно заняла место на пароме, идущем в Англию. Миновать Лондон было невозможно, да и незачем, мне предстояло провести там ночь и сделать несколько покупок, заодно посмотреть карту окрестностей Эдинбурга.

Через день я уже была в поезде, уносившем меня в Шотландию. По интернету я забронировала номер в небольшом трехзвездочном отеле под названием «Пайрис». Подкупило меня то, что расположен этот отель был в центре старого города рядом с железнодорожным вокзалом, и что каждый номер был оборудован интернетом, правда, за дополнительную плату, но шесть евро в сутки я могла себе позволить.

Отель моих ожиданий не обманул. Одноместный номер, со всеми удобствами, крохотный, но уютный, выдержанный, по-видимому, в викторианском стиле. Отдохнув и отоспавшись, я довольно быстро нашла автовокзал и отправилась в небольшую деревушку, примерно в полчаса езды от шотландской столицы. Там, как я и думала, рядом со старинной церквушкой обнаружилось кладбище, а на кладбище сыскалось подходящее надгробие. Некая Маргарет Фишли скончалась трех с половиной лет от роду, одновременно со своими родителями. По-видимому, автокатастрофа.

Подробные объяснения дал местный священник, которого я хоть и с трудом, но понимала. Оказалось, что дружное семейство Фишли погибло не в автокатастрофе, а в результате пожара. Крошка Маргарет родилась в том же году, что и я, только месяцем раньше. Дату ее рождения и дату крещения я аккуратно переписала из церковно-приходской книги. И оставила доброму пастырю некоторую сумму, сказавшись однофамилицей, разыскивающей своих родных. Он поверил, а почему, собственно, он не должен

был мне поверить? Я же честно сказала, что родилась и выросла за границей, английский учила в бельгийской школе...

Дальше я снова действовала по своему плану: вернулась на день в Лондон, посетила Центральный регистрационный архив, пропела там ту же песенку о поисках родственников и за очень умеренную сумму получила три копии свидетельств о рождении и смерти: самой Маргарет и ее родителей.

По дороге на вокзал я наведальась, во-первых, в министерство труда, где мне выдали бланк ходатайства о паспорте, а потом — в магазин игрушек и канцелярских принадлежностей, где приобрела детский печатный набор. В большом универсальном магазине сделала в автомате фотоснимки. На почте оплатила государственную пошлину и получила соответствующую квитанцию.

Вернувшись в Эдинбург, я аккуратно заполнила ходатайство, указав имя и фамилию Маргарет, ее возраст, дату и место рождения и тому подобные данные, а также указала свои приметы: рост, цвет волос и глаз. В графе «занятия» указала «программист». Полные имена родителей Маргарет были списаны из свидетельств о рождении, а имя поручителя, доктора юридических наук Джонатана С. Нютора найдено все в том же интернете на сайте, посвященном старинным церквям в окрестностях Эдинбурга. Подпись доброго священника я, естественно, просто подделала. А потом составила в игрушечной наборной кассе слова «Приходская церковь святого Антония Холборн-Касл» и накрепко отгиснула штамп рядом с подписью.

Копию свидетельства о рождении, ходатайство, две фотографии и квитанцию об уплате пошлины я отправила в паспортное управление. Через пять дней мне в номер вместе с завтраком принесли ценное письмо с вложенным в него новеньким паспортом. Вот и все, собственно говоря. После этого я с чистой совестью отправилась на собеседование в компьютерную фирму, положительно откликнувшуюся на мое резюме.

Получилось все замечательно. Меня попросили продемонстрировать, что я умею, — и я продемонстрировала примерно десятую часть моих возможностей. После этого вопросов уже не возникало, мне предложили место программиста с не слишком большим окладом, но вот уж вопрос оплаты волновал меня меньше всего. Главное — покой и возможность заниматься любимым делом.

Постоянно жить в гостинице я, конечно, не собиралась, поэтому прямо с фирмы направились в небольшую ризлтерскую контору, где мне практически мгновенно подобрали нужный вариант. Десять минут ходьбы от будущей работы, тихая, зеленая улица, двухквартирный дом прошлого, если не позапрошлого века. Внизу — небольшая гостиная и кухня со всем необходимым, наверху — две спальни, одной из которой предстояло сделаться кабинетом, и ванная. Квартиру можно было либо арендовать, либо купить. Немного поразмыслив, я решила остановиться пока на первом варианте: кто знает, как пойдут дела.

А дела пошли очень даже неплохо. На фирме мною были довольны, что я делала в свободное время — абсолютно никого не интересовало. Я же занималась доселе не ведомым мне, но очень, как оказалось, приятным делом: вила гнездо.

Мне казалось, я добилась своего: спокойная, уединенная жизнь, где один день похож на другой, как две капли воды. Спокойная, размеренная работа, где никого не удивляло, что постепенно я выполняла все более и более сложные задачи: по-видимому, считалось, что девушка учится на ходу, имея к программированию несомненные способности. К высоким постам я не стремилась, меня это решительно не интересовало, в жизни коллектива тоже практически не участвовала. Так что, у меня не было ни друзей, ни врагов... ни единой близкой души на свете. И я бы покривила душой, если бы сказала, что жалею об этом.

Глава седьмая.

Задача со многими неизвестными. Майя

Викторию увезли на какое-то обследование, а обратно она... не вернулась. Даже в нашу практически наглухо закрытую палату проникали отголоски бури, поднявшейся снаружи. Могу себе представить: среди бела дня в Москве исчезает женщина, причем не какая-нибудь безвестная особа, а жена одного из самых богатых людей России.

На следующий день Петр Андреевич под большим секретом сообщил нам, что официальная версия, правда, довольно вяло распространяемая средствами массовой информации, это — похищение. Похитили красавицу-миллионершу с целью получения выкупа или с какими-то еще малопонятными целями. Мне показалось, что знал он гораздо больше, чем говорил, но, если с кем-то и поделился дополнительными сведениями, то уж никак не со мной. Нина — вот кто безусловно и безоговорочно владел всем его вниманием. И именно ради нее он старался что-то сделать, как-то помочь.

Помочь мне было довольно сложно. После того, как я официально заявила в милицию, что мой муж находится в Бутырках, события понеслись сумасшедшим галопом, так что, я просто не успевала следить за их развитием.

Нина, которая теперь регулярно ходила на встречи со своим Вадимом Петровичем, рассказала мне, что мой супруг был арестован при попытке ограбления(!) ювелирного магазина (!!). Причем в милиции он отказался сообщать свои паспортные данные, зато намекнул, что если он будет находиться не в КПЗ, а в более комфортных условиях, то может поведать правоохранительным органам кое-что очень для них интересное. Вот после этого его и перевели в Бутырскую тюрьму, где он признался следователю в совершении четырех убийств, совершенных в прошлом году на севере Москвы и по сей день не раскрытых.

Когда Нина вывалила мне все эти новости, на меня нашел какой-то ступор. Дима — убийца? И сам в этом признается? Тогда у него — точно не все в порядке с головой, тогда он и меня мог запросто скинуть с седьмого этажа. Но потом Вадим Петрович передал мне с Ниной папку газетных вырезок, в которых рассказывалось о художествах «северного маньяка», и я окончательно перестала что-либо понимать.

Как мог Дима убить восемнадцатилетнюю студентку какого-то колледжа в начале ноября прошлого года, точнее, четвертого числа? В это время мы гостили у мамы, у нее день рождения — седьмого ноября, а мы прилетели на несколько дней раньше, чтобы заодно еще и немного отдохнуть. У меня не слишком хорошая память на даты, но такое событие даже я запомнила.

Даты остальных убийств, якобы совершенных Димой, мне ничего не говорили, как я ни рылась в памяти. Наверное, это были обычные дни, я либо сидела дома за компьютером, либо ездила за чем-нибудь в издательство... Хотя, постойте! Первого декабря была убита семнадцатилетняя продавщица какого-то универсама. Первого декабря всем редакторам выплатили гонорары сразу за два месяца. Для меня это были огромные деньги, почти тысяча долларов, и, разумеется, я не рискнула ехать с ними в метро и позвонила мужу. Он отвез меня домой, и из дома мы не выходили. Значит, и в этом случае он просто физически не мог никого убить.

— Нина, — чуть не проскулила я, — помоги разобраться. По меньшей мере, на два убийства у Димы — железное алиби. А уж на ноябрьское — так просто железобетонное.

Нина внимательно выслушала мой сбивчивый рассказ.

— Тебе нужно поговорить с Вадимом. Сама я в этой криминальной галиматее ничего не понимаю, пусть разбираются профессионалы. Я попрошу врача устроить вашу встречу. Одно свидание с коллегой могу для разнообразия и пропустить.

Нина устроила-таки встречу с Вадимом Петровичем. И как только я увидела этого рослого, крепко сложенного мужчину с пронзительным взглядом темных глаз, мне стало как-то спокойнее. Такой защитит от любой опасности, с таким не пропадешь.

— Значит, вы и есть та самая Майя, которая умеет летать? — дружелюбно спросил он.

— Как это — летать? — опешила я.

— Ну, выпасть с седьмого этажа и остаться практически целой и невредимой...

— Бог любит дураков и пьяниц, — постаравшись взять себя в руки, ответила я. — К пьяницам меня вряд ли можно отнести, значит, остается первый вариант.

Вадим Петрович рассмеялся. Смех у него тоже был очень привлекательным.

— Ну, на дурочку вы совсем не похожи. Просто — повезло, случается, хотя чрезвычайно редко. Но Нина мне говорила, что вас удивляют некоторые... скажем так, несоответствия в показаниях вашего супруга. А вообще, он может убить, как вы считаете?

— Теоретически убить, может, наверное, каждый. Практически же — Диму я вряд ли бы в этом заподозрила. Обмануть он способен, но убить... Нет, не думаю.

— Зачем же ему понадобилось на себя наговаривать?

Я молча пожала плечами.

— Человек идет и пытается ограбить ювелирный магазин, — задумчиво продолжал Вадим Петрович. — Крайняя нужда в деньгах? Допустим. Но зачем тогда брать на себя еще более тяжелое преступление, да к тому же из разряда серийных?

— Действительно, зачем? — машинально повторила я вопрос.

— Ему достаточно заявить о том, что имеется алиби — и все обвинения рассыпятся. Насколько мне известно, отпечатки пальцев, оставленные на местах преступлений, совершенно не соответствуют отпечаткам вашего супруга. И тем не менее, человек добровольно берет на себя тяжелую вину... Лично я могу это объяснить только одним.

— Чем же?

— Желанием спрятаться от кого-то, кого он боится куда больше, чем правоохранительных органов. Меня смущает только вот что: если муж действительно выбросил вас с лоджии, а потом спрятался в тюрьму, чтобы избежать наказания, то концы с концами не очень сходятся. Свидетелей-то не было, вы пришли в себя сутки спустя, следов никаких никто не искал. Значит, дело в чем-то другом. У меня возникла одна совершенно сумасшедшая теория, но ее надо проверять и проверять. В квартире был кто-то еще. Точнее, появился, когда вы вышли на лоджию. Кто-то, кого ваш супруг испугался до безумия, но все-таки обратил внимание визитера на то, что в доме имеется свидетель. Тот пошел избиваться от свидетеля, а ваш муж тем временем сбежал. В эту версию укладывается практически все, кроме...

— Кроме? — повторила я, глядя на Вадима Петровича, как зачарованный кролик на удава.

— Кроме причин такой паники. Вы же говорили, что ваш муж был менеджером среднего звена, получал неплохие, но отнюдь не сумасшедшие деньги, никаким криминалом тут и не пахло. В общем, Майя, вопросов — миллион, ответов — почти никаких. Я попробую связаться с адвокатом, которого предоставили вашему супругу, может быть, что-то и выяснится, хотя бы в отношении вас. Придется набраться терпения.

— А я — терпеливая, — отозвалась я. — Иногда даже слишком. Мне бы выйти отсюда. Домой. Я же — не сумасшедшая.

— Вот тут я постараюсь вам помочь как можно быстрее. На пару с милейшим Петром Андреевичем. Никто не заинтересован в том, чтобы койка в такой приличной больнице была занята просто так, на нее масса более достойных претендентов найдется. И Нинель постараюсь выгнать, и вас. То есть Нинель-то, если пожелает, сквозь стены пройдет, она женщина железная. А вы... Вы, бедняжка, просто пропадете, у вас, кроме Марины вашей, никого и нет. Хотя... Хотя Марина, пожалуй, Нинель в плане характера не уступит, троих

среднестатистических мужиков стоит. Засим разрешите откланяться.

Когда Вадим Петрович поцеловал мне на прощание руку, все остальное перестало иметь какое бы то ни было значение.

Вернувшись в палату, я, неожиданно для самой себя, спросила у Нины:

— Нина, а этот твой Вадим Петрович, он женат?

Нина оторвалась от толстого глянцевого журнала, который лениво перелистывала и посмотрела на меня с огромным интересом.

— Втюрилась. Любовь с первого взгляда.

— С ума сошла? Просто... просто приятный мужчина.

— Тогда почему тебя интересует его семейное положение?

— Интересно стало, какая жена должна быть у такого человека.

— Понятия не имею, — пожалала плечами Нина. — Он о своей семейной жизни никогда не распространялся. Да меня и не волновало. Но ты, дорогая, точно втрескалась.

— Не суди о всех по себе, — разозлилась я. — Это ты перед визитами Петра Андреевича красоту на себя наводишь.

— Мне просто хочется достойно выглядеть, — хладнокровно отпарировала Нина.

— Когда идешь на свидания к Вадиму Петровичу, то так не прихорашиваешься...

Внезапно Нина рассмеялась.

— Тут действительно с ума можно сойти, — сказала она. — Тебе понравился Вадим Петрович, мне — Петр Андреевич. Ну, и что с того? Кому мы мешаем, скажи на милость?

Наш разговор прервался с внезапным появлением Петра Александровича, выглядевшего как никогда серьезным.

— Я пришел поговорить с Майей о ее делах.

— Что-то случилось? — тревожно спросила я.

— Случилось. И очень серьезное. Сегодня утром вашего супруга обнаружили в камере мертвым. Первая версия — самоубийство. Он повесился.

— Он был в одиночке?

— Нет, но трое его сокамерников спали, как убитые, и утверждают, что не слышали ни малейшего шума.

В то, что Дима мог покончить с собой, я верила не больше, чем в то, что он совершил четыре жестоких убийства и сбросил меня с лоджии. За всем этим стояла чья-то чужая, злая и очень сильная воля.

— Его убили, — тихо проговорила я. — Его нашли и убили те, кто приходил тогда в нашу квартиру.

— Вы это скажете милиции?

— Обязательно скажу, если сюда кто-нибудь придет. Заодно сниму с него дурацкие обвинения в убийствах... Хотя ему, кажется, это уже не поможет.

— Ему уже действительно ничего не поможет, — согласился Петр Андреевич, — но вам, Майя, следует быть поосторожнее.

— Да кому я нужна! — отмахнулась я.

— В принципе, мы можем выписать вас хоть завтра, — продолжил Петр Андреевич. — Любой врач, даже любая комиссия подтвердит, что вы вполне адекватны и ни в каком дальнейшем лечении не нуждаетесь. Только... не разумнее ли пока повременить с выпиской?

— Зачем? — вяло спросила я.

Какая разница, где я буду? Еще несколько минут тому назад я смеялась, собиралась в скором времени вернуться домой, развестись с мужем, начать новую жизнь. И вдруг оказалось, что жизнь стала совершенно иной без каких-либо усилий с моей стороны. Не нужно разводиться, не нужно разменивать квартиру, делить вещи. Ничего не нужно...

— Ну, здесь вы все-таки в безопасности.

— Ее муж тоже считал, что в тюрьме он в безопасности, — неожиданно вмешалась Нина. — Нет, Петр Андреевич, Майя будет в безопасности только там, где ее не смогут найти. И должна оставаться в этом месте до тех пор, пока не выяснится, что за история на самом деле произошла.

— Пожалуй. Но где это самое безопасное место?

— Спрошу Вадима, — тут же среагировала Нина. — Она вытащила свой мобильник и принялась нажимать кнопки. — Недоступен. Ну, ничего, перезвоню еще раз, попозже. Место мы найдем, это не проблема. В крайнем случае, поселю в нашем отеле.

— Не хочу я ни в какой отель! — замотала я головой. — Я вообще ничего не хочу. Мне и здесь неплохо.

— Но на похороны-то все равно придется пойти, — заметил Петр Андреевич. — Вечно же вы не можете здесь находиться, поговорите со своей подругой, если варианты Нины вас не устраивают. Уезжайте за границу к своей матери, наконец.

— Я подумаю, — прошептала я. — Сейчас мне нужно успокоиться, я что-то плохо сообщалаю.

— Хорошо, поговорим позже, — сказал Петр Андреевич и вышел.

Я прилегла на кровать, а Нина все никак не могла уgomониться.

— Хочешь разобраться в том, что произошло? Лежа здесь, ничего не поймешь. Нужно побыстрее выписываться. Займешься делами, или просто к маме уедешь погостить, а там все потихонечку образуется.

— Нина, мне кажется, что Диму убили, — прошептала я. — К самоубийству он был склонен не больше моего. Кто-то за всем этим стоит и дергает за ниточки.

— Возможно, — охотно согласилась Нина. — Но и в этом случае ты сама вряд ли что-то сможешь понять или сделать. По-моему, нужно искать ответ на один-единственный вопрос: кому выгодно?

— Что выгодно?

— Несчастный случай с тобой, который просто по определению должен был оказаться летальным, гибель твоего мужа. По-моему, все это связано, но где, как и почему — не знаю. Вот Вадим наверняка сразу сообразит, с какого конца нужно этот клубок разматывать.

— Думаешь?

— Даже не сомневаюсь. Это — его хлеб, он — профессионал. Твое дело — изложить все известные тебе факты и ждать результатов. Желательно где-нибудь в тихом и безопасном месте.

— Я попрошу Маринку...

— Марину вычислят сразу, она — твоя единственная близкая подруга.

— Тогда что же мне делать?

— Говорю тебе: посоветуйся с Вадимом. Через полчаса уже можно будет ему позвонить, он придет, расскажешь ему все, что знаешь или о чем догадываешься...

— Боюсь, беседа у нас получится очень короткой, — невесело усмехнулась я.

— Ничего, главное, чтобы получилось. Кстати, у меня появилась идея, где тебя можно на время поселить.

— Где?

— Да у моей тетки! Она до октября безвылазно торчит на даче, ключи у моей мамы есть, она три раза в неделю ездит цветы поливать. Никто и не узнает.

— И далеко живет твоя тетка?

— Смотря от чего. От Ваганьковского кладбища, например, в двух шагах, а от железной дороги — вообще в полуметре.

— Какой еще железной дороги?

— Обыкновенной, по которой поезда ходят. Белорусского направления. Каждые три минуты в квартире все трясется, шум не умолкает ни днем, ни ночью. А теперь там еще развязку третьего транспортного кольца устроили, представляешь? Беговая улица, слышала? А теткина пятиэтажка панельная воткнута на каком-то невысшимом пятачке, как остров какой-то. Зато там тебя уж точно никто искать не будет.

— Наверное... Но как же люди там живут?

— Привыкли, — пожалала плечами Нина. — Люди ко всему привыкают. Ну, что, звоню маме? Завтра же ключи будут у тебя.

— Звони, — вяло согласилась я. — Мне, кстати, тоже нужно бы маме позвонить, но я все никак с духом собраться не могу. Она, наверное, уже испереживалась вся, а тут еще нужно сообщить, что Дима погиб... Знаешь, мне почему-то не хочется, чтобы мама приезжала на похороны. Лишнее это. Лучше я сама потом к ней съезжу. Продам машину — на месяц отдыха хватит и еще на жизнь останется.

— Возможно, ты и права, — согласилась Нина. — Но без твоей Марины все равно не обойтись. Кто-то должен привезти тебе платье и обувь, в конце-концов. Мои тебе не подойдут, к сожалению.

— А который сейчас час? — перебила я Нину.

Та извлекла из тайника мобильник и посмотрела на экран.

— Девятый час. Слушай, Майя, я вот подумала: мы с тобой мобильными телефонами пользуемся, а кто на них деньги кладет? То есть с моим все понятно, тут Вадим постарался, мы с ним позже сочтемся. А на твой?

— Марина? — неуверенно предположила я.

— Не уверена. Твоя Марина привыкла пользоваться служебным мобильником, некоторые вещи ей просто в голову не приходят. Впрочем, спроси у нее, иначе возникает еще одна загадка. Ладно, сейчас маме позвоню, пусть с сегодняшней передачей ключи для тебя привезет. А ты Марине попозже позвони... То есть сначала тебе все-таки нужно поговорить с Ва... — В этот момент мобильник у нее в руке завибрировал. — Алло... Ну, легок на помине, только что о тебе заговорили... Да, конечно, тебе нужно встретиться с Майей... Согласна, история странная... Ну, Вадик, ты же профи, разберешься... Приедешь через пару часов? Отлично... Нет, лично мне ничего не нужно, я маму озадачу. Твоя главная миссия сейчас... ну, умный мальчик, все понимаешь. Ладно, пока, целую страстно. — Она отключилась и повернулась ко мне: — Вадим приедет часа через два-три, готовься к свиданию. Ему вся эта история с самоубийством тоже не нравится.

В палате воцарилась тишина. Голова моя была забита только одной мыслью — предстоящей встречей с Вадимом... то есть с Вадимом Петровичем. Мне почему-то казалось, что как только я все ему расскажу, туман загадок рассеется, все станет просто, ясно и даже хорошо.

Я успела поговорить по телефону с Мариной, мы в принципе решили вопрос о моем гардеробе для участия в похоронах и еще несколько других мелких вопросов. К концу разговора я вспомнила сомнения Нины и спросила:

— Маринка, это ты оплачиваешь мой мобильник?

— Нет, — с некоторым удивлением ответила она. — Слушай, прости, я совершенно про это забыла. У тебя кончились деньги? Сегодня же положу.

— В том-то и дело, что деньги не кончаются, а все время откуда-то поступают. Кроме тебя, это никто не может делать... теоретически. С мамой-то я еще не созвонилась, все никак не соберусь с духом.

— Соберись. А я попробую выяснить, откуда поступают деньги на твой счет: мне это как-то не нравится.

— Узнай, пожалуйста. Знаешь, я думаю, что маме на похороны Димы приезжать незачем.

— Правильно думаешь. Сами справимся, я уже на работе договорилась, время у меня будет. Завтра, возможно, заскочу к тебе, поболтаем. Годится?

— Конечно, — вздохнула я.

Мне казалось, что время остановилось, и я еле дождалась прихода Вадима Петровича.

Глава восьмая. Какой мерой мерится... Нина

Каждый раз, когда я смотрю на Майю, меня поражает ее несоответствие окружающему миру. Это хрупкое, миниатюрное создание с доверчивыми глазами должно было появиться на свет в веке эдак восемнадцатом, в каком-нибудь высокородном российском семействе. Танцевала бы на балах, лепетала бы по-французски всякий милый вздор, вышла бы замуж за человека, который носил бы ее на руках, и так далее, и тому подобное. А она пытается приспособиться к современной жизни, то есть спрятаться от реальности.

Забавно, правда, наблюдать, как оживает Вадим, когда разговор заходит о Майе. Похоже, он нашел женщину своей мечты, причем в самом неожиданном и неподходящем месте — психиатрической лечебнице. Голову даю на отсечение: мечтает заботиться о ней, оберегать ее от всяких неприятностей, ходить и лелеять. Ему, бедняге, фатально не везет с личной жизнью: все время попадаются сверхэмансипированные девицы и дамы, которые готовы абсолютно все делать сами, да еще и опекают оказавшегося рядом мужчину. Вадима такие женщины бесят, и я его понимаю, хотя сама примерно такая же.

Я привыкла «держаться удар», выпутываться из всяких малоприятных ситуаций, самостоятельно справляться с житейскими трудностями. Злость для меня всегда была превосходным допингом, а я разозлилась на Армена, так, как никогда в жизни ни на кого не злилась. И не завидую ему: как говорится, «мне отмщение и аз воздам».

Вчера Вадим сообщил, что Армена почти нашли. Собственно, титанических усилий для этого не потребовалось: скрываться мой ненаглядный мог только у одной из своих любовниц, а их обычно было две-три — одновременно. Конспиратор из моего теперь уже почти бывшего мужа всегда был некудышный, просто я не страдаю чувством ревности, нет у меня этого чувства и никогда не было. Примерный список нынешних пассий Армена я Вадиму выдать смогла. А все остальное было уже делом техники, причем достаточно примитивной. Так что, уже было известно, где Армен отсиживается, спасаясь от неминуемого возмездия.

Именно сегодня операция под кодовым названием «Месть» должна войти в свою решающую стадию. Мальчики Вадима «пасли» Армена уже несколько дней, выжидая наиболее благоприятного стечения обстоятельств. Конечно, лучше бы Вадиму лично проследить за тем, чтобы все было проделано безукоризненно, но история с супругом Майи заставила его отвлечься от моей истории. Я — не в претензии: сотрудников Вадим подбирать умеет, с ним ли, без него ли, мальчики справятся на пять с плюсом. Точнее, на три тысячи формально условных единиц приятного зеленого цвета. Честное слово, я бы и дорожке заплатила, но мне объяснили, что со своих лишнего не берут, и что львиная часть этих средств пойдет людям, привлеченным «со стороны».

— Вас оставили в одиночестве, Нина? — услышала я уже хорошо знакомый голос Петра Андреевича.

— Да, Майя увела у меня кавалера, — засмеялась я. — Даже не знаю, как это пережить.

— Думаю, переживете, вы — женщина сильная. А у меня для вас — две хорошие новости. С которой начинать?

— С той, что похуже.

— Послезавтра мы вас, наверное, выпишем.

— Оба-на! — даже присвистнула я от изумления. — Это же самая прекрасная новость, какую вы могли мне сообщить. Неужели вторая еще лучше?

— С моей точки зрения, да. Приходила ваша матушка, принесла то, что вы просили. Помимо обычной передачи, естественно, ее принесут позже. — Он запустил руку в карман и вытащил пару ключей от квартиры тети Тоси. — Теперь Майя может быть совершенно спокойна. И вы не будете за нее волноваться.

— Спасибо, — поблагодарила я. — Только почему первая новость хуже второй?

— Вы выпишетесь, и я не смогу видеть вас каждый день.

— Петр Андреевич, — укоризненно произнесла я, — вы что же, забыли про наш уговор? Во-первых, мы назначили друг другу встречу в ресторане. А во-вторых, мне лично будет куда приятнее встречаться с вами вне этих стен. Или вы боитесь, что получится, как в старой поговорке: «с глаз долой — из сердца вон»?

По тому, как слегка покраснел мой собеседник, я поняла, что попала в точку.

— А на какой день мы назначили эту встречу? — спросил он, избегая смотреть на меня.

— Полагаю, на ближайший же выходной после моей выписки. Вы работаете, я тоже не намерена дома сидеть. Выясню свой график дежурств, приведу себя в порядок и, как говорится, сверим часы. Телефонную связь еще, кажется, никто не отменял.

— Сразу вас на работу не выпишут, — уже гораздо спокойнее сказал Петр Андреевич. — Недельку придется побыть дома.

— Значит, в первый же ваш выходной. Если вы не передумали, конечно.

— Как вы могли такое подумать? — возмутился Петр Андреевич.

— Ну, виновата, ну, пошутила. Что вы сразу занервничали?

— Я не нервничаю, просто...

— Просто привыкли обращаться со мной, как со своей пациенткой. А я, между прочим, вполне нормальная женщина, сами говорили. Так что, перестраивайтесь, время еще есть. А за ключи для Майи большое спасибо. Я действительно за нее волнуюсь. Слишком уж много во всем этом странностей. Со мной все просто и понятно, с Викторией — более или менее, там своя песня, а вот Майя...

О Майе я продолжала думать и после того, как ушел Петр Андреевич. Интересно, что ей скажет Вадим?

Майя вернулась со свидания очень тихая и, по-моему, слегка подавленная. Я не стала с порога засыпать ее вопросами: сама расскажет, как только сочтет нужным. А она начала сходу, не успев даже закрыть за собой дверь.

— Знаешь, Нина, Вадим Петрович рассказал мне совершенно невероятные вещи. Оказывается, Дима был каким-то образом связан с отмыванием денег. Поэтому и ушел из банка. Только... только ушел к тем, для кого эти деньги отмывал. Там ему платили много, очень много... И еще была... есть одна женщина, с которой он... Но, наверное, он, в конце концов, испугался, он же — не преступник, вполне нормальный человек. И решил уйти от меня, чтобы я не оказалась впутанной во все это.

— Пожалел, значит, — не удержалась я от сарказма.

— Пожалел, — серьезно кивнула Майя. — В тот вечер в нашей квартире действительно кто-то был. И испугался, что я стану свидетелем разговора, который мне не надо было слышать. Или решил таким образом показать Диме, что они все могут, что человеческая жизнь для них ничего не стоит.

— Эффектный пример, — вздохнула я. — Главное, очень убедительный.

— Ну, да. Дима, конечно же, решил, что я разбилась насмерть. И боялся, что его обвинят в... ну, словом, в покушении на мою жизнь... В общем, все это так сложно и так страшно!

— Что Вадим предлагает? — спросила я.

— Вадим, то есть Вадим Петрович, сомневается, что мне нужно присутствовать на похоро-

ронах. Я не вполне поняла, почему, но он сказал, что я ведь в больнице, меня могут врачи не отпустить. Но, Нина, я должна, понимаешь...

Я понимала. Но в какой-то степени понимала и опасения Вадима. Если неизвестные злоумышленники один раз уже пытались отправить Майю на тот свет, а потом прикончили ее супруга, кто мешает им довести дело до логического конца? Вероятно, на похоронах с Майей ничего не случится, но уж после них ее действительно надо надежно укрыть. А там видно будет.

— Пойдешь на похороны, — как можно более спокойно сказала я. — Вадим обеспечит твою безопасность. А потом уже будем разбираться, в чем дело. Кстати, Петр Андреевич сказал, что меня послезавтра выпишут.

— А как же твой муж? — всполошилась Майя. — Вдруг он тоже вернется домой и еще что-нибудь постарается с тобой сделать?

— Я сама с ним что-нибудь сделаю, — усмехнулась я. — Кто предупрежден, тот вооружен. Моему ненаглядному возвращаться не с руки: придется долго и нудно объясняться с милицией, и неизвестно еще, чем эти объяснения закончатся. Не волнуйся, я за себя постоять сумею. Да и дел у меня полно, хватит, належалась тут.

— Значит, я останусь одна? — ужаснулась Майя.

— Не останешься. Здесь не останешься. Мама передала мне ключи от квартиры, я уговорю Петра Андреевича побыстрее тебя выписать, скажем, на следующий день после меня, и мы с Вадимом отвезем тебя на новое место жительства. Временное, естественно.

В этот момент завибрировал мой мобильник.

— Нинель, — услышала я довольный голос Вадима, — хочу тебя порадовать.

— Порадуй.

— Твой благоверный влетел в ДТП.

— Я должна ликовать? — сухо осведомилась я. — Или мчаться к нему в больницу с передачей?

— Ты дослушай, стремительная моя. Его задержали за нарушение правил дорожного движения. Доставили в отделение милиции. А он оказался мало того, что под градусом, так еще и чем-то обдолбанным.

— И что дальше? — осторожно спросила я.

— Дальше — самое смешное. Армен Ашотович начал неадекватно себя вести, качать права, обзывать милиционеров всякими нехорошими словами и даже пытался оскорбить их физическими действиями. Ну, явно ненормальное поведение, согласись. После этого, разумеется, обездвигили твоего супруга и увезли в дурдом. Вот так, дорогая, фирма веников не вяжет.

— Лихо! — невольно восхитилась я. — И ты хочешь сказать, что все вот так и прошло: без сучка, без задоринки?

— Какие сучки и задоринки? Если мои хлопцы берутся за дело, они его делают по высшему разряду. Теперь господин Армен будет принудительно лечиться от алкогольной и наркотической зависимости в условиях, довольно далеких от санаторных. А ты тем временем успеешь и развестись, и замки на дверях квартиры сменить. Ну, порадовал я тебя?

— Порадовал, порадовал, — заверила я его. — Хлопцам — отдельное спасибо.

— А что с твоей соседкой? Нашли ей убежище?

Я, в свою очередь, доложила Вадиму о проделанной работе, за что получила премию в устной форме и благодарность в приказе. Обсуждать с Вадимом при Майе ее проблемы мне показалось не совсем правильным, посему я решила с этим разговором чуть-чуть повременить. Скажем, до похорон Димы.

Ночь прошла спокойно и незаметно. На следующий день мама передала мне одежду для выхода в «большой свет» и «сувениры» для врачей. Ну, это уж как полагается. Передала лично: в первый раз за эти долгие дни я нашла в себе силы показаться мамочке в своем новом облике. И мысленно порадовалась, что не сделала этого раньше: увидев дочурку в «больничном варианте», мама залилась слезами и долго не могла успокоиться.

— Мамуля, все самое страшное уже позади, — успокаивала я ее. — Лицо не пострадало, волосы отрастут, да и не в волосах счастье. Успокойся, все уже хорошо.

— Арменчик вернулся из командировки? — спросила мама, все еще всхлипывая.

— Нет еще, — легко соврала я.

Незачем ей знать правду об обожаемом зяте. Чем позже она получит достоверную информацию, тем лучше для нее же. А то опять начнутся слезы, причитания, валидол, валокордин и так далее.

— Кстати, а что это за женщина, для которой я тебе ключи тети Тоси передала? Она — надежный человек?

— Надежный, — кивнула я. — И очень несчастный. У нее только что погиб муж...

— Как?! — ахнула мама.

— Несчастный случай, — спохватилась я. — И она боится пока возвращаться в пустую квартиру. Послезавтра похороны, и я ее прямо оттуда отвезу к тете. Пусть придет в себя, очухается.

— Конечно, конечно. Господи, какое несчастье! Она ведь еще молодая?

— Молодая. Моего, примерно, возраста.

— И детки есть?

— Нет, детей нет. Думаю, у нее все еще впереди.

— А у тебя? — гораздо более строгим тоном спросила мама. — У тебя когда дети появятся?

— У меня тоже все впереди. И вообще, я не понимаю: ты что, хочешь стать бабушкой? Сидеть с внуком или внучкой, света белого не видеть? Я пока работу бросать не собираюсь.

— Ради Бога! Да, я хочу нянчить внуков. Это что — отклонение от нормы?

Пришлось срочно заверять маму, что никаких отклонений у нее не существует, что она — само воплощение нормы и правильности жизни, в общем, вилять хвостом и льстиво улыбаться. Обычно у меня это не слишком хорошо получается, но на сей раз, кажется, сошло.

— Чуть не забыла! — спохватилась мама перед уходом. — Я тут журнальчик тебе привезла, сама в дороге почитала, очень интересно. Хотя ты дамские издания не жалуешь, может, тебя это развлечет.

Вернувшись в палату, я от скуки начала перелистывать журнал. От этого «увлекательного» занятия меня отвлек очередной визит Петра Андреевича.

Как он сам сказал: последний официальный перед выпиской. Завтра будет уже не до того, а ему нужно кое-что мне рассказать.

— По секрету? — заинтересовалась я.

— Ну, это, конечно, информация не для всех, но присутствующие и так в курсе.

— Тогда рассказывайте, не томите.

— Ваш сослуживец связывался со мной, Нина, вы знаете. И я кое в чем помог с вашим... э... ну, вы понимаете...

— С операцией под кодовым названием «Око за око», — помогла я ему. — Я так и думала, что вы не останетесь в стороне. И каково мнение ваших коллег, которые будут заниматься здоровьем моего почти бывшего супруга?

Петр Андреевич пожал плечами.

— Мнение — однозначное: лечить. Покушение на жизнь собственной супруги — раз, вождение машины в нетрезвом виде — два, агрессивное поведение в отношении окружающих — три, обнаружение в крови наркотических веществ — четыре. Такого букета вполне достаточно для полугодового активного лечения.

— Какой мерой мерится... — пробормотала я. — Что ж, я вам очень благодарна. Надеюсь, наша медицина окажется на должной высоте, и Армен вернется в общество здоровым и трудоспособным человеком.

— Надеюсь, — без энтузиазма отозвался Петр Андреевич. — Вы-то довольны?

— Можете считать меня распоследней стервой, но я очень довольна. За полгода много воды утечет, многое можно кардинально изменить, если засучить рукава и как следует поработать. Чем я и намерена заняться. Максимум через три месяца буду свободной женщиной в новой квартире.

— Вам его не жаль?

— Окститесь, Петр Андреевич! Вы же лучше других знаете, как он со мной поступил. Угрызения совести меня не посещают. И не посетят, я думаю. Вы разочарованы?

— Нет, но начинаю вас побаиваться. Вы — женщина с таким сильным характером... А теперь о вас, Майя. Мы хотели выписать вас послезавтра, но...

— Послезавтра похороны, — заметила Майя.

— Вот именно. Поэтому официально мы вас пока не выписываем, только отпускаем на время церемонии. А потом...

— Я вернусь сюда, — тоскливо закончила фразу Майя.

— Не торопитесь, — покачал головой Петр Андреевич. — Формально вы еще будете числиться нашей пациенткой. А фактически... Фактически вас будет опекать коллега Нины, и куда и как вы уедете из крематория, я не знаю и знать не хочу. Я не отвечаю за сбывших пациентов, это — дело охраны.

— Но меня же все равно когда-то нужно будет выписывать!

— Вот и выпишем через денек-другой, заочно, так сказать, «за нарушение больничного режима». Конечно, на работе вы со временем представите другой больничный лист, чтобы не было недоразумений...

— Их не будет. Я работаю по договору, никаких больничных мне все равно никто не оплачивает. Не знаю, правда, на что я буду жить...

— Майя, — вмешалась я, — Виктория же тебе все объяснила. У тебя есть счет в банке, я помогу оформить карточку. Или Вадим это сделает, подумаешь, проблема! Нужно делать так, как говорит Петр Андреевич, план красивый, я бы даже сказала — элегантный.

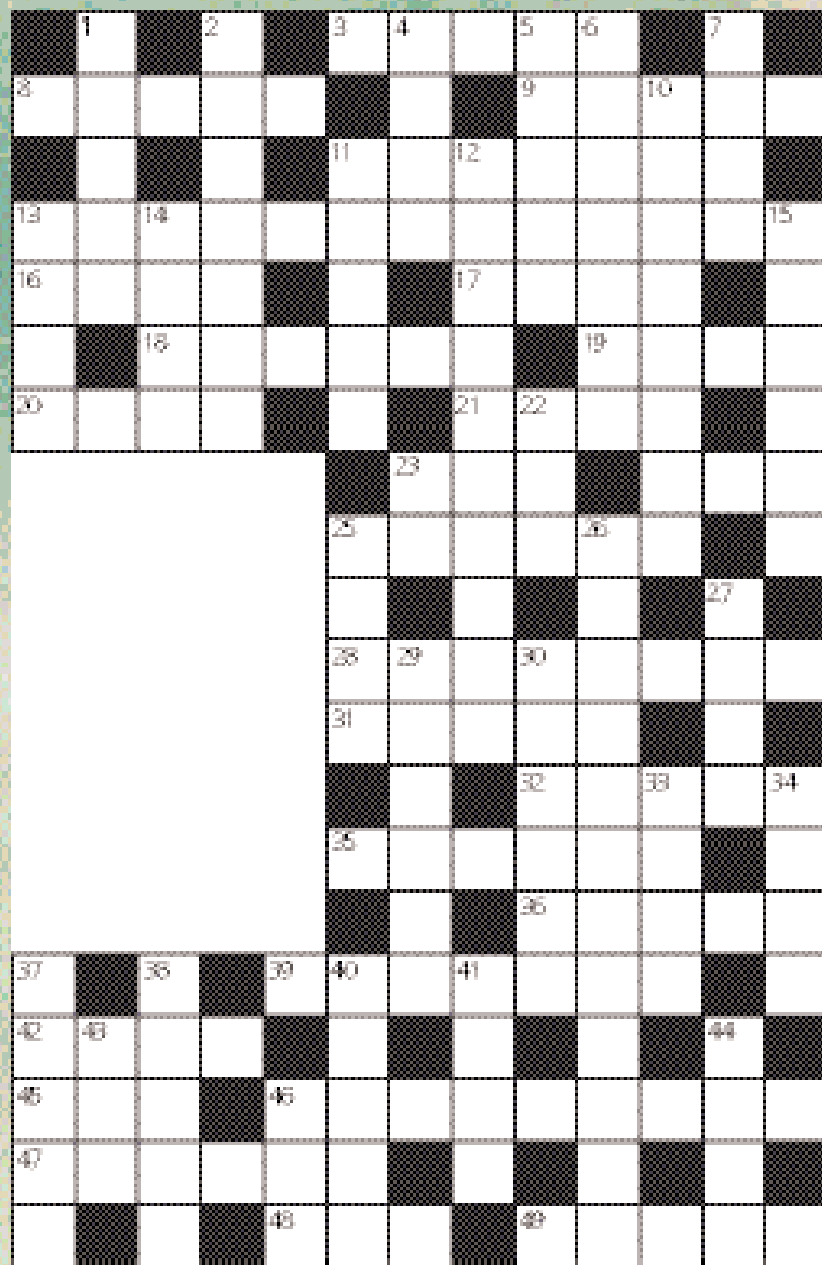
— Спасибо, — улыбнулся мне Петр Андреевич.

Как бы то ни было, даже этот нескончаемый день подошел к концу. Посмеиваясь в душе над собой, я отсчитывала события: последний ужин, последний обход дежурного врача, последняя сигарета перед сном. И последняя таблетка снотворного, иначе я пролежу всю ночь без сна, потому что мыслями — уже вне этих стен, этих решеток, этих дверей без ручек со странными треугольными ключами.

Я отомстила! Ну, пусть не лично, пусть чужими руками, но это свершилось. Теперь начнется новая жизнь, а перемены я всегда любила.

Особенно — перемены к лучшему.

*Окончание следует.
Иллюстрация Сергея Павлова*

?? ?? ?? ??? ?? ?3. Коренной житель приволжской республики, чьи женщины обильно украшали одежду бисером, бусинами и серебряными монетами. 8. Африканский зверь, от чьей шеи не отказалась

бы любопытная Варвара. 9. Ложе. Правда, речное. 11. Двухместный диванчик, популярный в старину. 13. Девушка, выдаваемая замуж, по понятиям богачей, голой. 16. Золотоносная курица. 17. Роман

А.Франса (история обращения куртизанки в христианство). 18. Королева лебедей, «выпущенная» на балетную сцену П.Чайковским. 19. И Дадон, и Никита, и Салтан. 20. Деревянная шкура. 21. Фольклорная пара Марье. 23. Одушевленный результат божественной резьбы по кости. 24. Любимое дерево Анны Ахматовой. 25. Евгения, героиня в романе О. де Бальзака, в чьей душе деньги поселили холод. 28. Чувство нежности, расстроганности. 31. Хладон, постепенно вытесняемый из холодильников другими веществами. 32. Щелочной металл, из-

влекаемый из почвы свеклой и табаком. 35. Пряность, попавшая на русскую кухню в XVI веке. 36. Красное «море» для балтийской кильки. 39. За нее обидно таможеннику Верещагину. 42. Голенастая птица, священная в Египте. 45. Слово, сопровождающее жест, указывающий на дверь. 46. Город южнее Парижа с огромным королевским замком, где царит культ Дианы. 47. Особенность (сбоку или сзади) узкого платья или юбки. 43. Имя Йолы, певшего с С.Ротару «Лаванду». 49. Основное произведение в творчестве Лидии Руслановой и Клавдии Шульженко.

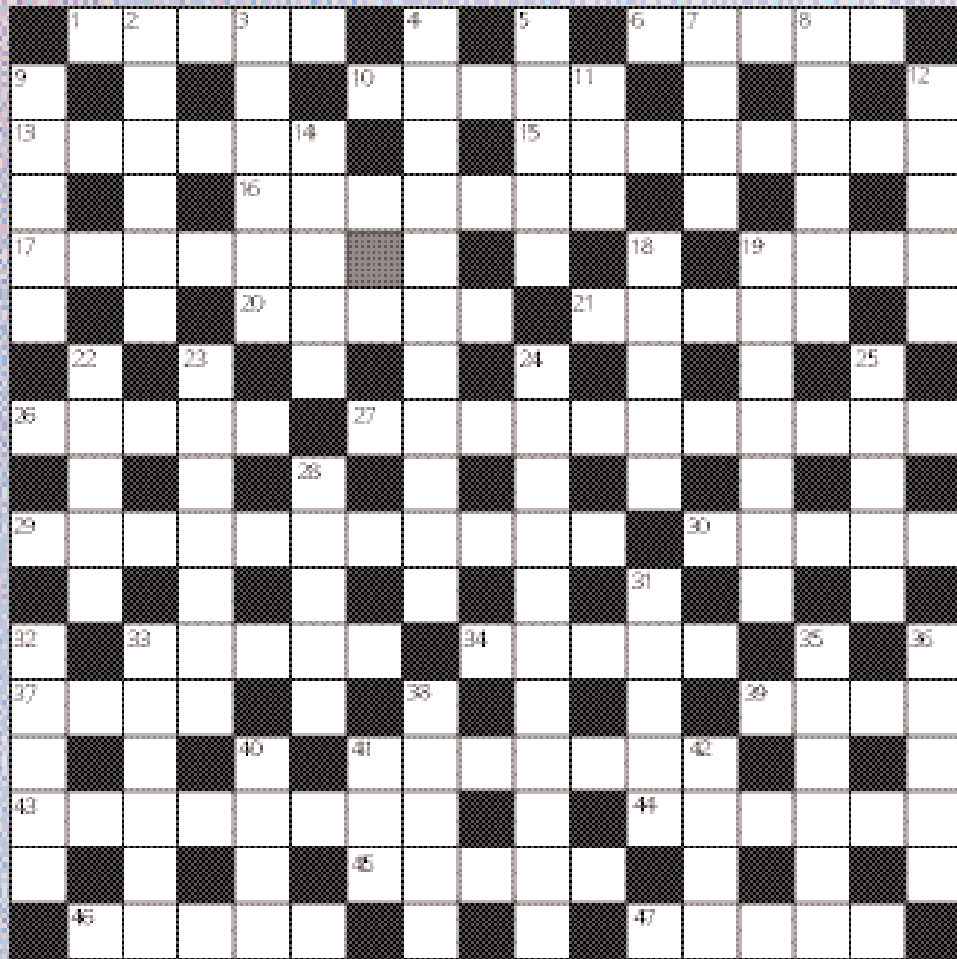
?? ??? ?? ?? ?Продувная ткань. 2. Масляный светильник перед божницей (в «Реквиеме» А.Ахматовой — свеча). 4. Дело няни. 5. Место, где героиня Б.Окуджавы «по проволоке ходила, махала белою рукой». 6. Женщина, сыплющая смешными фразами и прибаутками. 7. «Ать-два, ать-два» (место перед армейской казармой). 10. Результат купания бактерий в молоке. 11. Есть у винограда, руки, а также в руке художника. 12. Способность зайчонка схорониться в траве, где хищнику трудно его найти, поскольку он не пахнет. 13. Двухспальная женщина в жизни В.Маяковского, по выражению современных ему остряков. 14. Союз трав в одном лекарстве. 15. Легкая ткань из шерсти лам. 22. Приставка к фамилии Бетховена или художника Гога. 23. «Твердая» буква еще в 1917 году. 15. Немецкий писатель, чьи сказки с удовольстви-

ем читают и дети, и взрослые. 26. Осушение почвы с помощью канав, каналов или сети подземных труб. 27. Масть дамы, постоянной на сцене Большого театра. 29. Камень, из коего изваяна Венера Милосская. 30. Когда-то она была «академичка», а с 2005 года на первом канале ТВ она «без комплексов». 33. Хоть глаз выколи. 34. Самая маленькая буква греческого алфавита. 37. Жена Черевика в «Сорочинской ярмарке» Н.Гоголя. 38. Стекло, способное либо уменьшать, либо преувеличивать. 40. Девочка с самозаводом. 41. «Любимая — ...! Когда любит поэт, влюбляется бог неприкажанный» (цикл «Послесловие» в книге Б.Пастернака «Сестра моя — жизнь»). 43. Женский шарф из меха или птичьих перьев. 44. Имя Курагиной, первой — беспутной — жены Пьера в романе Л.Толстого «Война и мир». 46. Девушка, о которой только в сказ-

?????? ?? ??????????, ????????????? ? ? 2.

?? ?? ?? ??? ?? 5.Тенор. 7. Факел. 10. Ранок. 15. Фемистокл. 16. Характрон. 17. Танка. 19. Наука. 20. Шасси. 21. Иллюзия. 22. Орало. 25. Диван. 26. Стефенсон. 28. Тарле. 29. Лицей. 30. Орочи. 32. Трава. 35. Чимборасо. 36. Юрист. 40. Широко. 43. Эмерсон. 44. Белов. 46. Порог. 48. Карел. 49. Жимолость. 50. Чатуранга. 51. Надой. 52. Пинта. 53. Нонет. 54. Рента.

?? ??? ?? ?? 12.Велинский. 2. Лотта... 3. Баран. 4. Центурион. 5. Томас. 6. Носки. 8. ... какао. 9. Лорка. 10. Метан. 11. Школа. 12. Батисфера. 14. Коала. 18. Люстр. 23. Маримба. 24. ... янычары. 26. Сайра. 27. Елово. 28. Тетраметр. 31. Зимородок. 33. Астра. 34. Эсперанто. 37. Пипин... 38. ... бокал. 39. «Волга». 41. Роман. 42. Колон. 44. Барин. 45. Ленга. 47. Гойен. 48. Купец.

?? ?? ?? ??? ?? ?? Русский художник и писатель, по ложной скромности считавший, что единственная работа, достойная пережить его, — «Мои воспоминания». 6. Ацтекская водка из сока агавы, максиканцами теперь называемая пульке. 10. Полоски шкуры с ног оленя, песца и других зверей, которыми на Севере подбивают лыжи, оторачивают обувь, одежду, рукавицы. 13. Данте по принадлежности к партии в родной Флоренции. 15. Философ, сказавший: «Я знаю, что ничего не знаю». Но Цицерон безосновательно, по словам С.Лурье, приписал слова Сократу. 16. Город, почти 10 лет бывший резиденцией Б.Хмельницкого. 17.

Зверь, прыгнувший Владимиру Мономаху во время охоты на бедра и поваливший его вместе с конем. 19. Старинное название Черногории. 20. Фольклорная фрау (Любовь-коровница); по ней названы немецкие рыцарские поэты-певцы. 21. Французский писатель и историк, которого русский историк С.Соловьев называл «краснобаем с фальшивыми цитатами», а его сын Владимир при знакомстве нашел «пустейшим врагом». 26. Буддийский священный текст, какой в Китае и Японии писали на свитках с иллюстрациями. 27. Влияние растений друг на друга выделением антибиотиков, фитонцидов и других веществ. 29. Штат США, где

скорее всего был Винланд; там в X веке н.э. побывали скандинавы. 30. Произведение искусства, в полной мере воспринимаемое только при живом свете свечей. 33. Взять за ... — надавить, принудить, припугнуть компроматом. 34. Женщина, ради которой в Африке поджигали термитник, чтобы она могла снять с себя табу, наложенное мужем. 37. Американский писатель, в 1866 году, будучи в России, говоривший, что Америка должник России за дружбу в минуту великих испытаний. «Только безумный может предположить, что Америка когда-либо нарушит верность этой дружбе». 39. Каждое изображение, выставленное в древнерим-

ском атриуме. 41. Ж.Леметр как автор семитомной серии «Современники». 43. Русская поэтесса, на допросе в полиции после убийства ее супругом И.Рейсса сказала в защиту мужа: «Его доверие могло быть обманутым, мое доверие к нему непоколебимо». 44. Морской петух, непрерывно ворчащий и квакающий. 45. Перепончатокрылое насекомое-паразит, чью самку англичане называют бархатным муравьем. 46. Крылатое действо, какое в отношении насекомых — неразгаданная тайна. 47. Магическая диаграмма с переплетенными фигурами, ис-

пользуемая в буддизме как вспомогательное средство при медитации.

?? ??? ?? ?? ?? Иконографический тип Богоматери с младенцем Иисусом, нежно прижимающимся к ней щекой. 3. Представитель амурского народа, шившего из рыбьей кожи обувь, одежду и даже паруса для лодок. 4. Человек, болеющий, по А.Эйнштейну, «корью человечества». 5. «Французских рифмачей суровый ...», о классик Депрео, к тебе взываю я» (А.Пушкин). 7. Земляной медведь русского фольклора. 8. Один из двух художников, вдохновивших Достоевского на искусствоведческие страницы «Идиота» и «Подростка». 9. Рыба, способная уловить запах спирта в Ладожском озере, если его вылить в него лишь один грамм. 11. Японская средневековая «отверстая» монета. 12. Один из трех лекарственных препаратов, в совокупности называемых по имени римского врача Галена. 14. Древнегреческий ваятель; ему, по К.Виланду, «легче было творить богов, чем людей». 18. Пернатый красавец, от которого произошло русское название фата,

?????? ? ? '??????', ????????????? ? ? 2.

?? ?? ?? ??? ?? ?Энергетик. 10. Бедствие. 11. Заявление. 12. Кребийон. 13. ... Хапок. 14. Дидло. 17. Наиб. 18. Жалейка. 19. Айшан. 21. Пирр. 23. Фитоценология. 24. ... Кале. 26. Четьи ... 27. Делавар. 28. Заря. 31. Серов. 32. Вотан. 33. Тонometr. 35. Очернение. 36. Луизиана. 37. Аквармарин.

?? ??? ?? ?? ?Нганасан. 3. Равновесие. 4. Клей. 5. Иридий. 6. Ведро. 7. Особь. 8. Швейцария. 9. Гейнсборо. 12. Клейнод. 15. Скворец. 16. Майонез. 20. Цельтер. 21. Пинакотека. 22. Указатель. 23. Флоренция. 25. Паганини. 29. Корчак. 30. Ямщик. 31. Стенд. 34. Юрта.

*Мы не пишем историю болезни
Мы создаем историю здоровья*

Клеточная терапия
Восстановление функций иммунной системы
Иммуноклеточная терапия

а также:

Косметология | Эндокринология и физиотерапия | Урология
Гинекология | Акушерство | Терапия